

Адам СМИТ

Исследование
о природе
и причинах
богатства
народов

Адам Смит
Исследование о природе и
причинах богатства народов
Серия «Антология
экономической мысли»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=605665
ISBN 978-5-699-18389-0

Аннотация

Настоящее издание открывает серию «Антология экономической мысли» и представляет читателю главный труд «отца» классической политической экономии Адама Смита, заверченный им более 230 лет назад, – «Исследование о природе и причинах богатства народов».

В этой работе А. Смит обобщил идеи ученых за предшествующее столетие, выработал систему категорий, методов и принципов экономической науки и оказал решающее влияние на ее развитие в XIX веке в Великобритании и других странах, включая Россию. Еще при жизни книга А. Смита выдержала несколько изданий и была переведена на другие европейские языки. В полном переводе на русский язык «Богатство народов» последний раз издавалось сорок пять лет

назад (1962 г.). Этот перевод был взят за основу, но в ряде мест уточнен и исправлен.

Впервые издание А. Смита снабжено именованным указателем, сверенным с наиболее авторитетным на Западе шотландским изданием 1976 г.

Для научных работников, историков экономической мысли, аспирантов и студентов, а также всех интересующихся наследием классиков политической экономии.

Содержание

От редакции	7
Адам Смит: Политическая экономия мануфактурного капитализма	9
Исследование о природе и причинах богатства народов	109
Предисловие к третьему изданию	109
Предисловие к четвертому изданию	110
Введение и план сочинения	111
Книга I	116
Глава I	116
Глава II	131
Глава III	138
Глава IV	146
Глава V	157
Глава VI	187
Глава VII	200
Конец ознакомительного фрагмента.	214

Адам Смит

Исследование о природе и причинах богатства народов

Редакционный совет:

Автономов В.С. – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, декан факультета экономики ГУ-ВШЭ.

Ананьин О.И. – кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической методологии и истории ГУ-ВШЭ, руководитель центра ИЭ РАН.

Афанасьев В.С. – доктор экономических наук, профессор кафедры истории народного хозяйства и экономических учений МГУ.

Васина Л.Л. – кандидат экономических наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, руководитель группы МЕГА.

Клюкин П.Н. – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической методологии и истории ГУ-ВШЭ, вице-президент Международного фонда Н.Д. Кондратьева.

Макашева Н.А. – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической методологии и истории ГУ-ВШЭ,

заведующая отделом экономики ИНИОН РАН.

Энтов Р.М. – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, лауреат Государственной премии – 1977 г., лауреат премии А. Смита (A. Smith Award) – 1999 г.

© ООО «Издательство «Эксмо», 2007

От редакции

«Исследованием о природе и причинах богатства народов» А. Смита, в последний раз издававшимся в нашей стране в 1962 г., издательство ЭКСМО открывает масштабную серию по изданию и переизданию классических трудов зарубежных и отечественных экономистов. Все сочинения публикуются не в сокращенном, а в полном варианте. Главная задача серии – «Антология экономической мысли» – сделать доступными для российского читателя памятники мировой экономической литературы, способствовать подъему уровня российской экономической мысли. Стремясь к решению ее, мы имеем в виду не только простое воспроизведение текстологического материала, который необходим для плодотворного обсуждения проблем в чисто научных дискуссиях, но и привлечение талантливой молодежи к осмыслению ключевых проблем современности, к поиску новых идей и концепций. В этой связи публикация оригинальных текстов, побуждающих к самостоятельным размышлениям и суждениям о дне сегодняшнем, является в настоящее время, на наш взгляд, насущной потребностью.

Первые выпуски серии посвящены классической политической экономии. Вслед за изданием А. Смита, преследующего прежде всего дидактические цели, готовятся к печати избранные сочинения Д. Рикардо, физиократов (Ф. Кенэ и

А.Р.Ж. Тюрго), а также том, включающий работы У. Петти и переведенные на русский язык сочинения Дж. Ло и Р. Кантильона. Надеемся, что доброй традицией станет помещение в каждом выпуске приложений, отражающих развитие взглядов или же авторскую позицию того или иного ученого-экономиста в осмыслении основного текста.

В выпусках по классической экономии перевод термина «value» везде оставлен как «стоимость», чтобы не идти вразрез со сложившейся традицией. Читатель должен иметь в виду, однако, что в дореволюционных переводах классиков он переводился как «ценность», считаясь «естественным словоупотреблением русского языка».

Колонтитулы, вследствие большей информативности, сделаны сложные; поэтому в ряде мест они приводятся в сокращенном виде. Примечания авторов обозначены цифрами, редакторские примечания – звездочками. Издания снабжены именными указателями. Дополнительные особенности оговариваются в каждом томе отдельно.

Адам Смит: Политическая экономика мануфактурного капитализма

«Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) великого шотландского ученого Адама Смита (1723–1790) – это труд подлинного энциклопедиста, совершившего революцию в политической экономии, внесшего существенный вклад в становление и развитие таких экономических наук, как история народного хозяйства и экономической мысли, а также теория государственных финансов. Эта работа Смита представляет огромный интерес и для историков, социологов, философов и других обществоведов¹.

«Богатство народов», потребовавшее от Смита более двадцати пяти лет упорного труда, составило эпоху в мировой экономической мысли. Преодолев отраслевую ограниченность теорий своих предшественников, Смит превратил политическую экономию в подлинно общественную науку, оказывающую самое непосредственное воздействие как на современную экономическую мысль, так и на хозяйствен-

¹ «Богатство народов» Смита – это «часть осуществления им незаконченно грандиозного научного проекта «История свободных наук и изящных искусств» (Йозеф А. Шумпетер. История экономического анализа. Спб.: Экономическая школа. 2001. С. 232–233).

ную практику наших дней. Известный американский экономист Кеннет Э. Боулдинг писал: «Современная экономическая теория ведет свою родословную от «Богатства народов» Адама Смита...»².

Теория Смита во многом предопределила дальнейшее развитие политической экономии. Последующие школы экономической мысли складывались и эволюционировали в значительной степени под влиянием теории Смита. И в наши дни это влияние простирается не только на трактовку важнейших проблем экономической теории (соотношение рыночного и государственного регулирования капиталистической экономики, движущие силы экономического развития и т. п.), но и на ее основную структуру. Парадокс, требующий своего объяснения, состоит в том, что экономическое учение Смита выступило в качестве теоретического исходного пункта противоборствующих друг с другом важнейших течений современной экономической мысли: марксизма и неоклассики.

Рыночные экономические реформы, проводимые в последние годы во многих странах мира, в том числе и в России, непосредственно связаны с концепцией «невидимой руки конкуренции», разработанной Смитом более двухсот лет назад³.

² Панорама экономической мысли конца XX столетия. Спб.: Экономическая школа. 2002. Т. 2. С. 908.

³ Вальтер Адамс, Джеймс В. Брок. Адам Смит шагает по Москве: диалог о

Со временем сама работа Смита превратилась в подлинное богатство народов. Произведения, подобные «Богатству народов» Адама Смита, появляются раз в столетие. Для XIX века – это «Капитал» Карла Маркса (I том в 1867 г.), а для XX века – «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) Джона Мейнарда Кейнса.

До конца XVIII века «Богатство народов» выдержало десять английских изданий, не считая публикаций в США и Ирландии, и было переведено на датский, голландский, испанский, немецкий и французский языки, в том числе на два последних языка – неоднократно⁴. Его первый русский перевод, предпринятый молодым чиновником министерства финансов Николаем Политковским, был опубликован в Санкт-Петербурге в четырех томах в 1802–1806 гг. Всего же на русском языке осуществлено десять изданий «Богатства народов». После Второй мировой войны в СССР и России эта работа Смита выходила трижды – в 1962, 1991 (не полностью: лишь книги I и II в составе «Антологии экономической классики» т. 1) и в 1993 годах.

«Богатство народов» Смита включает в себя пять книг, из которых первые две посвящены анализу проблем политической экономии капитализма. Первая книга имеет заголовок, отражающий литературные традиции того времени: «Причи-

радикальной реформе. М.: «Дело ЛТД».

⁴ Йозеф А. Шумпетер. История экономического анализа. Спб.: Экономическая школа, 2001. С. 249.

ны увеличения производительности труда и порядок, в соответствии с которым его продукт естественным образом распределяется между различными классами народа». Вторая книга озаглавлена: «О природе капитала, его накоплении и применении». Третья книга – «О развитии благосостояния у разных народов» – посвящена проблемам истории народного хозяйства. В четвертой книге – «О системах политической экономии» – Смит критикует своих предшественников – меркантилистов и физиократов, которым он противопоставляет свою систему политической экономии⁵. Название пятой книги – «О доходах государя или государства» – свидетельствует о том, что ее предмет – государственные финансы. «Богатство народов» Адама Смита – это своего рода экономическая энциклопедия последней четверти XVIII века.

Идеи свободы предпринимательской деятельности в концепции экономического либерализма Смита обосновывали необходимость ликвидации феодальных порядков с присущими им отношениями личной зависимости и играли прогрессивную роль. Именно поэтому учение Смита получило широчайшее распространение не только в Великобритании, но и далеко за ее пределами, в том числе и в России.

Особую роль в быстром распространении учения Смита

⁵ «Примером... системы политической экономии является (как по замыслу автора, так и фактически) «Богатство народов» А. Смита». (Йозеф А. Шумпетер. Цит. соч. С. 45.)

играла его концепция «невидимой руки конкуренции», в соответствии с которой механизм рынка без какого-либо вмешательства государства в экономику в состоянии обеспечить сочетание частных и общественных интересов и на этой основе – наиболее эффективное развитие экономики. Смит писал о предпринимателе, стремящемся к получению наибольшей прибыли и, как правило, при этом не задумывающемся об общественной пользе: «...в этом случае, как и во многих других, он *невидимой рукой* (курсив мой. – В. А.) направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения... Преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это»⁶. Однако Смит, как отмечает Й. Шумпетер, не придавал слишком большого значения тезису о том, что частный интерес в конечном счете совпадает с общественным интересом, поскольку он «остро чувствовал антагонизм между классами»⁷. К тому же Смит в определенной мере видел и ограниченность рыночного механизма саморегулирования экономики. Он писал, что в тех сферах хозяйства, в которых рынок «не тянет», его должно заменять государство.

Исторический процесс XX века выявил недостаточность и более того – опасность концепции экономического либе-

⁶ Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 443.

⁷ Йозеф А. Шумпетер. Цит. соч. С. 302.

рализма. Стихийное рыночное саморегулирование экономики породило самый глубокий и продолжительный за всю историю капитализма мировой экономический кризис 1929–1933 гг., Великую депрессию, и поставило на грань краха всю капиталистическую систему хозяйства. Стало очевидным, что без дополнения рынка государственным контролем и регулированием капиталистическая экономика существовать не может. К такому заключению пришел один из самых крупных экономистов XX века – английский ученый Дж. М. Кейнс (1883–1946) в работе «Общая теория занятости, процента и денег» (1936). К концу XX века в научной западной экономической мысли оно стало доминирующим и проникло в учебники и справочную литературу по экономической теории. К концу XX века в научной западной экономической мысли этот вывод стал преобладающим и проник в учебники и справочную литературу по экономической теории. «Сейчас известно, – пишет лауреат Нобелевской премии по экономике за 2001 г. американский ученый Дж. Ю. Стиглиц, – что «...утверждение об эффективности рыночной экономики действительно только при строго ограниченных условиях. Несовершенства (рынка. – В.А.)... делают очевидным, что существует много проблем, с которыми рынок не справляется адекватным образом... Сегодня среди американских экономистов *доминирует* (курсив мой. – В.А.) взгляд, что ограниченное государственное вмешательство могло бы смягчить (если не решить) наиболее острые

проблемы: государство должно играть активную роль в поддержании полной занятости и в устранении крайних выражений нищеты, но центральную роль в экономике должно играть частное предпринимательство»⁸.

Следует обратить внимание на то, что в настоящее время рынок не справляется с регулированием именно тех сфер хозяйства, которые играют решающую роль в реализации возможностей современной научно-технической революции, таких как фундаментальная наука, культура, просвещение, здравоохранение, личное потребление широких масс трудящихся, должно обеспечивать высокий стандарт воспроизводства рабочей силы, способной использовать и развивать новейшие технологии, основанные на применении немеханических форм движения материи.

«Словарь современной экономической теории Макмиллана», подготовленный группой западных экономистов, так резюмирует приведенную в нем статью о «невидимой руке конкуренции»: «Современный взгляд на эту проблему сводится к тому, что хотя рука, без сомнения, действует, она, скорее всего, страдает артритом». Опасность стихийного рыночного регулирования экономики для самого существования капиталистической системы весьма рельефно выразил известный предприниматель и общественный деятель Джордж Сорос в работе «Кризис мирового капитализма».

⁸ Дж. Ю. Стиглиц. Экономика государственного сектора. Издательство Московского университета, 1997. Инфра-М, 1997. С. 16.

Он писал: «...Рыночные силы, если им предоставить полную власть, даже в чисто экономических и финансовых вопросах вызывают хаос и в конечном итоге могут привести к падению мировой системы капитализма. Это – мой самый важный вывод в данной книге»⁹.

Очевидно, что «невидимая рука» рынка нуждается в некоем внешнем поддерживающем средстве, роль которого в современной экономике играет государство. «Экономическая роль правительства, несомненно, велика и всеобъемлюща», – констатируют авторы популярного учебника «Экономикс». О мощи государства в современной рыночной экономике свидетельствует тот факт, что, по данным Всемирного банка, в государственные бюджеты стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – а это наиболее развитые в экономическом отношении страны мира – изымается в среднем около 50 % их совокупного валового внутреннего продукта (в 2003 г. он составлял 29,2 трлн долл.)¹⁰. Эти гигантские средства используются и в интересах развития экономики, для дополнения и корректировки рыночного механизма. Тем более существенную роль призвано играть государство в странах с переходной экономикой, в которых еще только формируются рыночные инсти-

⁹ Джордж Сорос. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М.: ИНФРА-М. 1999. С. XXIII.

¹⁰ Statistical Abstract of the United States 2006, 125th edition, Washington 2006, p. 874; «Вопросы экономики». № 7. 1997. С. 8.

туты. Это в полной мере относится и к России, экономический кризис в которой в 90-х годах XX – начале XXI века по своим разрушительным последствиям намного превзошел американскую Великую депрессию 30-х годов в результате применения к реформированию высококонцентрированной советской экономики стихийного рыночного механизма – «невидимой руки» рынка, т. е. модели экономического развития XVII–XVIII веков¹¹.

Исторические условия формирования теории Смита

Капиталистическая мануфактура. Производство Великобритании во второй половине XVIII столетия – в эпоху Смита – характеризовалось господством капиталистической мануфактуры – крупного по тем временам производства, основанного на ремесленной технике и разделении труда. Именно разделение труда, являвшееся в то время главным фактором роста производительности труда, отличало мануфактуру от предшествующей ему простой капиталистической кооперации. В то время как от последующей ступени развития капитализма – машинной индустрии – мануфактура отличалась отсутствием применения машин.

¹¹ Афанасьев В.С. «Великие депрессии в США и России», журнал «Экономист». № 3. 2002; Реформы глазами американских и российских ученых. М.: Российский экономический журнал, 1996.

Мануфактурное разделение труда, ведущее к специализации средств труда, а потому и самого труда, а также к упрощению производственных операций, явилось важнейшей предпосылкой последующего перехода к машинному производству. Во времена Смита оно делало лишь самые первые шаги. Смит был знаком с Джеймсом Уаттом – изобретателем паровой машины – и сотрудничал с ним во время подготовки его изобретения¹². Смит – экономист мануфактурного капитализма кануна промышленной революции – перехода к машинному производству.

Мануфактурное разделение труда «по Смигу... является практически единственным фактором экономического прогресса»¹³. Показательно, что Смит ставит на первое место не механическую, а социальную производительную силу – разделение труда, которое и в XXI веке наряду с дисциплиной труда, управлением производством, предпринимательством, организацией производства и другими ее формами играет огромную роль.

Смит писал, что рост выработки в результате разделения труда определяется следующими тремя обстоятельствами: во-первых, увеличением ловкости каждого отдельного рабочего; во-вторых, экономией времени, которое теряется – при

¹² Андрей Аникин. Адам Смит. М.: Молодая гвардия, 1968. С. 70–80; его же – Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей экономистов до Маркса. 4-е изд. М.: Политиздат, 1985.

¹³ Йозеф Шумпетер. Цит. соч. С. 240.

отсутствии разделения труда – при переходе от одного вида труда к другому; в-третьих, изобретением большого числа приспособлений и машин, способствующих повышению производительности труда¹⁴.

При этом Смит особое внимание уделял обучению как важнейшему фактору роста производительности труда. «... Адам Смит гораздо яснее понимал чрезвычайную важность человеческих знаний и ноу-хау для производственного процесса, чем современные экономисты... Экономическое развитие – это процесс, который почти полностью происходит в сознании людей. Это в значительной мере процесс обучения...»¹⁵.

Смит посвятил три первых главы «Богатства народов» проблеме разделения труда. Характерно при этом, что данная проблема получает у Смита двоякую трактовку. С одной стороны, Смит видит, что разделение труда порождается теми многочисленными преимуществами, которые получает использующее его производство (рост производительности труда и качества товаров, снижение издержек производства на единицу продукции и т. п.). С другой стороны, он пишет, что разделение труда «представляет собой последствие... определенной склонности человеческой природы...»

¹⁴ Адам Смит. Цит. соч. С. 72–73.

¹⁵ Кеннет Э. Боулдинг. Экономическая теория и социальные системы. Панорама экономической мысли конца XX столетия. Спб.: Экономическая школа, 2002. С. 920.

а именно склонности к торговле, к обмену одного предмета на другой»¹⁶, и потому оно зависит и от объема рынка.

Нетрудно заметить, что методологически это разные трактовки: если первая позиция Смита ищет причину разделения труда в тех положительных изменениях, которые оно вызывает в процессе производства *потребительных стоимостей*, то вторая обращается к товарным, рыночным, следовательно, *стоимостным* аспектам проблемы.

На эту противоречивость методологических позиций Смита следует обратить особое внимание, поскольку она характерна для его трактовок фактически всех рассматриваемых им экономических проблем.

В «Богатстве народов» Смит приводит, ставшее классическим, описание мануфактурного производства английских булавок, отмечая при этом, что выработка на одного рабочего сравнительно с индивидуальным ремесленником в результате разделения труда в мануфактуре увеличилась в сотни раз. Он писал, что труд по производству булавок в лучших мануфактурах разделен приблизительно на 18 самостоятельных операций: «Один рабочий тянет проволоку, другой выпрямляет ее, третий обрезает, четвертый заостряет конец, пятый обтачивает один конец для насаживания головки; изготовление самой головки требует двух или трех самостоятельных операций; насадка ее составляет особую операцию, полировка головки – другую; самостоятельной опе-

¹⁶ Адам Смит. Цит. соч. С. 76.

рацией является даже завертывание готовых булавок в пакетики»¹⁷. В результате достигается высокий уровень производительности труда. 10 рабочих, пишет Смит, в такой мануфактуре за один день производят свыше 48 тысяч булавок. Результат более чем поразительный, если учесть, что при этом применялись только ремесленные, ручные орудия труда. «Но если бы все они, – продолжает Смит, – работали в одиночку и независимо друг от друга и не были приучены к этой специальной работе, то, несомненно, ни один из них не смог бы сделать двадцати, а может быть, даже и одной булавки в день»¹⁸.

Видел Смит не только позитивные, но и негативные стороны разделения труда, в том числе и порождаемую им опасность вырождения народа. Он писал: «С развитием разделения труда занятие подавляющего большинства тех, кто живет своим трудом, т. е. главной массы народа, сводится к очень небольшому числу простых операций, чаще всего к одной или двум»¹⁹. В этих условиях работник не имеет возможности развивать свои физические и умственные способности, кроме тех, которые требуются для выполнения простых производственных операций. В результате он «становится... тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо», что наносит огромный вред здоро-

¹⁷ Адам Смит. Цит. соч. С. 69–70.

¹⁸ Адам Смит. Цит. соч. С. 70.

¹⁹ Адам Смит. Цит. соч. С. 722.

вью народа, а тем самым экономике страны и ее военной мощи. Между тем, поясняет Смит, «в каждом развитом цивилизованном обществе в такое именно состояние должны неизбежно впадать трудящиеся бедняки, т. е. главная масса народа, если только правительство не прилагает усилий для предотвращения этого»²⁰. Здесь, как и в других случаях, когда рыночный механизм не срабатывает, Смит – разумный поборник свободы предпринимательства – обращается к силе государства.

Историческая призма теории Смита. В силу той исключительной роли, которую играло разделение труда в условиях мануфактуры, для Смита оно выступает как своего рода «историческая призма», сквозь которую он рассматривает экономические явления своей эпохи. Исследуя труд под углом зрения его разделения в обществе, Смит сумел уловить общественную целостность труда в отличие от его отраслевой специфики, на которую делали акцент его предшественники (меркантилисты – на труд в сфере торговли, добычи благородных металлов; физиократы – на труд в сельском хозяйстве). Тем самым Смицу удалось в значительной мере преодолеть отраслевой подход к анализу экономических явлений, характерный для меркантилизма и физиократии. В его трактовке политическая экономия впервые предстает как наука об экономике общества в целом, а не какой-либо ее отдельной сферы или отрасли, хотя бы и очень

²⁰ Адам Смит. Цит. соч. С. 722.

важной. У Смита она выступает как наука о «богатстве народов». В результате политическая экономия – народнохозяйственная в своей сущности наука – сбрасывает ранее присущую ей отраслевую оболочку.

Эта «призма» позволила Смиту установить, что труд выступает источником стоимости в любой отрасли материального производства, что явилось важнейшим шагом вперед в развитии трудовой теории стоимости, начало которой положил английский ученый Уильям Петти (1623–1687).

Рассматривая разделение труда как важнейший метод повышения его производительности, Смит находит в нем объяснение многих явлений современной ему экономики. Так, причину отставания сельского хозяйства от промышленности он видит прежде всего в неразвитости в сельском хозяйстве разделения труда, обусловленной природными факторами. С этих же позиций он объясняет неравномерность в развитии отдельных регионов и стран. В упрощении производственных операций в результате развития разделения труда Смит усматривает предпосылку изобретения машин, повышающих эффективность разделения труда. «Повсеместное установление разделения труда» рассматривается Смитом в качестве важнейшей причины превращения товарного обмена (по мнению Смита, присущего самой «природе человека») в настоятельную экономическую необходимость.

Смит подчеркивал, что степень развития разделения тру-

да в значительной мере определяется емкостью рынка. Эта мысль Смита зафиксирована в названии третьей главы его главной работы «Богатство народов»: «Разделение труда ограничивается размерами рынка». Если учесть, что разделение труда во времена Смита являлось главным средством повышения производительности труда, это его положение приобретает существенную теоретическую и практическую значимость: в рыночной экономике уровень развития производительных сил в конечном счете определяется размерами рынка.

Эта концепция, выразившая важнейшую закономерность рыночной экономики, открытую Смитом, нашла свое дальнейшее развитие в работах выдающихся мыслителей-экономистов, в том числе К. Маркса (в его учении о взаимосвязи производительных сил и общественно-производственных отношений) и Дж. М. Кейнса (в его концепции экономических реформ и, в частности, в теории эффективного спроса – фактора непосредственно определяющего динамику капиталистического производства). Данная закономерность блестяще подтверждается массовыми данными нашего времени. К примеру, в годы Второй мировой войны (1939–1945), когда были созданы – через систему государственных заказов на военную продукцию – весьма благоприятные условия для ее сбыта, объем промышленного производства в США удвоился за очень короткое время – 6 лет. Для сравнения скажем, что удвоение промышленного производства в США

в предвоенный период, когда таких благоприятных рыночных условий не было, потребовало примерно 18 лет, а сразу после Второй мировой войны – 12 лет, т. е. в 2–3 раза больше²¹. Этот пример говорит о том, какой значительный экономический потенциал можно привести в движение, если обеспечить соответствие между условиями производства и условиями реализации товарной продукции в промышленно развитой капиталистической стране.

Двойственность методологии и теоретической системы Смита

Два метода исследования Смита. Смит одновременно применял два различных метода исследования: описательный и абстрактный. Причина этого заключается в том, что Смит выступил как обобщающий экономист мануфактурного капитализма и потому должен был не только исследовать внутренние зависимости экономических процессов (и для этого использовать абстрактный метод), но и дать внешнюю характеристику всей экономической системе мануфактурного капитализма в целом (что требовало применения описательного метода). К тому же с рядом экономических явлений Смит в своих исследованиях столкнулся впервые, а потому и ограничивался их простым описанием.

²¹ Рассчитано по данным: Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. N.Y. 1989. P. 666–667.

Внешняя форма экономических явлений, как правило, не совпадает с их содержанием. Это присуще и явлениям природы. Представляется, например, что Солнце движется по небосклону вокруг Земли. Между тем известно, что такое представление ошибочно, и в действительности Земля вращается вокруг Солнца. Научная истина требует глубокого проникновения в суть исследуемых явлений, в то, что непосредственно сознанием не воспринимается и нередко явно противоречит обыденному и притом очевидному представлению, отражающему лишь внешнюю видимость явлений.

Одновременное применение Смитом двух различных методов исследования приводило к тому, что при рассмотрении каждой экономической проблемы он получал, как правило, две (а иногда и больше) различные и противоречащие друг другу теоретические трактовки. Парадокс состоял в том, что в большинстве своем, взятые сами по себе, эти трактовки были правильными в том смысле, что они верно отражали реальные свойства экономических явлений. Различие между ними состояло, как правило, в том, что одни из них выражали сущностные стороны таких явлений, в то время как другие – фиксировали противоречащие им внешние, обманчивые формы.

Противоречивость теории Смита, свидетельствующая о ее некоторой неразвитости, тем не менее составляет ее важное научное достоинство. Дело в том, что эти противоречия, как правило, вовсе не являлись результатом ошибок Сми-

та. Они проистекали из двух причин: во-первых, из противоречивости самих экономических явлений, которые исследовал Смит, из того, что внешняя форма экономического явления, как правило, не совпадает с его содержанием, и, во-вторых, из противоречивости примененного Смитом метода исследования. Правильно описывая внешнюю форму того или иного экономического явления и правильно раскрывая его содержание, но не умея определить действительного их соотношения, Смит получал противоречивую трактовку этого явления и тем самым поднимал перед экономической наукой важные теоретические проблемы. Противоречия теории Смита явились по этой причине важнейшим фактором развития экономической науки как классического, так и неоклассического направления.

Недостаток же теории Смита состоял в том, что он ставил на одну доску те различные результаты, которые он получал с помощью различных методов исследования, смешивая содержание экономического явления и его внешнюю форму, которая выступала в его теории как некая «вторая сущность». В результате двойственность примененного Смитом метода обусловила и двойственность всей его теоретической системы. С помощью описательного метода Смит получал достаточно цельную картину общественно экономических отношений, какой она выглядит на поверхности явлений экономической жизни общества. Абстрактный же метод, примененный Смитом, позволял ему разработать дру-

гой теоретический блок, отражающий свойства той же самой экономической системы, но уже с точки зрения ее сущностных закономерностей.

Два блока теоретической системы Смита. Двойственность методологии Смита обусловила, таким образом, двойственность всей его экономической теории, фактически состоящей из двух различных, тесно связанных и переплетающихся друг с другом теоретических блоков: описательного и аналитического (рис. 1).

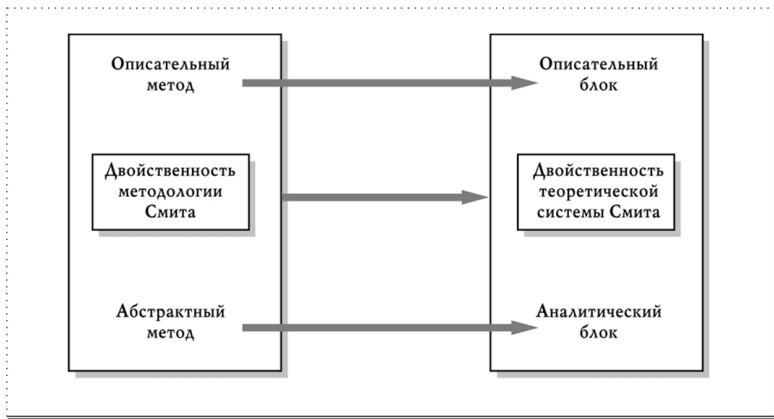

Рис. 1. Двойственность методологии и теоретической системы Смита.

Понимание истоков двойственности экономической теории Смита существенно важно не только для выявления ее

особенностей, но и для раскрытия всего процесса эволюции экономической мысли после Смита. Последующее развитие политической экономии (в некоторых аспектах – вплоть до наших дней) во многом сводилось сначала к систематизации и разработке идей, входящих в эти два противоречащих друг другу различных теоретических блока учения Смита, в полемике между сторонниками этих блоков, а затем в постепенном обособлении данных блоков друг от друга, а со временем и в противопоставлении их друг другу в качестве самостоятельных течений политической экономии, нередко ведущих между собой ожесточенную теоретическую и идеологическую борьбу (рис. 2).

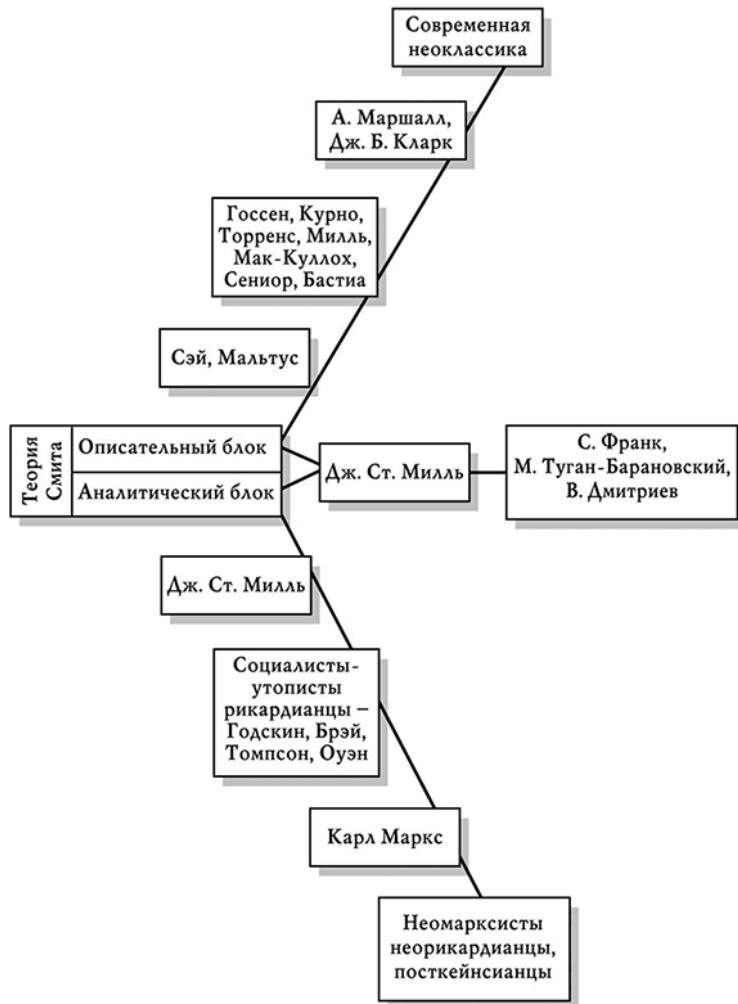

Рис. 2. Превращение теоретических блоков учения Смита в самостоятельные течения экономической теории

В данной связи известный экономист М. Добб в работе «Теории ценности и распределения после Адама Смита» (1973) выделял «две совершенно различных и соперничающих в экономической мысли XIX в. традиции, объясняющих порядок и способ детерминации феноменов обмена и распределения», восходящих к теории А. Смита.

«Первая традиция, берущая начало от Смитовой теории естественных цен на основе издержек производства (теории ценности, основанной на суммировании издержек), разрабатывалась Сениором, Миллем, Дживонсом, Маршаллом и Вальрасом и далее современными неоклассическими теоретиками общего равновесия, такими как Самуэльсон, Эрроу и Дебре; другая, берущая начало от Смитова видения взаимозависимости цен конечных благ, с одной стороны, и доходов общественных классов, формирующих издержки производства этих благ, с другой стороны, разрабатывалась Рикардо, Марксом и Сраффой и далее неомарксистами и неорикардистами середины XX в.»²².

Как и во многих других процессах развития экономической мысли, в качестве решающего фактора размежевания данных тенденций выступила идеологическая борьба меж-

²² Панорама экономической мысли конца XX столетия. Спб.: Экономическая школа, 2002. С. 41–42.

ду трудом и капиталом²³. И в наши дни аналитический блок теории Смита, а подчас и все его учение является объектом нападков со стороны буржуазных экономистов²⁴.

Тем не менее попытки стать над идеологией, соединить все более расходящиеся тенденции в экономической теории появляются сразу же, как только явственно обнаруживается противопоставление данных двух тенденций в трудах Дж. Стюарта Милля (1806–1873), особенно в теории стоимости в работах российских ученых С.Л. Франка (1877–1950), М.И. Туган-Барановского (1865–1919), В.К. Дмитриева (1868–1913) и ряда других ученых.

В методологическом отношении борьба двух тенденций в экономической теории – это борьба между «сущностью», внутренними свойствами и закономерностями экономических явлений и процессов и их внешними «превращенными формами», в которых эти же явления и процессы выступают на поверхности экономической жизни.

Начало метода экономической двойственности. Двойственность методологии Смита приобретает более конкрет-

²³ «Согласно Доббу, решающим фактором, определяющим выбор экономиста-ми одного из этих двух классических подходов, характеризовавшимися своими особыми предпосылками, понятиями и теориями, была идеология». (Панорама экономической мысли конца XX столетия. Спб.: Экономическая школа, 2002. С. 42. См. также: Современная экономическая мысль. М.: Прогресс, 1981. Под ред. С. Вайнтрауба. Гл. 23.)

²⁴ Йозеф А. Шумпетер. Цит. соч. С. 235–237, 242, 244; Марк Блауг. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1994. С. 35.

ные формы, присущие собственно методологии экономического анализа, если учесть, что его основу Смит видел в выявлении фундаментальной роли труда в экономической жизни общества. Труд, писал он, доставляет людям «первоначальный фонд» их жизнедеятельности в виде продуктов, необходимых им для существования, а также удобства жизни. Труд выступает и в качестве источника стоимости этих продуктов.

Такая позиция Смита имеет глубокие основания. Экономические явления тем и отличаются от всех других общественных явлений, что они представляют собой различные выражения человеческого труда (живого или овеществленного, содержания труда или его общественной формы, средств труда, предметов труда, результатов труда, его эффективности, условий, оплаты, распределения и обмена результатами труда и т. д. и т. п.). По этой причине Смит вполне правомерно рассматривает различные экономические явления с точки зрения их отношения к труду. Это своего рода отправной пункт научных исследований Смита.

Однако Смиту была неизвестна двойственная природа труда товаропроизводителя, его разграничение на труд конкретный (полезная форма труда, создающая потребительную стоимость товара) и труд абстрактный (затраты общественного труда, определяющие стоимость товара)²⁵. В результате этого в одних случаях он рассматривает экономи-

²⁵ Поэтому в нижеприведенной схеме эти категории поставлены в скобки.

ческие явления с позиции конкретного труда и в итоге получает ряд теоретических трактовок, отражающих лишь внешнюю видимость этих явлений, а в других – он исследует те же самые явления с точки зрения абстрактного труда, что позволяет ему разработать другой ряд теоретических позиций, отражающих сущностные свойства этих экономических явлений (рис. 3).

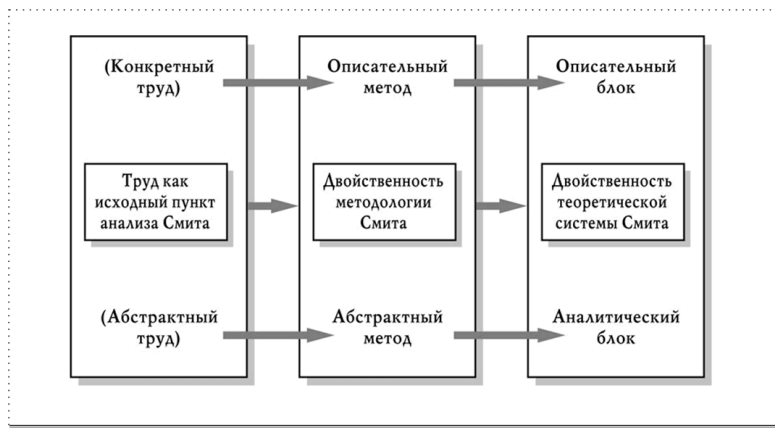

Рис. 3. Истоки двойственной методологии и теории А. Смита

Таким образом, описательный метод Смита в своей сути представляет собой подход к экономическим явлениям с позиции конкретного труда, а его абстрактный метод – их анализ с точки зрения абстрактного труда. Двойственность

методологии и теории Смита объясняется, таким образом, интуитивным применением им метода экономической двойственности – в качестве специфического метода экономического анализа. Неслучайно Маркс писал о противоречиях теории Смита, что «...их источник следует искать как раз в научных исходных пунктах А. Смита»²⁶.

Результат годового труда нации и богатство в трактовке Смита. Примером противоречивости итогов применения Смитом метода экономической двойственности могут служить его рассуждения о результатах годового труда нации.

С одной стороны, он утверждает, что таковым результатом является вся **сумма** произведенных за год **потребительных стоимостей**. Введение к «Богатству народов» начинается со следующих слов: «Годичный труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им в течение года и состоящие всегда или из непосредственных продуктов этого труда, или из того, что приобретается в обмен на эти продукты у других народов»²⁷. Таково заключение Смита, полученное с позиции описательного метода. Вместе с тем видно и то, что этот результат отражает подход Смита к результату годового труда нации с точки зрения конкретного труда, создающего потребительную стоимость товара.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 24. С. 421.

²⁷ Адам Смит. Цит. соч. С. 65.

С другой стороны, результат годового труда нации представляется Смиту, использовавшему в данном случае абстрактный метод, в качестве всей **суммы новой стоимости**, в которой воплощен затраченный в течение года труд нации. Он пишет, например, о «...меново́й стоимости всех товаров, составляющих общий годичный продукт труда каждой страны, взятых в общей сложности»²⁸.

Здесь Смит ведет речь о результате, полученном им с позиции абстрактного метода, выделяющем стоимостной аспект проблемы.

На этом примере видно, что Смит при изучении одной и той же проблемы – результата годового труда нации – вследствие одновременного использования различных методов исследования – описательного и абстрактного – действительно получает два различных результата. В первом случае им выступает вся сумма потребительных стоимостей, созданных за год, то есть общественный продукт, произведенный трудом нации в течение года, во втором же – созданный этим трудом национальный доход, представляющий собой всю сумму новой стоимости, произведенную в течение года (рис. 4).

²⁸ Адам Смит. Там же. С. 107.

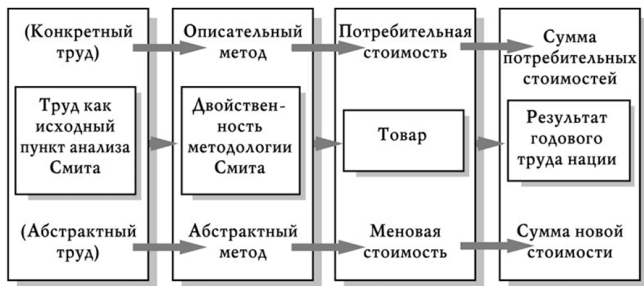

Рис. 4. Методологическая основа трактовки Смитом результатов годового труда нации

Из схемы видно, что полученная Смитом двойственность результатов годового труда нации отражает в конечном счете двойственную природу труда, а также товара, представляющего собой противоречивое единство потребительной стоимости (полезности) и стоимости.

Смешение Смитом результатов исследования годового труда нации ведет к отождествлению им стоимостных структур общественного продукта (включающего в себя как стоимость израсходованных на его производство средств производства, так и вновь созданную стоимость) и национального дохода, в котором представлена только вновь созданная в данном году стоимость. Отсюда проистекает так называемая «догма Смита», состоящая в исключении им из стоимостной структуры товара стоимости израсходованных средств про-

изводства и помешавшая ему в исследовании процессов воспроизводства.

Подобного рода двойственную трактовку Смит дает и другим экономическим явлениям, в том числе и богатству. С одной стороны, он отмечает, что «каждый человек богат или беден в зависимости от того, в какой степени он может пользоваться предметами необходимости, удобства и удовольствия»²⁹. Богатство здесь трактуется с позиции описательного метода как сумма потребительных стоимостей, которая находится в распоряжении человека. Такая форма богатства была типична (по терминологии Смита) для «первобытного», фактически же – для докапиталистического общества.

Смит решительно выступал против меркантилистов, полагавших, что богатство выражается в количестве золота (золотовалютных резервов), находящихся в руках государства. По Смицу, богатство состоит в «предметах необходимости, удобства и удовольствия», т. е. как предметов потребления, так и средств производства, реально располагаемых населением.

Другая позиция Смита о богатстве выделяет стоимостной аспект проблемы. Он писал, что человек «богат или беден в зависимости от количества того труда, которым он может распоряжаться или которое он может купить»³⁰. Здесь фактически Смит ведет речь о той форме богатства, которая

²⁹ Адам Смит. Цит. соч. С. 88.

³⁰ Там же.

присуца капиталистической экономике, где богатыми являются те, кто имеет возможность «распоряжаться» трудом других людей или покупать этот труд. Одновременное применение Смитом двух разных методов дает двойкую трактовку как структуры товара, так и богатства (рис. 5).

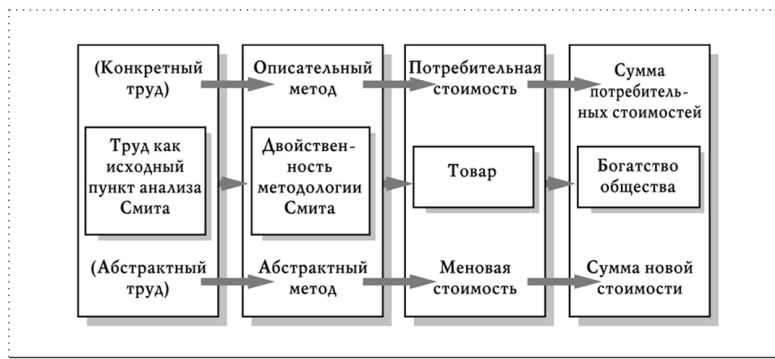

Рис. 5. Методологическая основа двойственной трактовки Смитом богатства общества

Отсюда видна важнейшая особенность методологии Смита: в качестве специфического метода экономического анализа он использует трудовую теорию стоимости. С точки зрения этой теории он анализирует экономические явления своей эпохи, что придает его исследованию системный характер. Видный английский ученый-экономист конца XIX – начала XX века. Альфред Маршалл отмечал, что книга Смита «Богатство народов» является «**образцовой методологи-**

чески». При этом Маршалл писал о Смите: «Он в огромной мере развил доктрину свободной торговли, но его **основная работа** состояла в том, чтобы найти в теории стоимости общий центр, обеспечивающий единство экономической науки»³¹.

Таковым «общим центром» теории Смита является его идея о фундаментальной роли труда в экономической жизни общества: труд является единственным источником богатства народов и, соответственно, доходов различных классов.

Подход Смита к констатации двухполюсности экономических явлений. Смит обнаружил, хотя и интуитивно, внутреннюю связь между двойственной природой труда, которую он не разработал в качестве особого теоретического понятия, и двойственной структурой результатов годового труда нации.

Более того, интуитивный подход к экономическим явлениям с позиции двойственной природы труда подводил Смита к фактической констатации двойственности всех экономических явлений капиталистической экономики, что нашло свое выражение, как отмечалось, в наличии двух различных блоков его экономической теории – описательного и аналитического.

Тем самым Смит впервые в истории экономической мыс-

³¹ А. Маршалл. Основы экономической науки. М.: Эксмо, 2007. Приложение В. § 3. С. 708–711. (выделено мной. – В.А.)

ли применил, хотя и противоречиво, специфический метод экономического анализа – метод экономической двойственности, без использования которого ничего нельзя понять в экономических явлениях и их законах. Этот метод используется только в экономической науке и представляет собой конкретизацию общенаучных методов исследования с учетом специфики предмета политической экономии. Метод экономической двойственности позволяет научно объяснить внешнюю видимость экономических явлений с точки зрения их сущностных свойств, а также выявить как внешние функциональные зависимости между этими явлениями, так и их сущностные закономерности.

Применение данного метода явилось важным свидетельством научной зрелости разработанной Смитом теории. «Каждая сколько-нибудь развитая наука, имея свой особый предмет изучения и свои теоретические принципы, применяет свои особые методы, вытекающие из того или иного понимания сущности ее объекта... Поэтому обычно в особую категорию выделяют т. н. конкретно-научные, или специальные, методы»³².

Первые шаги использования Смитом метода экономической двойственности имели для экономической науки эпохальное значение, поскольку они подвели к пониманию двойственной природы явлений рыночной экономики, к вы-

³² Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т. 3. С. 410–411.

явлению в них тех аспектов, которые проистекают, с одной стороны, из потребительной стоимости товара (потребительский полюс явления), а с другой – из его стоимости (стоимостной полюс)³³. Неслучайно этот метод впоследствии получил дальнейшее развитие и применение фактически во всех течениях политической экономии, как в теории К. Маркса, так и в учениях А. Маршалла, Дж. М. Кейнса, Дж. К. Гэлбрейта и многих других видных теоретиков-экономистов, хотя и в существенно различных формах, и для решения существенно различных задач (рис. 6).

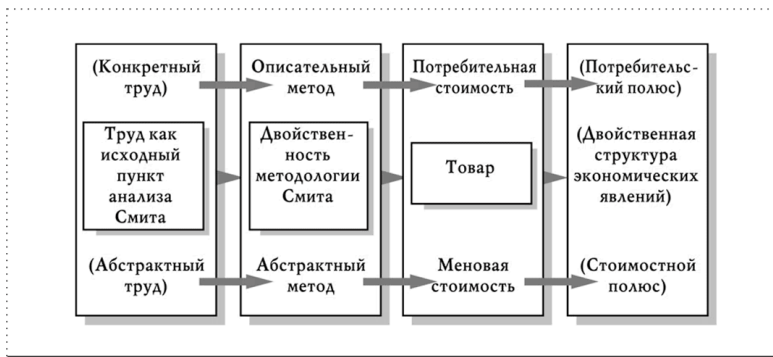

Рис. 6. Подход Смита к констатации двухполюсности экономических явлений

³³ Афанасьев В.С. Как создается научная новизна? «Вопросы экономики» № 8. 2006. *Его же*. Метод экономической двойственности. «Вопросы экономики» № 8. 2005. *Его же*. Первые системы политической экономии (Метод экономической двойственности). М.: Инфра-М, 2005.

Противоречие субъективного и объективного. Противоречивость методологии Смита нашла свое яркое выражение и в двойственности исходных пунктов его анализа. С одной стороны, как мы видели, у Смита одним из них является идея об определяющей роли труда в экономической жизни общества, об объективном характере экономических законов. С другой стороны, в противоречии с этим подходом в качестве исходного пункта исследования у него выступает концепция так называемого «экономического человека», хозяйствующего индивида, преследующего лишь свой частный интерес. Рассматривая экономическую жизнь общества с этой последней точки зрения и опираясь на описательный метод, Смит заключал, что именно эгоизм хозяйствующих субъектов является главной движущей силой экономического развития. Здесь Смит вводит в свой анализ важнейший пласт хозяйственной деятельности – психологию хозяйствующих субъектов, их экономическую мотивацию, играющих относительно самостоятельную роль. Однако он упускает из вида то важное обстоятельство, что этот пласт не является выражением извечной «природы человека», что он в конечном итоге определяется характером господствующих в обществе экономических отношений, прежде всего – отношений собственности на средства производства, функционирующей в нем системы объективных экономических законов.

Противоречия метафизического и исторического подхо-

дов. Противоречивость обнаруживается и в других методологических позициях Смита. В целом он, как и другие представители классической школы, придерживался метафизической точки зрения, трактуя экономические законы капитализма как вечные законы природы. Правда, Смит внес сюда многозначительное уточнение, рассматривая их как законы *человеческой* природы и тем самым фиксируя их общественную сущность. С другой стороны, Смит, живший в эпоху еще неразвитой классовой борьбы, мог себе позволить элементы исторического подхода к анализу важнейших социально-экономических процессов. Так, он выделяет два основных этапа развития общества: «первобытное и малоразвитое общество» (в действительности – простое товарное хозяйство, то есть товарное хозяйство, не использующее наемную рабочую силу) и «развитое общество» (фактически – капитализм), для которого, как отмечал Смит, характерно накопление капиталов и появление частной собственности на землю, а в силу этих обстоятельств – превращение труда в товар.

Такое разграничение позволило Смиту поставить перед экономической наукой ряд важных теоретических проблем, в том числе вопрос об изменениях в действии закона стоимости в связи с переходом от простого товарного хозяйства к капиталистической экономике, то есть вопрос о превращении стоимости в цену производства. Смит зафиксировал тот факт (хотя и не объяснил его), что в результате такого пе-

рехода закон стоимости, т. е. закон эквивалентного обмена товаров в соответствии с количеством заключенного в них общественно необходимого труда, превращается в закон цен производства. В новых – капиталистических – условиях обмен товаров осуществляется по отклоняющейся от стоимости цене производства, обеспечивающей равенство прибылей на равновеликий капитал.

Методология Смита оказала огромное прогрессивное воздействие на экономическую теорию не только тем, что она привела к формированию метода экономической двойственности, но и тем, что, порождая противоречивые теоретические концепции Смита, ставила важные научные проблемы.

Предмет политической экономии

Задачи политической экономии. Во введении к книге IV «О системах политической экономии» Смит писал: «Политическая экономия, рассматриваемая как отрасль знания, необходимая государственному деятелю или законодателю, ставит себе две различные задачи: обеспечить народу обильный доход или средства существования, а точнее, обеспечить ему возможность добывать себе их; во-вторых, доставить государству или обществу доход, достаточный для общественных потребностей. Она ставит себе целью обогаще-

ние как народа, так и государя»³⁴. Комментируя эту позицию Смита, Й. Шумпетер писал, что она «превращает экономическую науку в набор рецептов для государственного деятеля»³⁵. И здесь мы снова видим, что Смит – поборник свободного предпринимательства – вовсе не чурался экономической роли государства, когда видел в ней необходимость.

Научная ценность трактовки Смита. Смит исходил из того, что человеческое общество есть меновой союз, в котором люди обмениваются результатами труда. Поэтому-то труд и является мерой товарного обмена, выступая в качестве источника богатства. Богатство общества, по Смицу, определяется численностью занятых в сфере производства и производительностью их труда, зависящей прежде всего от степени его разделения.

Таким образом, заслуга Смита состояла в том, что он объявил предметом политической экономии сферу производства, а не обращения (как меркантилисты), и притом производство не в какой-либо отдельной отрасли (как физиократы), а во всех отраслях материального производства. Методологической основой такой позиции явился подход Смита к рассмотрению производства с точки зрения разделения труда в обществе, позволяющий охватить производство в его общественном целом. Научная ценность данной трактовки Смита определяется тем, что она акцентирует внима-

³⁴ Адам Смит. Цит. соч. С. 419.

³⁵ Йозеф А. Шумпетер. Цит. соч. С. 238.

ние экономической науки на изучении главной сферы хозяйства – материального производства, являющейся фундаментальной основой всей хозяйственной деятельности общества, в том числе и в современных условиях.

Научная недостаточность трактовки предмета политической экономии Смитом. Точка зрения Смита на предмет политической экономии характеризуется определенной научной недостаточностью.

Во-первых, Смит ограниченно понимает сферу производства, а именно только как сферу материального производства. Между тем общественное производство включает в себя и нематериальное производство, а именно производство нематериальных благ и услуг. Однако исторически позиция Смита правильно отражала положение дел, сложившееся в английской экономике во второй половине XVIII века, когда сфера услуг была неразвита и еще не была подчинена капиталу, представляя собой сферу деятельности мелкого товарного производства.

К. Маркс уже в I т. «Капитала» показал, что производство услуг – это составная часть общественного производства³⁶, и обстоятельно исследовал эту проблему в IV т. «Капитала»³⁷. Тем не менее официальная советская экономическая мысль и советская статистика, на словах придерживавшиеся теории

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 517.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 26, ч. I, гл. 4, приложение 12.

Маркса, на деле разделяли позицию Смита³⁸ в условиях, когда сфера услуг занимала все более господствующие позиции в общественном производстве. К примеру, число занятых в производстве услуг в США в июне 2006 г. составляло 83,4 % от общего числа занятых в несельскохозяйственном секторе этой страны³⁹.

Во-вторых, для позиции Смита характерен недифференцированный подход к трактовке общественного производства, отсутствие у него достаточно четкого разграничения этого явления на производительные силы общества и общественно-производственные отношения. Тем не менее Смит сосредоточивает свое внимание не на технической, а на социально-экономической стороне производства. Он достаточно реалистично описывает классовую структуру общества своего времени и «естественный порядок» распределения доходов между различными классами. Разрабатываемые им категории политической экономии выступают, как правило, в качестве теоретического отражения общественно-производственных отношений капиталистической экономики и их законов. Таковы стоимость товара, прибыль, заработная плата, земельная рента и т. п.

Недифференцированность проявлялась и в том, что в

³⁸ См., например, Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М.: Советская энциклопедия, 1979. Т. 3. С. 375; Народное хозяйство СССР в 1988 г. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 697.

³⁹ Economic Indicators. June 2006. Washington: United States Government Printing Office. 2006. P. 15.

противовес меркантилистам, утверждавшим, что целью производства является получение прибыли, Смит считал, что таковой является потребление. В действительности же цель производства, как и всякое экономическое явление при капитализме, имеет двойственную структуру⁴⁰. Она выступает как противоречивое единство естественной цели производства, каковой является потребление, и социально-экономической цели – для условий капитализма: получения прибыли. При этом естественная цель производства всегда опосредована его социально-экономической целью.

«*Законы человеческой природы*». В теории Смита дальше развивается учение классической школы об экономических законах. Правда, самого этого термина еще нет в его трудах. Смит, как отмечалось, говорит о «законах человеческой природы». Тем не менее введение в научный оборот этого понятия представляло собой несомненный шаг вперед сравнительно с позицией его предшественника У. Петти, который трактовал законы, действующие в экономике, как «законы природы». У Смита же намечается определенное понимание специфики экономических законов – их принадлежность к общественным явлениям. Иллюстрируя свою мысль о действии в экономике таких законов, Смит писал: «Никому не приходилось видеть, чтобы одна собака сознательно менялась костью с другой. Никому не приходилось видеть, чтобы

⁴⁰ Афанасьев В. С. Великое открытие Карла Маркса. Методологическая роль учения о двойственном характере труда. М.: Мысль, 1980.

какое-либо животное жестами или криком показывало другому: это – мое, то – твое, я отдам тебе одно в обмен на другое»⁴¹. В то же время люди, как отмечает Смит, постоянно и в больших количествах совершают такие действия. Ценным в этой позиции Смита является его понимание объективного характера таких законов, того, что они действуют независимо от воли и сознания хозяйствующих субъектов и что люди тем не менее могут использовать эти законы в своей хозяйственной практике. Однако Смит, как и вся классическая школа, ограниченный буржуазным кругозором, не видел исторического характера экономических законов.

Трудовая теория стоимости Смита

Трудовая теория стоимости. Одним из главных вопросов экономической теории является объяснение процесса ценообразования, поскольку цены лежат в основе всех процессов рыночной экономики. Изменение цен заставляет всю экономическую систему приспосабливаться к новым условиям рыночных отношений. В соответствии с трудовой теорией стоимости товарные цены в своей основе определяются затратами общественно необходимого труда на производство товаров. С уменьшением таких затрат наблюдается тенденция к снижению цен, как это имело место в XIX в. в эпо-

⁴¹ Адам Смит. Цит. соч. С. 76.

ху перехода от ручного ремесленного мануфактурного производства к машинной фабрике (рис. 7).

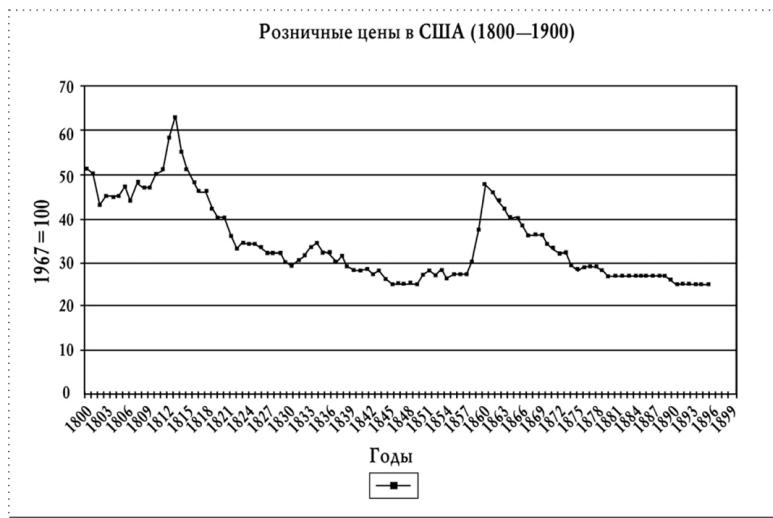

Рис. 7. Розничные цены в США (1800—1900)

В XVIII веке во времена Смита с характерным для них господством ручной ремесленной техники положение было существенно иным. Тенденция к некоторому понижению стоимости товаров вследствие развития мануфактурного разделения труда не могло пробиться сквозь множество противодействующих ей конъюнктурных факторов колониализуемой экономики США. Поэтому на второй диаграмме мы видим тенденцию к повышению цен (рис. 8).

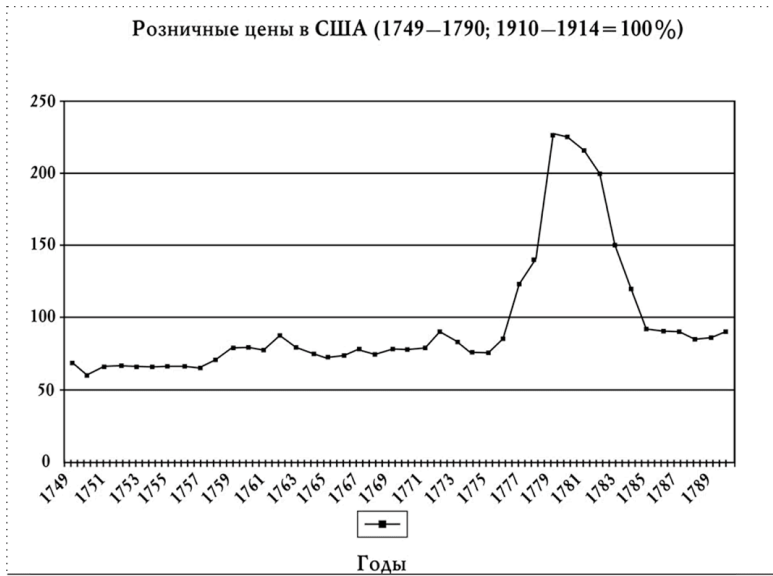

Рис. 8. Оптовые цены в США (1749–1790; 1910–1914 = 100 %)

Источник: Historical Statistics of the United States. N.Y. 1989 Part I. P. 211, 202

Вместе с тем как на первом, так и на втором графике видно, сколь болезненно реагирует хозяйство на военные действия. Вызванная ими дезорганизация экономики, понижение уровня производительности труда, следовательно, увеличение затрат труда на производство единицы товара

с необходимостью обуславливают резкий рост стоимости и, соответственно, цен производимых товаров.

Основоположником трудовой теории стоимости явился выдающийся английский экономист Уильям Петти (1623–1687). Смит, знакомый с идеями Петти, существенно дальше продвинул разработку этой теории. Классические формы трудовая теория стоимости приобрела благодаря исследованиям Давида Рикардо (1772–1823) и Карла Маркса (1818–1883).

Два варианта трудовой теории стоимости Смита. Используя двойственный метод, Смит фактически разработал две различные теории стоимости: одна из них определяет стоимость товара количеством труда, необходимым для его производства, другая – количеством труда (живого или овеществленного), которое можно купить на данный товар. Стоимость товара определяется, таким образом, двояко: с одной стороны, трудом, *затраченным* на его производство трудом, с другой стороны – трудом, *покупаемым* на данный товар.

Второй вариант теории стоимости, в свою очередь, имеет две разновидности. В соответствии с одной из них стоимость товаров определяется доходом товаропроизводителя, а в соответствии с другой – суммой доходов владельцев факторов производства, т. е. заработной платой, прибылью и рентой. Поэтому подчас у Смита насчитывают три или даже четыре теории стоимости. В действительности же их две: первый и

второй варианты трудовой теории.

В представлении Смита между определением стоимости затраченным или покупаемым трудом не существует сколько-нибудь значительной разницы, поскольку, если обмен является эквивалентным, безразлично, как определять величину стоимости товара: либо трудом, затраченным на его производство, либо количеством другого товара, если в нем заключено такое же количество труда и он обменивается на первый товар. Отсюда видно, что методологически позиция Смита основана на отождествлении стоимости товара с его меновой стоимостью, т. е. с выражением стоимости товара в количестве потребительной стоимости другого товара, обмениваемого на первый. Однако в действительности это различные точки зрения, хотя они и не выходят за рамки трудовой теории стоимости, притом различные не только по существу (здесь смешиваются стоимость и ее внешнее проявление), но и количественно: если под покупаемым трудом имеется в виду живой труд (фактически – рабочая сила), то его обмен на капитал (фактически – на заработную плату) является неэквивалентным (поскольку рабочая сила производит большую стоимость, нежели ее собственная стоимость).

Определение стоимости товаров затратами труда на их производство Смит относит к «первобытному, неразвитому» обществу», т. е. к эпохе простого товарного производства, предшествующего капитализму. Он писал: «В обществе первобытном и малоразвитом, предшествовавшем на-

коплению капиталов и обращению земли в частную собственность, соотношение между количествами труда, необходимыми для приобретения разных предметов, было, по видимому, единственным основанием, которое могло служить руководством для обмена их друг на друга. Так, например, если у охотничьего народа обычно приходится затратить вдвое больше труда для того, чтобы убить бобра, чем на то, чтобы убить оленя, один бобер будет, естественно, обмениваться на двух оленей или иметь стоимость двух оленей... При таком положении вещей весь продукт труда принадлежит работнику...»⁴².

Определение стоимости товаров, писал Смит, меняется при переходе от «первобытного» к «современному, развитому», т. е. капиталистическому, обществу, которое возникает после того, как накапливаются капиталы и земля превращается в частную собственность. Он отмечал: «При таком положении вещей работнику не всегда принадлежит весь продукт его труда. В большинстве случаев он должен делить его с владельцем капитала, который нанимает его», а также с собственником земли. Если первый получает часть продукта труда работника в виде прибыли на капитал, то второй – в форме земельной ренты. «В таком случае количество труда, обычно затрачиваемого на приобретение или производство какого-либо товара, не является единственным условием для определения количества труда, которое может быть купле-

⁴² Адам Смит. Цит. соч. С. 103.

но или получено в обмен на него»⁴³. В этих новых условиях, по мнению Смита, стоимость товаров определяется суммой доходов, получаемых владельцами факторов производства, участвующих в их производстве, т. е. суммой заработной платы, прибыли и ренты.

Может сложиться впечатление, что в отношении «развитого», т. е. капиталистического, общества Смит отказывается от трудовой теории стоимости. В действительности же, как мы увидим дальше, Смит в своей второй теории стоимости сделал попытку исследовать те изменения в действии закона стоимости, которые происходят в связи с переходом от простого товарного производства к капитализму. Однако при этом он не сумел раскрыть механизм превращения стоимости товара в его цену производства.

Первый вариант трудовой теории стоимости Смита. Трудовая теория стоимости – это главное научное достижение Смита. С точки зрения этой теории он сумел раскрыть ряд важнейших закономерностей капиталистической экономики, прежде всего – внутренний механизм рынка, рыночной конкуренции в теории «невидимой руки». Трудовая теория стоимости помогла ему подойти к пониманию решающей роли труда в экономической жизни общества, действительных источников доходов основных классов общества – рабочих, предпринимателей и земельных собственников, к постановке и решению ряда других важных теоретических

⁴³ Адам Смит. Цит. соч. С. 105.

проблем.

Трудовая теория стоимости Смита может быть резюмирована в основном в трех выдвинутых им категориях: «действительная цена», «естественная цена» и «номинальная цена».

Под «действительной» ценой товара Смит фактически понимал его стоимость, затраты общественно необходимого труда на его производство. «...Труд, – писал Смит, – представляет собой действительное мерило меновой стоимости всех товаров»⁴⁴. К «действительной цене» товара, как к некоему центру, тяготеют его рыночные цены, зависящие от конкретно складывающихся соотношений между спросом и предложением на данный товар на различных рынках в разное время⁴⁵.

⁴⁴ Адам Смит. Цит. соч. С. 88.

⁴⁵ Может показаться странным утверждение английского историка экономической мысли Марка Блауга о том, что у Смита «не было... трудовой теории ценности», фактически повторяющего здесь Й. Шумпетера (Марк Блауг. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1994. С. 35; Йозеф А. Шумпетер. Цит. соч. С. 242). Но странности здесь нет никакой. Ларчик, увы, открывается просто: такие утверждения – это не что иное, как одно из многочисленных проявлений борьбы против аналитического блока учения Смита, являющимся предшественником теории Маркса. Блауг пишет: «Сейчас никто не ругает за Адама Смита или Рикардо, но по-прежнему поднимается кровавое давление, как только Маркс становится предметом исследования». (Марк Блауг. Цит. соч. С. 207). И чтобы понизить это давление, Блауг рассказывает сказку о том, что трудовая теория стоимости Маркса возникла на пустом месте. Аргументы, приводимые Блаугом и Шумпетером, более чем неубедительны. Блауг заявляет, что «в «Богатстве народов» не предполагается, что различные факторы производства

«Естественная цена», по Смиуту, это также своеобразный центр притяжения рыночных цен товара, но характерный для условий капиталистической экономики, в то время как «действительная цена» выполняет эту роль в «неразвитом», «первобытном» обществе, фактически – в условиях просто-

могут быть редуцированы, сведены к какому-то иному, нежели деньги, общему знаменателю, и, в частности, нет предположения о том, что ценность капитальных благ может быть сведена к прошлым затратам труда на их изготовление». (Марк Блауг. Цит. соч. С. 35). Нерешенность проблемы редукции Смитом свидетельствует всего лишь об относительной неразвитости его трудовой теории стоимости, отражавшей реальные условия мануфактурного капитализма с характерным для него низким органическим строением капитала. Однако именно Смит сделал важные шаги в разработке путей решения данной проблемы в своей догадке о структуре стоимости товара, содержащей стоимость израсходованных на производство товара средств производства, в своих попытках разграничения индивидуальной и общественной стоимости товара и ряде других концепций. Эти шаги Смита открыли дорогу для развития трудовой теории стоимости в трудах Д. Рикардо и К. Маркса. Нелучше обстоит дело и с аргументами Шумпетера. «... Вопреки упору Смита на трудовой фактор, его теорию ценности вовсе нельзя считать трудовой теорией, – писал он, путаясь в собственных противоречиях... – Тот факт, что первая фраза введения называет весь национальный доход «продуктом труда», несколько не противоречит этому выводу». Еще как противоречит! «...Ему, – продолжает Шумпетер шельмовать Смита, – приписали трудовую теорию ценности, или, скорее, три несовместимые трудовые теории ценности, тогда как из главы VI совершенно ясно, что *объяснять* товарные цены Смит собирался издержками производства, которые в этой главе он разлагает на заработную плату, прибыль и ренту – «первоначальные источники всякого дохода, равно как и всякой меновой стоимости» (Й. Шумпетер. Цит. соч. С. 241–242). Действительно, «весь национальный доход», по Смиуту, «продукт труда». Но и составляющие его доходы, суммой которых Смит пытался *объяснить* цены товаров, также являются продуктами труда. Это и есть второй вариант *трудовой* теории стоимости Смита, получивший глубокую научную критику в трудах Рикардо и Маркса, блестяще развивших первый вариант этой теории.

го товарного производства. Решающая особенность «естественной цены», по Смиту, состоит в том, что реализация товара по этой цене позволяет обеспечить лицам, участвующим в производстве и доставке данного товара на рынок, доходы, соответствующие их «средним» или «естественным» нормам, характерным для «каждого общества или каждой местности». Смит писал: «Если цена какого-либо товара соответствует тому, что необходимо для оплаты в соответствии с их естественными нормами земельной ренты, заработной платы и прибыли на капитал, затраченный при добыче, обработке и доставке его на рынок, то товар этот, можно сказать, продается по его естественной цене»⁴⁶. Важнейшим условием возникновения «естественных цен» Смит считал наличие «полной свободы» хозяйственной деятельности, что на практике означало развитие не только внутриотраслевой, но и межотраслевой конкуренции. То, что имеет в виду Смит под «естественной ценой», впоследствии получило у Д. Рикардо наименование «относительной стоимости», а в теории К. Маркса – «цены производства» и рассматривалось как следствие развития межотраслевой конкуренции, уравнивающей различные нормы прибыли в различных отраслях в среднюю норму прибыли.

«Номинальная», «рыночная» или «денежная» цена товара, по Смиту, есть собственно его цена, денежное выражение «действительной» или «естественной» цены, колеблю-

⁴⁶ Адам Смит. Цит. соч. С. 109.

щаяся под воздействием спроса и предложения товара вокруг этих центров – основных регуляторов цен. «...Под денежной ценой товаров, – писал он, – я всегда понимаю количество чистого золота или серебра, за которое они продаются...»⁴⁷. Или в другом месте: «Рыночная цена каждого отдельного товара определяется отношением между количеством, фактически доставленным на рынок, и спросом на него со стороны тех, кто готов уплатить его естественную цену...»⁴⁸.

Труд, затраченный на производство товаров, по Смиуту, потому является мерой их стоимости, регулятором товарного обмена, что товаропроизводители под воздействием разделения труда вынуждены обмениваться продуктами своего труда. «...Труд, – писал Смит, – является единственным всеобщим, равно как и единственным точным мерилom стоимости, или единственной мерой, посредством которой мы можем сравнивать между собою стоимости различных товаров во все времена и во всех местах»⁴⁹. Здесь мы видим, что Смит в поисках закона товарного обмена делает крупный шаг вперед, выдвигая категорию стоимости и определяя ее трудом, затраченным на производство товаров, как мерой меновых отношений. В отличие от своих предшественников, прежде всего У. Петти, Смит в данном случае полностью аб-

⁴⁷ Адам Смит. Цит. соч. С. 102.

⁴⁸ Адам Смит. Цит. соч. С. 110.

⁴⁹ Адам Смит. Цит. соч. С. 94.

страгирует стоимость товара от ее внешней формы проявления – от цены.

Важной заслугой Смита является то, что он сумел впервые в истории экономической мысли выразить в категориях политической экономии двойственную структуру товара, обнаруженную еще мыслителями античного мира, прежде всего Аристотелем. Именно Смит ввел в научное обращение категории «потребительная стоимость» и «меновая стоимость» товара. «...Слово «стоимость», – отмечал Смит, – имеет два различных значения: иногда оно обозначает полезность какого-нибудь предмета, а иногда возможность приобретения других предметов, которую дает обладание данным предметом. Первую можно назвать потребительной стоимостью, вторую – меновой стоимостью»⁵⁰.

Однако Смит не раскрывает основу двойственности товара, которая коренится в двойственном характере труда товаропроизводителей, его разграничении на конкретный и абстрактный труд. Как и в других случаях, здесь Смит интуитивно, имплицитно применяет метод экономической двойственности. Тем не менее он вполне определенно показывал, что здесь речь идет о различных сторонах товара, что стои-

⁵⁰ Адам Смит. Цит. соч. С. 87. Однако это вовсе не означает, что в товаре существуют две стоимости. Потребительная стоимость и стоимость товара – это разнорядковые явления. Если первая выражает натурально-вещественные свойства товара в их отношении к потребностям покупателей, то вторая – общественно-производственные отношения обмена, обслуживаемые товаром. Это противоположности, которые в своем единстве образуют товар.

мость товара определяется затраченным трудом на его производство, какова бы ни была его потребительная стоимость.

Эта позиция Смита ясно видна в так называемом «парадоксе стоимости» Смита, заключающемся в том, что нередко очень полезный товар, без которого невозможна сама жизнь человека (например, вода), стоит очень дешево, в то время как товар, потребительная стоимость которого незначительна (например, алмаз), имеет весьма высокую цену⁵¹. Эта точка зрения Смита свидетельствует о том, что он не рассматривал потребительную стоимость товара, его полезность в качестве фактора, определяющего его стоимость и, соответственно, цену.

Проблема общественно необходимого труда. Известно, что на производство одинаковых товаров различные товаропроизводители затрачивают различное количество своего труда (различную индивидуальную стоимость). Возникает вопрос, какими же затратами труда определяются стоимость и, соответственно, цены этих товаров? Практика показывает, что одинаковые товары в общем и целом продаются по единой рыночной цене, которая отражает господствующие условия их производства. Определяемые этими условиями затраты труда представляют собой общественно необходимые затраты, общественную стоимость товаров. Смит близко подошел к пониманию того, что величина стоимости товара определяется количеством труда, общественно необхо-

⁵¹ См. Адам Смит. Цит. соч. С. 87.

димым для его производства, то есть определяется **общественной** стоимостью, а не теми затратами труда, которые у различных товаропроизводителей фактически пошли на его изготовление, то есть его **индивидуальной** стоимостью. «... Продукт, – писал Смит, – изготовляемый *обычно* в течение двух дней или двух часов труда, будет иметь вдвое большую стоимость, чем продукт, изготовляемый *обычно* в течение одного дня или одного часа труда»⁵².

Однако Смит не разработал категорию общественно необходимого труда. Эта проблема была решена в трудах Д. Рикардо и К. Маркса.

Сущность рыночного механизма. Подойдя к разграничению индивидуальной и общественной стоимости товара, Смит затронул проблему, имеющую самое непосредственное отношение к сущности рыночного механизма. Те товаропроизводители, индивидуальная стоимость продукции которых выше ее единой рыночной цены, несут убытки и вынуждены переключаться на производство таких товаров, которые дадут им прибыль. В противном случае они разоряются. И напротив, те производители, затраты которых на единицу товара ниже единой цены, процветают и обогащаются. Именно этот рыночный механизм экономического принуждения к эффективному ведению хозяйства, приспособления производства к изменяющемуся платежеспособному спросу лежит в основе Смитовой концепции «невидимой руки» ры-

⁵² Адам Смит. Цит. соч. С. 103 (курсив мой. – В.А.).

ночной конкуренции.

Заслуга Смита состояла здесь в том, что он сумел объяснить действие рыночного механизма с позиции трудовой теории стоимости. Разграничив «естественную» и «рыночную» цену товара, то есть фактически – его стоимость, определяемую затратами общественного труда и модифицированную межотраслевой конкуренцией, и его цену, определяемую стоимостью и колебаниями спроса и предложения, Смит получил возможность вскрыть механизм действия «невидимой руки» конкуренции. Он писал: «...Естественная цена как бы представляет собой центральную цену, к которой постоянно тяготеют цены всех товаров. Различные случайные обстоятельства могут иногда держать их на значительно более высоком уровне и иногда несколько понижать их по сравнению с нею. Но каковы бы ни были препятствия, которые отклоняют цены от этого устойчивого центра, они постоянно тяготеют к нему»⁵³. Полагая, что естественная цена складывается из доходов – прибыли, заработной платы и ренты, Смит приходил к заключению о том, что любое отклонение от нее рыночной цены сразу же скажется на положении того или иного участника рыночных отношений, определяя его судьбу. Имея в виду рыночную цену, Смит писал: «Какая бы часть ее ни оплачивалась ниже своей естественной нормы, лица, интересы которых от этого страдают, немедленно почувствуют ущерб и сейчас же из-

⁵³ Адам Смит. Цит. соч. С. 112.

влекут столько труда или капитала из производства этого товара, что количество последнего, доставляемого на рынок, окажется достаточным только для удовлетворения действительного спроса на него. Его рыночная цена поэтому скоро повысится до его естественной цены. Так будет, по крайней мере, в случае существования полной свободы»⁵⁴.

Подход к проблеме абстрактного труда. Рассматривая труд под углом зрения его разделения в обществе, Смит приходил к выводу о том, что источником стоимости является труд в любой отрасли материального производства, а не какой-либо его специфический вид. Этот вывод имел весьма важное значение для экономической науки. Ведь Смит фактически утверждал, что труд как источник стоимости не зависит от своей отраслевой специфики, абстрагирован от нее и выступает как труд вообще. Эта позиция Смита открывала дорогу к разработке категории абстрактного труда, а тем самым – к выявлению двойственного характера труда, создающего товар. Однако неразвитость исторического метода Смита не позволила ему провести различие между трудом вообще, как затратой труда в физиологическом смысле слова, и абстрактным трудом как особой исторической формой труда вообще, при которой затраченный труд превращается в общественный труд, выступающий в качестве меры и регулятора меновых отношений.

Простой и сложный труд. Важной заслугой Смита в раз-

⁵⁴ Адам Смит. Цит. соч. С. 116.

работке им трудовой теории стоимости явилась постановка проблемы простого и сложного труда, вопроса об интенсивности труда под углом зрения процесса образования стоимости. По Смит, различия в сложности и интенсивности труда не ставят под сомнение основной тезис трудовой теории стоимости о труде как единственном источнике стоимости товаров. Он отмечал, что час тяжелой работы может содержать в себе больше труда, чем два часа легкой, что час труда высококвалифицированного работника может заключать в себе больше труда, чем работа в течение месяца, совершаемая необученным работником⁵⁵. Рынок, отмечал он, приравнивает друг другу продукцию, произведенную различными видами труда с точностью, достаточной для решения практических проблем. «... Не имеется никакого точного мерил, – писал Смит, – и дело решает рыночная конкуренция в соответствии с той грубой справедливостью, которая, не будучи вполне точной, достаточна все же для обычных житейских дел»⁵⁶.

Смит получил важные научные результаты в своем анализе товарных отношений прежде всего благодаря применению общенаучного метода научной абстракции вообще и специфического метода экономической двойственности в особенности, несмотря на неразвитость у него этих методов и непоследовательность в их применении. В самом деле, чтобы по-

⁵⁵ Адам Смит. Цит. соч. С. 89.

⁵⁶ Там же.

дойти к определению действительного источника стоимости, Смит абстрагируется от потребительной стоимости товара, от его рыночной цены, от отраслевой специфики труда, производящего товар, от колебаний спроса и предложения и т. п.

Резюмируя свой анализ научного варианта теории стоимости Смита, К. Маркс писал: «... У А. Смита стоимость создается всеобщим общественным трудом, – в каких бы потребительных стоимостях он ни был представлен, – создается исключительно только количеством необходимого труда»⁵⁷.

Однако даже этот вариант теории стоимости Смита содержал в себе множество нерешенных проблем товарных отношений. Смит, например, не раскрыл социально-экономическую сущность стоимости товара как особого общественно-производственного отношения товаропроизводителей, имеющего исторический характер. Стоимость представлялась ему вечным и естественным явлением, как результат простого овеществления затрат человеческого труда в процессе производства товара.

Одной из нерешенных проблем теории Смита явился вопрос о соотношении стоимости и меновой стоимости товара, с чем тесно связан второй вариант теории стоимости Смита, основанный на применении им описательного метода.

Второй вариант трудовой теории стоимости Смита.

⁵⁷ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости. IV т. «Капитала», ч. I, с. 60. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. I. С. 60.

Согласно этой концепции, «...стоимость всякого товара... равна количеству труда, которое он (товаровладелец. – В.А.) может купить на него или получить в свое распоряжение»⁵⁸. Отсюда видно, что Смит смешивает стоимость товара с внешней формой ее проявления, с меновой стоимостью – с проявлением стоимости данного товара в количестве потребительной стоимости другого товара, обмениваемого на первый товар.

Труд, который «можно купить на товар или получить в свое распоряжение», так сказать, «покупаемый труд», фактически представляет собой два различных явления:

во-первых, это труд, овеществленный в другом товаре, который товаровладелец получает в обмен на свой товар;

во-вторых, это живой труд, который товаровладелец получает в свое распоряжение, покупая рабочую силу.

И в том и в другом случае «покупаемый труд» не определяет стоимость товаров.

Труд, овеществленный в покупаемом товаре, создает лишь основу для соизмерения стоимостей обмениваемых товаров, а не создает стоимость продаваемого товара. Созданная им потребительная стоимость служит вещной формой проявления стоимости продаваемого товара. Смит здесь смешивает стоимость продаваемого товара, то есть воплощенный в нем общественный труд, с его меновой стоимостью, с его проявлением в количестве потребительной стои-

⁵⁸ Адам Смит. Цит. соч. С. 88.

мости покупаемого товара.

Живой труд, покупаемый на данный товар, также не является источником его стоимости. Чтобы выступить в качестве источника стоимости товара, живой труд должен овеществиться в этом последнем, то есть произвести этот товар, а не быть просто обмененным на него. К тому же Смит в своем рассуждении сталкивается с важным количественным несоответствием, поскольку при обмене товара на труд владелец товара получает в свое распоряжение большее количество живого труда, нежели то, что воплощено в его товаре. Это происходит потому, что он оплачивает не труд, а стоимость способности к труду, получившую впоследствии (в теории К. Маркса) наименование рабочей силы. Это обстоятельство ясно видно из следующей формулы:

$$T1 - T2 \text{ (рабочая сила)}$$

(10 ч.) (10 ч. – стоимость рабочей силы, способной осуществлять труд в течение, напр., 15 ч.).

Оплачивая рабочую силу по ее полной стоимости (10 ч.), то есть обменивая свой товар на рабочую силу по эквиваленту, владелец товара $T1$ «получает в свое распоряжение» 15 ч. живого труда, которые способна осуществить рабочая сила стоимостью в 10 ч., что свидетельствует о неэквивалентном характере конечных результатов отношений между данными товаровладельцами.

Здесь Смит столкнулся с очень важной проблемой: с противоречием между законом эквивалентного обмена товаров

в соответствии с количеством заключенного в них общественного труда (законом стоимости) и процессом самовозрастания капитала (законом прибавочной стоимости). Он видел, что товарный обмен является эквивалентным, а конечный результат отношений – неэквивалентный. Смит не сумел разрешить это противоречие, поскольку он полагал, что в отношениях наемного рабочего и капиталиста продается труд. Отсюда он сделал вывод о нарушении закона стоимости при переходе от «первобытного» общества к «современному», в действительности – от простого товарного хозяйства к капиталистической экономике.

Это заключение Смита подкреплялось его рассуждением о своего рода «расщеплении» дохода производителя в связи с переходом от «первобытного» общества к «современному». Если на первом этапе производитель, полагал Смит, присваивал весь продукт своего труда, который представлял собой его доход, созданный его собственным трудом, то на втором этапе, для которого характерно накопление капитала и превращение земли в частную собственность, производитель оказался вынужденным делиться этим продуктом как с собственником капитала, так и земельным собственником. В связи с этим, заключал Смит, ранее единый доход производителя расщепляется на три самостоятельных дохода: заработную плату работника, прибыль капиталиста и ренту земельного собственника.

Отсюда Смит делал важный вывод в отношении процесса

образования стоимости товара: если в «первобытном» обществе она определялась трудом, затраченным на его производство, или, что то же самое, как полагал Смит, доходом производителя, то в «современном» обществе, в связи с «расщеплением» этого дохода, стоимость товара стала определяться суммой трех доходов. «Заработная плата, прибыль и рента являются, – писал Смит, – тремя первоначальными источниками всякого дохода, равно как и всякой меновой стоимости»⁵⁹.

Здесь явственно видны два варианта второй теории стоимости Смита: стоимость товара определяется в «первобытном обществе» доходом производителя, созданным его трудом, а в «современном обществе» – суммой трех доходов, также представляющих собой результат труда производителя.

Отсюда Смит заключал, что в условиях «современной» экономики, то есть при капитализме, закон стоимости нарушается: стоимость перестает определяться трудом, затраченным на производство товаров, а представляет собой результат суммирования трех доходов. Положение второй теории стоимости Смита о том, что стоимость товара складывается из трех доходов и распадается на них, получило в экономической литературе наименование «догмы Смита».

«Догма Смита» – положения теории Смита, игнорирующие в структуре стоимости товаров стоимость средств

⁵⁹ Адам Смит. Цит. соч. С. 107.

производства, потребленных в процессе производства этих товаров.

Догма Смита имеет две стороны:

1. Утверждение о том, что стоимость товаров распадается на доходы – заработную плату, прибыль и ренту, и
2. Утверждение о том, что стоимость товаров складывается из доходов. И в той и в другой трактовке Смитом структуры стоимости товаров отсутствует «перенесенная стоимость», т. е. стоимость средств производства, израсходованных в процессе производства товаров (С).

Если обозначить заработную плату через V , а сумму прибыли и земельной ренты через M , то можно сделать заключение, что догма Смита сводит структуру стоимости товара ($C + V + M$) лишь к вновь созданной стоимости ($V + M$) (рис. 9).

Стоимость товаров
распадается на доходы

Две стороны «Догмы Смита»

Стоимость товаров
складывается из доходов

Рис. 9. Две стороны «Догмы Смита»

Положение Смита о том, что стоимость складывается из доходов, содержит тавтологию: стоимость товара не может возникнуть из доходов по той простой причине, что доходы – это уже созданная в процессе производства стоимость, к тому же прошедшая фазу распределения. Образование стои-

мости товара выводится Смитом из уже существующей стоимости доходов. Стоимость объясняется стоимостью. К тому же сумма трех доходов всегда будет меньше стоимости товара, поскольку последняя включает в себя также и так называемую «перенесенную» стоимость, то есть стоимость израсходованных на производство данного товара средств производства (материалы, амортизация и т. п.).

По этой же причине неубедительно и второе положение Смита о «распадении» стоимости товара только на отмеченные три дохода: здесь также выпадает стоимость израсходованных на производство данного товара средств производства.

В ошибочности представлений Смита о структуре стоимости товаров, сводящих ее к сумме доходов, легко убедиться, если допустить, что цены на товары действительно определяются стоимостью, состоящей из суммы заработной платы, прибыли и ренты. В этом случае предприниматели, продав свои товары по таким ценам, не смогли бы возместить затраты на использованные в производстве этих товаров материалы, износ машин и оборудования и быстро бы разорились.

Несостоятельность догмы Смита обнаруживается и в том, что она противоречит очевидным экономическим фактам, а именно – наличию в структуре стоимости товаров амортизации, представляющей собой стоимость средств производства, израсходованных в процессе производства товаров и

перенесенных на созданные товары. Показательно, что общая сумма амортизации в экономике США в 2004 г. составила гигантскую сумму – почти в полтора триллиона долларов (1,407,3 трлн долл.)⁶⁰. Теоретическая несостоятельность догмы Смита не помешала тому обстоятельству, что она была положена в основу современных неоклассических концепций общественного продукта и национального дохода⁶¹.

Смит чувствовал неудовлетворительность своей позиции сведения стоимости товара к вновь созданной стоимости. В учении о валовом и чистом доходе он сделал попытку преодолеть эту точку зрения, выделив затраты на восстановление основного и оборотного капитала⁶². И в ряде других мест «Богатства народов» им признается существование той части стоимости товара, которая перенесена со средств производства. Так, Смит пишет: «Лишь только в руках частных лиц начинают накапливаться капиталы, некоторые из них, естественно, стремятся использовать их для того, чтобы занять работой трудолюбивых людей, которых они снабжают материалами и средствами существования в расчете получить выгоду на продаже продуктов их труда или на том, что эти работники прибавили к стоимости обрабатываемых ма-

⁶⁰ Statistical Abstract of the United States 2006, p. 450.

⁶¹ Афанасьев В. С. Первые системы политической экономии (Метод экономической двойственности). М.: Инфра-М, 2005. С. 289–293 (Примечание).

⁶² Адам Смит. Цит. соч. С. 298–299.

териалов»⁶³.

Здесь Смит выделяет в структуре стоимости товара стоимость, перенесенную со средств производства на производимый товар («стоимость обрабатываемых материалов», которая вновь появляется в готовом товаре, произведенном из данных материалов), и вновь созданную стоимость, «прибавленную» к стоимости материалов трудом работников. Он пишет также о «стоимости снашивания судна» или рабочего скота фермера и других его хозяйственных орудий (рис. 10)⁶⁴.

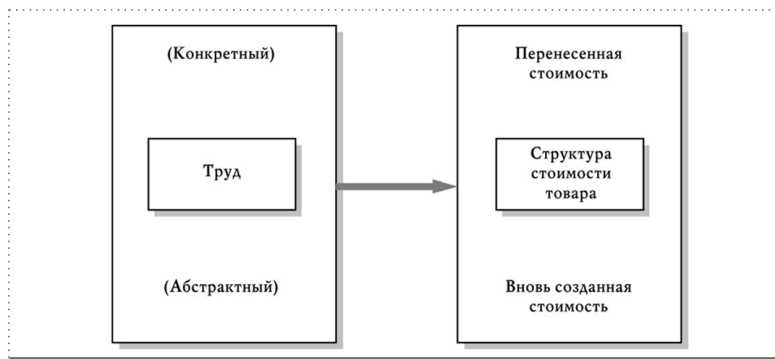

Рис. 10. Догадка Смита о двойственной структуре стоимости товара

Однако Смит не видел двойственности процесса фор-

⁶³ Адам Смит. Цит. соч. С. 103.

⁶⁴ Адам Смит. Цит. соч. С. 80, 105.

мирования стоимости товара, обусловленного двойственной природой труда товаропроизводителя. Он не знал механизма перенесения старой стоимости, т. е. того, что стоимость израсходованных на производство товара средств производства переносится на этот товар с помощью полезной формы труда («конкретного труда»), а также того, что в то же самое время затрачиваемый в данном процессе производства общественный труд («абстрактный труд») создает новую стоимость (рис. 11).

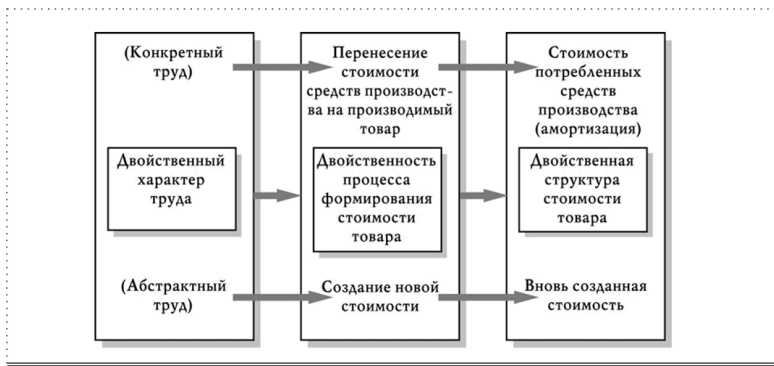

Рис. 11. Двойственность процесса формирования стоимости товара

Непонимание двойственного характера труда приводило Смита к тому, что, поднимая вопрос о перенесенной стоимости, он в конечном счете сводил эту часть стоимости товара к вновь созданной стоимости, отказываясь от своего важней-

шего открытия в теории стоимости. Он писал о структуре цены товара фермера: «Может показаться, что необходима еще четвертая (наряду с тремя доходами: зарплатой, прибылью и рентой. – В.А.) часть для возмещения капитала фермера, т. е. для возмещения снашивания его рабочего скота и других хозяйственных орудий». Но эта «четвертая часть», по мнению Смита, «сводится – непосредственно или в конечном счете – к тем же составным частям: к ренте, заработной плате и прибыли»⁶⁵. В действительности же она «сводится» не только к доходам, но и к перенесенной стоимости.

Исторически «Догма Смита» обуславливалась тем, что его теория сформировалась в условиях мануфактурного капитализма, основанного на ручной, ремесленной технике, когда доля основного капитала в общей структуре капитала была незначительной и вопрос о том, как возмещается стоимость израсходованных в производстве средств производства еще не приобрел (как это произошло в эпоху промышленной революции и отражено в теории Рикардо и Маркса) свою актуальность. Методологически данная позиция Смита проистекала из непонимания двойственной природы труда товаропроизводителя, которая, в свою очередь, определялась ограниченностью буржуазного кругозора Смита, рассматривавшего экономические явления капиталистической экономики как вечные и естественные.

«Догма Смита» – это его теоретическая ошибка. Однако

⁶⁵ Адам Смит. Цит. соч. С. 106.

она содержит важный научный элемент, а именно – гениальную догадку Смита об историческом процессе превращения стоимости в цену производства. Логика рассуждений Смита была следующей. На первом этапе общественного развития – в «первобытном обществе», под которым Смит имел в виду простое товарное производство, – стоимость товаров определялась затратами труда и всю ее в виде дохода присваивал сам товаропроизводитель. В «современном обществе», под которым Смит понимал капитализм, в связи с возникновением классов капиталистов и земельных собственников положение дел меняется. Теперь товаропроизводитель вынужден делиться произведенным им продуктом с собственниками средств производства. В этих условиях стоимость товаров, по мнению Смита, перестает определяться затратами труда и «складывается из доходов». На цены производства – на эту специфическую модификацию стоимости товаров под воздействием межотраслевой конкуренции – в отличие от стоимости действительно влияют доходы: средняя прибыль и общий уровень заработной платы. Тем самым Смит констатирует, что в законе стоимости происходят определенные изменения в процессе перехода от простого товарного производства к капитализму и, следовательно, ставит важную теоретическую проблему.

Теория распределения Смита

Важной предпосылкой теории доходов Смита является его учение о классовой структуре капиталистического общества.

Классовая структура буржуазного общества по Смицу. В отличие от физиократов Смит впервые в истории экономических учений сумел выделить основные классы этого общества, исходя из одного – социально-экономического – критерия, а именно – из отношений собственности, отбросив характерный для теории физиократов отраслевой критерий, заведивший их по множеству вопросов в тупик. По мнению завершителя школы физиократов А. Тюрго (1727 – 1781), во Франции во второй половине XVIII века было пять классов: кроме земельных собственников имелись еще два класса предпринимателей и два класса наемных рабочих, соответственно тому, в какой отрасли они функционируют. С его точки зрения, получалось, что предприниматели (как и рабочие) в сельском хозяйстве и в промышленности – это совершенно различные классы.

По Смицу, капиталистическое общество разделяется на три класса: собственников капитала – предпринимателей, земельных собственников и наемных работников, обладающих собственностью на свой труд, который они продают во временное пользование предпринимателям. Соответственно

этому распределяются и доходы: предприниматели получают прибыль на свой капитал, собственники земли – земельную ренту, а наемные работники за свой труд – заработную плату.

Описание Смитом классовой структуры буржуазного общества весьма далеко от идеальной картины, которую рисуют последователи теории «гармонии интересов». Вот как излагает позицию Смита Й. Шумпетер: «...Бесчувственные» и «пребывающие в праздности» землевладельцы, которые жнут, где не сеяли; предприниматели, заканчивающие каждую встречу сговором между собой; купцы, которые и сами благоденствуют, и предоставляют возможность зарабатывать на жизнь своим приказчикам и счетоводам; и бедные рабочие, обеспечивающие роскошную жизнь остальным членам общества, – вот и все персонажи предлагаемого нам зрелища»⁶⁶. Смит близко подходил к пониманию эксплуататорской сущности капитализма. Так, он писал, что как прибыль, так и рента представляют собой не что иное, как вычеты из продукта труда рабочих.

Первоначальное накопление капитала. Смиту присущ некоторый, хотя и весьма ограниченный, исторический подход к проблеме классовой структуры общества. На первом этапе общественного развития, каковым, по Смицу, является «первобытное» общество (в действительности – простое товарное хозяйство), классов не существовало. Они возник-

⁶⁶ Йозеф А. Шумпетер. Цит. соч. С. 237.

ли в результате двух важнейших процессов: накопления капиталов в частных руках и появления – вместо ранее существовавшей общей земельной собственности – частной собственности на землю. Он пишет об «...обществе первобытном и малоразвитом, предшествующем накоплению капиталов и обращению земли в частную собственность...»⁶⁷, а также об обществе «современном», в котором уже осуществились эти важнейшие социально-экономические преобразования и сформировались характерные для этого общества три класса.

Однако у Смита нет специального исследования процесса первоначального накопления капитала, то есть процесса формирования классовой структуры капиталистического общества, в котором важную роль играет впервые отмеченный А. Тюрго процесс отделения непосредственных производителей (крестьян и ремесленников) от средств производства. Тем не менее сам термин «первоначальное накопление капитала» («previous accumulations») принадлежит Смитту, под которым он понимал исторически исходный пункт капиталистической экономики. Это видно из того, что в качестве условий возникновения «современного общества», то есть капиталистического строя и, соответственно, «современных» доходов от собственности, Смит изображает накопление капиталов и возникновение частной собственности на землю.

⁶⁷ Адам Смит. Цит. соч. С. 103.

Теория доходов Смита. Двойственность методологии Смита находит яркое проявление в его противоречивой теории доходов. Фактически Смит придерживается двух различных концепций по данной проблеме. С одной стороны, опираясь на абстрактный метод, он с позиции первого варианта трудовой теории стоимости предпринял попытку выявить общую основу доходов как от собственности – прибыли, земельной ренты и ссудного процента, так и от труда – заработной платы. С другой стороны, описательный метод Смита наталкивал его на факториальную трактовку происхождения этих доходов.

Две теории прибыли Смита. «Лишь только в руках частных лиц начинают накапливаться капиталы, – писал Смит, – некоторые из них, естественно, стремятся использовать их для того, чтобы занять работой трудолюбивых людей, которых они снабжают материалами и средствами существования в расчете получить выгоду на продаже продуктов их труда или на том, что эти работники прибавили к стоимости обрабатываемых материалов»⁶⁸.

Из этого рассуждения Смита достаточно ясно видно, что «выгода», получаемая владельцами капиталов, проистекает из труда работников, из того, что они «прибавили к стоимости обрабатываемых материалов». Эту мысль Смит поясняет следующим образом: «...Стоимость, которую рабочие прибавляют к стоимости материалов, распадается сама в этом

⁶⁸ Адам Смит. Цит. соч. С. 103.

случае на две части, из которых одна идет на оплату их заработной платы, а другая – на оплату прибыли их предпринимателя на весь капитал, который он авансировал в виде материалов и заработной платы»⁶⁹.

Отсюда видно, что прибыль предстает у Смита как результат неоплаченного труда, как «вычет из продукта труда рабочего»⁷⁰ вследствие присвоения капиталистом стоимости, созданной рабочим сверх того ее количества, которое возмещает заработную плату или «цену труда» рабочего.

Однако Смит не объяснил, как и вся классическая школа, происхождение прибыли на капитал с точки зрения действия закона стоимости, то есть закона эквивалентного обмена товаров в соответствии с количеством затраченного на их производство общественного труда. Он полагал, что в сделке купли-продажи между капиталистом и наемным рабочим продается и покупается труд. Эта позиция при ближайшем рассмотрении оказывается весьма противоречивой.

Если труд есть товар и его реализация осуществляется в соответствии с законом стоимости, то рабочий в обмен на свой труд должен получать его полный эквивалент, то есть всю произведенную им стоимость, что исключает возможность возникновения прибыли капиталистов. Между тем прибыль реально существует, и Смит был далек от ее отрицания. При допущении того, что труд является товаром, воз-

⁶⁹ Адам Смит. Цит. соч. С. 104.

⁷⁰ Адам Смит. Цит. соч. С. 118.

никновение прибыли могло быть объяснено лишь из нарушения закона эквивалентности обмена товаров по их общественной стоимости, из оплаты труда рабочих ниже его стоимости.

Таким образом, для теории Смита характерно противоречие между законом стоимости и законом самовозрастания капитала, впоследствии (в трудах Маркса) получившего наименование закона прибавочной стоимости. Это одно из основных противоречий классической школы, ставивших под удар ее главное научное достижение, ее теоретический и методологический фундамент – созданную ею трудовую теорию стоимости.

С этим противоречием тесно связан второй вариант теории прибыли, разработанный Смитом с помощью описательного метода. По мнению Й. Шумпетера, он сводится к тому, что «прибыль, понимаемая как основной доход класса капиталистов, по существу, выступает результатом делового использования накопленных этим классом физических благ (включая средства существования наемных рабочих)...»⁷¹. В действительности же Смит говорит вовсе не о том, что прибыль есть результат «делового использования физических благ», а лишь о том, что прибыль – это доход капиталиста, который зависит от величины капитала. Он писал: «...Доход, получаемый с капитала лицом, которое лично употребляет

⁷¹ Йозеф А. Шумпетер. Цит. соч. С. 244.

его в дело, называется прибылью...»⁷², и «прибыль определяется вообще стоимостью употребленного в дело капитала и бывает больше или меньше в зависимости от размеров этого капитала»⁷³. Данная зависимость определяется действием закона равенства прибылей на равновеликий капитал, порожденного межотраслевой конкуренцией. Однако поскольку Смит не сумел объяснить эту зависимость, он открывал дорогу ошибочному заключению о том, что прибыль порождается капиталом.

В данном случае Смит смешивает те формы, в которых происходит присвоение прибыли, с теми формами, в которых осуществляется ее создание. Действительное участие «капитала», а в действительности средств производства (средств труда и предметов труда) в формировании стоимости производимых с их помощью товаров заключается в том, что их стоимость – по мере их производительного потребления – переносится на производимый товар и образует составную часть издержек его производства.

Три теории земельной ренты. Возникновение ренты Смит также связывает с процессами перехода средств производства в частные руки, в данном случае – земли в руки земельных собственников. «С тех пор как вся земля в той или иной стране превратилась в частную собственность, – писал Смит, – землевладельцы, подобно всем другим людям, хотят

⁷² Адам Смит. Цит. соч. С. 107.

⁷³ Адам Смит. Цит. соч. С. 104.

пожинать там, где не сеяли, и начинают требовать ренту даже за естественные плоды земли... Работник... должен отдавать землевладельцу часть того, что собирает или производит его труд. Эта часть, или, что то же самое, цена этой части, составляет земельную ренту...»⁷⁴.

Использование описательного метода при рассмотрении земельной ренты так же, как и при анализе прибыли, наталкивало Смита на ряд необоснованных заключений. Отталкиваясь от внешних проявлений дифференциальной ренты, величина которой, как известно, зависит от качества, плодородия обрабатываемой почвы и ее удаленности от рынка сбыта сельскохозяйственных товаров, Смит приходил к выводу о том, что земельная рента порождается землей как таковой. Здесь Смит фактически стоит на позициях физиократов.

Нетрудно убедиться в необоснованности этой концепции ренты Смита. Величина дифференциальной ренты зависит от плодородия почвы вовсе не потому, что земля является источником ренты. Более высокое плодородие почвы (или лучшее местоположение) выступает важным условием повышения производительности труда сельских рабочих, а тем самым – условием производства дополнительного дохода фермера, который используется им для оплаты аренды земли у земельного собственника.

Основой третьего варианта теории ренты Смита является специфика цен на сельскохозяйственную продукцию.

⁷⁴ Адам Смит. Цит. соч. С. 105.

По Смиту, такие цены являются монопольными, поскольку спрос на сельские товары всегда превышает их предложение, что приводит к отклонению этих цен вверх сравнительно со стоимостью данных товаров. Из этого превышения цен над стоимостью и проистекает, как полагал Смит, земельная рента. Таким образом, Смит поставил важную проблему взаимосвязи особенностей ценообразования на сельскохозяйственные товары и явлением земельной ренты. Эта проблема имеет важное значение при анализе абсолютной земельной ренты. Однако данный вид земельной ренты не исследуется Смитом прежде всего потому, что он не раскрыл соотношения стоимости товара и ее особой исторической формы – цены производства. По этой причине Смит не идет дальше утверждения о том, что земельная рента представляет собой результат превышения рыночной цены над стоимостью сельскохозяйственных товаров, то есть выводит в данном случае ренту из нарушения закона стоимости.

Методологической основой противоречивой трактовки доходов в теории Смита является смешение им двух сторон единого процесса производства товара: процесса создания его потребительной стоимости с процессом создания его стоимости (прибыли). Между тем в этих двух процессах участвуют различные факторы: если фактором создания стоимости товара выступает только труд товаропроизводителя (в его качестве абстрактного прибавочного труда), то в процессе производства потребительной стоимости товара участ-

вуют три фактора: конкретный труд, средства труда и предметы труда.

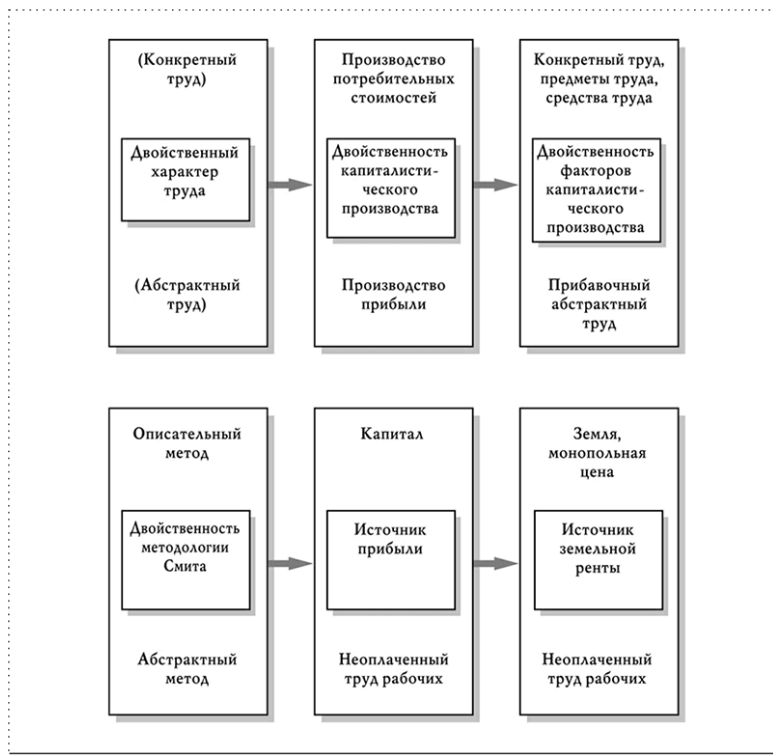

Рис. 12. Методологическая и гносеологическая основы теории доходов А. Смита

Это последнее обстоятельство и послужило для Смита

гносеологической (познавательной) основой факториально-го подхода к вопросу об образовании доходов: здесь Смит (как и многие экономисты неоклассической школы впоследствии) представляет три фактора создания потребительной стоимости товара в качестве трех самостоятельных источников его стоимости.

Тем не менее анализ прибыли и земельной ренты наталкивал Смита на мысль о том, что труд выступает как единственный фактор производства. «...А. Смит пытался показать, как доли землевладельца и капиталиста «вычитаются» из общего продукта, который «естественно» полностью является продуктом труда. Это, очевидно, указывает на другое концептуальное построение, отводящее роль фактора производства одному лишь труду и исключаящее триаду факторов...»⁷⁵.

Подход к категории прибавочной стоимости. Бросается в глаза фактическая тождественность трактовок источников прибыли и земельной ренты Смитом, полученных им с позиции абстрактного метода: и то и другое представляется ему как различные формы неоплаченного труда наемных рабочих. Этот вывод подкрепляется Смитом анализом происхождения процента на ссудный капитал. Рассматривая процент как производный доход, как часть прибыли или земельной ренты, выплачиваемой банкиру за предостав-

⁷⁵ Йозеф А. Шумпетер. Цит. соч. С. 731. См. также: Дж. М. Кейнс. Избранные произведения. М.: Экономика, 1993. С. 389.

ленный им предпринимателю или земельному собственнику кредит, Смит и процент сводит к неоплаченному труду наемных работников. Доход от капитала, писал Смит, «... получаемый с него лицом, который не употребляет его в дело, а ссужает его другому, называется процентом или денежным ростом... Ссудный процент всегда представляет собой доход производный...»⁷⁶.

Трактовка Смитом доходов от собственности с позиции трудовой теории стоимости явилась крупным шагом вперед по сравнению с теорией физиократов. Эти доходы представили теперь как результат функционирования труда в любой отрасли материального производства, а не только в сельском хозяйстве, как у физиократов. Ведущее место среди этих доходов заняла промышленная прибыль, в то время как физиократы либо не выделяли ее в качестве дохода особого класса, либо рассматривали в качестве дохода, производного от земельной ренты. В этом учении Смит предпринимает попытку выявить некую общую основу всех доходов от собственности, которую он находит в неоплаченном труде наемных работников, трактуя как прибыль, так и земельную ренту в качестве различных «вычетов из продукта труда работников». Однако данная основа (фактически – прибавочная стоимость) не получает у него выражения в какой-либо политико-экономической категории и не находит своего объяснения с точки зрения закона стоимости.

⁷⁶ Адам Смит. Цит. соч. С. 107.

Теория заработной платы. Одновременное применение Смитом описательного и абстрактного метода нашло свое выражение и при рассмотрении им дохода класса наемных рабочих – заработной платы.

С позиции описательного метода заработная плата трактуется Смитом как цена труда, а труд рассматривается в качестве товара, который наемный работник продает предпринимателю. Такой подход к заработной плате порождает множество противоречий в теории Смита и исключает возможность объяснить происхождение прибыли с точки зрения основной методологической позиции Смита – трудовой теории стоимости. Ведь если труд – это товар и рабочий получает в заработной плате полный эквивалент своих трудовых затрат, то возникновение прибыли можно было бы объяснить только нарушением закона стоимости.

Вместе с тем к проблеме заработной платы, как дохода работников наемного труда, Смит подходит и с позиции абстрактного метода. Опираясь на концепцию двух стадий развития общества и рассматривая продукт труда как «естественное вознаграждение за труд», Смит писал: «В том первобытном состоянии общества, которое предшествует превращению земли в частную собственность и накоплению капиталов, весь продукт труда принадлежит работнику. Ему не приходится делиться ни с землевладельцем, ни с хозяином»⁷⁷. Но положение существенно меняется, отмечает

⁷⁷ Адам Смит. Цит. соч. С. 117.

Смит, в результате превращения земли в частую собственность и накопления капиталов. «Как только земля становится частной собственностью, – поясняет Смит, – землевладелец требует долю почти со всякого продукта, который работник может взрастить на этой земле или собрать с нее. Его рента составляет первый вычет из продукта труда, затраченного на обработку земли»⁷⁸. Второй вычет из продукта труда наемного работника осуществляет владелец капитала, «... который, – как пишет Смит, – не имел бы никакого интереса нанимать его, если бы не получал долю с продукта его труда или если бы его капитал не возмещался с некоторой прибылью»⁷⁹.

Таким образом, описательный метод приводит Смита к заключению о том, что заработная плата – это цена труда как специфического фактора производства и зависит от ситуации на рынке труда. С другой стороны, абстрактный метод, примененный Смитом, подводит его к пониманию связи заработной платы с механизмом эксплуатации труда капиталом и процессом воспроизводства «расы рабочих», требующим, чтобы заработная плата несколько превышала прожиточный минимум. Здесь намечается понимание того, что в действительности рабочий продает не труд, а способность к труду. Именно поэтому заработная плата определяется условиями воспроизводства «расы рабочих».

⁷⁸ Адам Смит. Цит. соч. С. 118.

⁷⁹ Там же.

Две трактовки производительного труда. Соответственно двойственности научных исходных пунктов теории Смита, специфики примененной им методологии, его учение о производительном труде также носит двойственный и противоречивый характер.

С одной стороны, опираясь на абстрактный метод, Смит определяет производительный труд как труд, который «**обменивается на капитал**» (имеется в виду покупка рабочей силы в обмен на заработную плату, составляющую часть капитала предпринимателя), а непроизводительный труд – как труд, который «**обменивается на доход**» (здесь подразумевается наем, например, домашнего слуги в обмен на часть дохода нанявшего его человека – прибыли предпринимателя, ренты земельного собственника, заработной платы наемного рабочего). О критериях производительного труда Смит писал: «Один вид труда увеличивает стоимость предмета, к которому он прилагается, другой вид труда не производит такого действия. Первый, поскольку он производит некоторую стоимость, может быть назван производительным трудом, второй – непроизводительным. Так, труд рабочего мануфактуры обычно увеличивает стоимость материалов, которые он перерабатывает, а именно увеличивает ее на стоимость своего содержания и прибыли его хозяина. Труд домашнего слуги, напротив, ничего не добавляет к стоимости... Человек становится богатым, давая занятие большому числу мануфактурных рабочих; он беднеет, если содержит

большое число домашних слуг»⁸⁰.

Из этого высказывания Смита видно, что производительным он считает труд наемных рабочих, создающих прибыль для своего хозяина, а непроизводительным – труд домашних слуг, потребляющих доход нанявших их лиц.

Данная позиция Смита теоретически и методологически верно характеризует производительный труд при капитализме как труд, воспроизводящий капитал, капиталистические производственные отношения, составляющие самую существенную сторону капиталистического способа производства. Это действительно производительный труд, поскольку он, в отличие от труда домашних слуг, воспроизводит капиталистическую собственность на средства производства.

Другая трактовка проблемы производительного труда Смитом опирается на описательный метод. Она сводится к тому, что Смит определяет производительным тот труд, который овеществляется в товаре. Смит писал: «...Труд мануфактурного рабочего закрепляется и реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре, который можно продать и который существует по крайней мере некоторое время после того, как закончен труд... Труд домашнего слуги, напротив, не закрепляется и не реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре, пригодном для продажи»⁸¹.

Нетрудно заметить, что данная позиция Смита находит-

⁸⁰ Адам Смит. Цит. соч. С. 338–339.

⁸¹ Адам Смит. Цит. соч. С. 339.

ся в явном противоречии с его первой трактовкой производительного труда. С точки зрения второй концепции наемный труд, производящий услуги и создающий своему хозяину прибыль (например, наемный учитель в частной школе), не является производительным трудом, поскольку продукт этого труда не овеществляется «в каком-либо отдельном предмете». Между тем такой труд вполне подходит под первый критерий производительного труда Смита, ибо он «обменивается на капитал», создает прибыль предпринимателю, а тем самым воспроизводит капитал.

Не менее очевидно и другое: труд, производящий вещественную потребительную стоимость, далеко не всегда в условиях капитализма выступает в качестве производительного труда. Примером может быть труд частного ремесленника, который производит вещественные товары (например, ковры), однако не выступает в качестве наемного труда, создающего прибыль своего хозяина. При капитализме – это непродуцируемый труд, поскольку он не воспроизводит капиталистические производственные отношения – капитал, хотя и создает вещественный продукт.

Исключение Смитом труда сферы услуг из разряда производительного труда было для его времени – то есть более двух веков тому назад – исторически оправданным, поскольку, как отмечалось, эта сфера тогда была совершенно не развита, и к тому же она еще не была подчинена капиталу, базировалась на простом товарном производстве и труд в ней с

точки зрения капиталистической экономики не являлся производителем.

Односторонний подход к экономическим явлениям либо с точки зрения конкретного труда, либо с позиции абстрактного труда приводил Смита к тому, что во второй трактовке производительного труда он критерием производительного труда объявил одну из характеристик конкретного труда – его способность овеществляться в продуктах материального производства. Между тем проблема производительного труда не имеет никакого отношения к специфике конкретного труда и его продукта. В качестве производительного труда может выступить и труд, овеществленный в товаре, и труд, создающий не принимающие вещной формы услуги или нематериального блага.

Необходимыми предпосылками производительного труда при капитализме выступают следующие два обстоятельства. Во-первых, производительным является такой труд, который создает общественную потребительную стоимость (вещественную или невещественную), т. е. потребительную стоимость для других, а не только для ее производителя. Во-вторых, одновременно с этим производительным выступает тот труд, который воспроизводит господствующую систему производственных отношений. Для капиталистической экономики это означает, что данный труд производит прибыль и тем самым воспроизводит капитал (рис. 13).

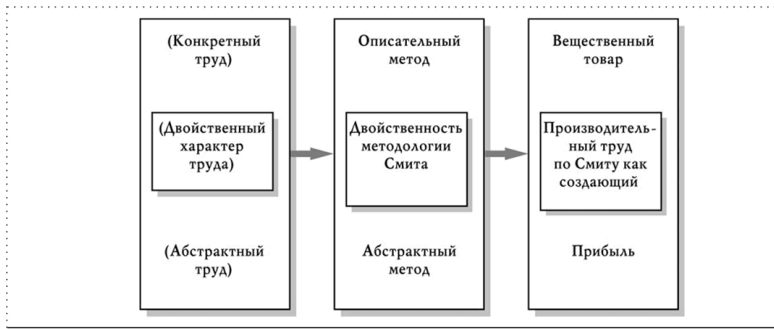

Рис. 13. Методология теории производительного труда Смита

Несмотря на свою противоречивость, концепция производительного труда Смита явилась важным вкладом в научную трактовку проблемы. Производительный труд действительно является двойственным феноменом: с одной стороны, это труд, производящий общественную потребительную стоимость и тем самым воспроизводящий производительные силы общества (средства производства и рабочую силу как личный фактор производства), а с другой – это труд, производящий прибыль, т. е. воспроизводящий капитал, капиталистическую систему экономических отношений.

Учение Смита о производительном труде носило явный антифеодальный характер. Оно показывало, что те слои и классы общества, которые не участвуют в создании «богатства народов» в его капиталистической форме, представ-

ляют собой непроизводительных работников. Смит писал: «Труд некоторых самых уважаемых сословий общества, подобно труду домашних слуг, не производит никакой стоимости и не закрепляется и не реализуется ни в каком длительно существующем предмете или товаре, могущем быть проданным, который продолжал бы существовать и по прекращении труда... Например, государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют собой непроизводительных работников. Они являются слугами общества и содержатся на часть годового продукта труда остального населения»⁸².

Смит о воспроизводстве и обращении всего общественного капитала

В теории воспроизводства в целом Смит сделал явный шаг назад по сравнению с физиократами: он не дал целостной картины процесса воспроизводства всего общественного капитала, подобной тому, которая имеется в «Экономической таблице» Ф. Кенэ. Причина кроется в методологическом исходном пункте анализа воспроизводства в теории Смита. В отличие от Кенэ, исходившем в своем анализе процесса воспроизводства из товарной формы промышленного капитала, которая позволяла увидеть все основные пото-

⁸² Адам Смит. Цит. соч. С. 339.

ки производимого общественного продукта как в натурально-вещественной форме, так и по стоимости, Смит отталкивался от производительной формы этого капитала, которая исключала такую возможность.

Однако по отдельным и весьма важным вопросам Смит удалось продвинуть вперед теорию воспроизводства благодаря своей роли «обобщающего экономиста» мануфактурной стадии развития капитализма.

Одна из важных заслуг Смита в данном направлении состояла в том, что он обобщил физиократические категории «первоначальных» и «ежегодных авансов» в категории основного и оборотного капитала, распространив их на все отрасли материального производства, а не только на сельское хозяйство, как это делали физиократы. Таким образом, деление на основной и оборотный капитал впервые предстало не как специфическая черта сельского хозяйства (а именно таковой ее изображали физиократы, обнаружившие различия в способах обращения различных частей капитала в сельском хозяйстве в связи с годовым циклом производства), а как важная особенность капитала, функционирующего в любой отрасли капиталистического производства, как особенность производительной формы промышленного капитала.

Однако Смит распространил категории основного и оборотного капитала за пределы собственно производства, на сферу обращения. Между тем процесс перенесения стоимости со средств производства – по мере их производительного

потребления – на производимый товар (а именно способами такого перенесения и отличаются друг от друга основной и оборотный капиталы) имеется только в сфере производства. Тем не менее к оборотному капиталу Смит относит не только сырье и полуфабрикаты, но и деньги, запасы продовольствия и готовых изделий у торговцев и предпринимателей. В последнем случае Смит смешивает оборотный капитал как форму производительного капитала, функционирующую только в производстве (сырье и полуфабрикаты), с капиталом обращения, обслуживающего куплю-продажу товаров (деньги, готовые изделия). «Капитал купца, например, – писал Смит, – целиком представляет собою капитал оборотный»⁸³.

Это смешение порождало ряд противоречий и ошибок в теории Смита.

Смит полагал, что оборотный капитал приносит прибыль владельцу своим обращением. Он же обеспечивает прибыль и на основной капитал. Эти положения Смита наталкивали на отвергнутый уже физиократами вывод о том, что прибыль предпринимателя имеет своим источником сферу обращения, возникает из простой смены форм стоимости в процессе обмена товаров и денег. Между тем, как бы значительно ни влияла сфера обращения на величину прибыли, прибыль не может возникнуть в процессе обращения. Естественно, она не возникает, если обмен является эквивалентным, ко-

⁸³ Адам Смит. Цит. соч. С. 292.

гда обмениваются различные товары, имеющие равную стоимость. Прибыль не возникает из обращения и тогда, когда обмен неэквивалентен, поскольку в процессе обмена не увеличивается общая стоимость обмениваемых товаров. Если в ходе товарного обмена увеличивается прибыль у одного из контрагентов, это всего лишь означает, что на соответствующую сумму уменьшается прибыль у какого-то другого участника обмена.

Что же касается основного капитала, то, по мнению Смита, он не участвует в обращении и приносит прибыль с помощью оборотного капитала. Своеобразным аргументом Смита здесь служил тот факт, что основной капитал – по своей натурально-вещественной форме производственные помещения, машины и оборудование – не покидает сферы производства, закреплён в ней и не меняет своего владельца. Однако если считать, что основной капитал не обращается, то есть не переносит своей стоимости на производимый товар, то невозможно объяснить, как же воспроизводится основной капитал, как он возмещается по стоимости и натурально-вещественной форме.

Позиция Смита в отношении обращения основного капитала отражала исторические условия мануфактурного капитализма, для которого было характерно господство ручных орудий труда и неразвитость основного капитала, а также противоречия его методологических исходных пунктов анализа.

Отрицание обращения основного капитала Смитом базировалось на отождествлении им обращения капитала и товарного обмена. Смит полагал, что обращение есть переход товара из рук одного собственника в руки другого, что характерно только для оборотного капитала. В действительности же обращение капитала и товарный обмен – явления далеко не тождественные: обращение капитала включает в себя обмен товаров, но не сводится к нему. Обращение капитала продолжается и в самом процессе производства. Этот факт зафиксировали (и абсолютизировали) еще меркантилисты, когда они утверждали, что производство представляет собой «момент обращения».

В самом деле, в производстве происходит превращение производительной формы капитала (в виде средств производства и рабочей силы) в товарную форму (в виде готовой продукции). Между тем смена вещных форм капитала как раз и составляет содержание процесса обращения капитала. По этой причине и оборотный капитал до тех пор, пока он находится в сфере производства, то есть является оборотным капиталом, в отличие от капитала обращения, не меняет своего владельца и, следовательно, не подходит под определение оборотного капитала, данное Смитом. Когда же такой владелец меняется, оборотный капитал перестает быть оборотным, покидает сферу производства и превращается в капитал обращения.

Основной капитал получает у Смита следующее опреде-

ление. Смит писал: «...Капитал может быть употреблен на улучшение земли, на покупку полезных машин и инструментов или других подобных предметов, которые приносят доход или прибыль, без перехода от одного владельца к другому или без дальнейшего обращения. Такие капиталы можно... назвать основными капиталами»⁸⁴.

А между тем основной капитал все же обращается, так как он – по мере своего износа – переносит свою стоимость на производимый товар. И происходит это в самой сфере производства, и притом без актов купли-продажи и, соответственно, без смены владельца капитала. Смит же, в силу непонимания им двойственной природы труда, не замечает один из важнейших моментов процесса воспроизводства капитала – повторное появление стоимости израсходованного капитала во вновь созданной продукции. Обращение промышленного капитала, то есть капитала, содержащего в себе (в отличие от торгового и ссудного капиталов) фазу производства, представляет собой смену вещных форм капитала: систематическое превращение капитала из денежной формы в производительную (форму средств производства и рабочей силы), а из нее – в товарную форму и, наконец, после реализации произведенного товара – снова в денежную форму.

Весьма ценным и актуальным является положение Смита о том, что составной частью основного капитала являются «приобретенные и полезные способности всех жителей

⁸⁴ Адам Смит. Цит. соч. С. 292.

или членов общества». Для своего образования такие способности человека требуют затрат на его воспитание и обучение. Такие затраты «...представляют собою основной капитал, который как бы реализуется в его личности, – писал Смит. – Эти способности, являясь частью состояния такого лица, вместе с тем становятся частью богатства всего общества, к которому оно принадлежит»⁸⁵. Эти положения теории Смита предвосхитили концепцию «человеческого капитала», получившую значительное развитие во второй половине XX века. Они выражают тот факт, что частный капитал объективно заинтересован, понимают ли это его представители или нет, во всемерном развитии образования народа, так же как и его здоровья, разумеется, если это не рваческий капитал, преследующий лишь сиюминутные выгоды, а капитал, ориентированный на длительную перспективу. Эта заинтересованность образует основу филантропической деятельности собственников капитала.

Игнорирование в структуре стоимости товара стоимости, перенесенной со средств производства, наталкивало Смита на отождествление общественного продукта и национального дохода, что, в свою очередь, являлось существенным препятствием к исследованию процесса воспроизводства всего общественного капитала. Пытаясь преодолеть его, Смит проводит различие между «валовом» и «чистым» доходами. Он писал: «Валовой доход всех жителей обширной страны

⁸⁵ Адам Смит. Цит. соч. С. 294.

состоит из всего годового продукта их земли и труда; их чистый доход составляет то, что остается в их распоряжении, за вычетом по восстановлению, во-первых, их основного, а во-вторых, их оборотного капитала...»⁸⁶. Здесь Смит фактически признает наличие в структуре стоимости общественного продукта той части, которая расходуется на воспроизводство израсходованных средств производства и ни для кого не образует доходов, не может быть сведена к заработной плате, прибыли и ренте. Тем самым Смит предпринимает попытку преодолеть свою концепцию о том, что стоимость товара распадается лишь на доходы и, следовательно, в ней отсутствует стоимость, перенесенная со средств производства.

Эта попытка открывала дорогу для четкого разграничения общественного продукта и национального дохода. Однако Смит не воспользовался этим своим открытием, не разработал его и в вопросах воспроизводства в целом остался на позициях отрицания перенесенной стоимости со средств производства.

Ценным в анализе Смитом процесса воспроизводства является и его попытка провести различие между двумя основными подразделениями общественного производства – производящими средствами производства и предметами личного потребления. Смит выделяет две большие группы рабочих, одна из которых занята производством средств производства, другая – производством предметов потребления. Из такого

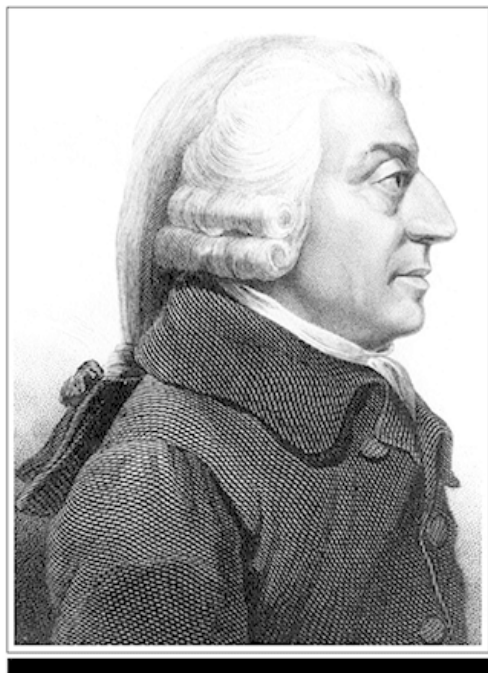
⁸⁶ Адам Смит. Цит. соч. С. 298.

разделения труда вытекает необходимость обмена товарами между данными группами, что определяет основные товарные потоки в процессе воспроизводства общественного капитала. Однако у Смита и эти ценные положения не получили дальнейшего развития и применения.

В анализе экономических закономерностей капитализма на его мануфактурной стадии развития Адам Смит достиг весьма значительных результатов. Даже противоречия его теории сыграли значительную роль в развитии экономической науки, поскольку они поднимали перед исследователями сложные, нерешенные научные проблемы.

Труды А. Смита относятся к периоду, непосредственно предшествующему промышленной революции, когда явно назрели ее основные предпосылки. Объектом анализа Смита был капитализм, еще не получивший своей адекватной технико-производственной базы в виде машинной индустрии, т. е. сравнительно незрелая ступень развития капитализма. Это обстоятельство в известной мере обусловило и определенную неразвитость экономической теории Смита, ее двойственность и противоречивость. Тем не менее гениальность и поразительное трудолюбие Адама Смита позволили ему создать произведение, которое и через 230 лет после своего появления на свет привлекает к себе живейший интерес и пристальное внимание научной мысли.

В.С. Афанасьев

АДАМ СМИТ

Исследование о природе и причинах богатства народов

Предисловие к третьему изданию

Первое издание этой книги печаталось в конце 1775 и начале 1776 г. Поэтому, когда в большей части этой книги говорится о настоящем положении вещей, надо иметь в виду положение вещей, существовавшее в то время, когда я писал эту книгу, или в несколько более ранний период. В третьем издании я сделал несколько добавлений, в частности к главе о возвратных пошлинах и к главе о премиях. Кроме того, я прибавил новую главу под заглавием «Заключение о меркантилистической системе» и новый параграф в главе о расходах государя. Во всех этих добавлениях, говоря о настоящем положении вещей, я всегда имею в виду положение вещей в 1783 и в начале 1784 г.

Предисловие к четвертому изданию

В этом, четвертом, издании я не сделал никаких изменений. Однако я считаю нужным выразить величайшую благодарность мистеру Генри Гопу из Амстердама. Этому лицу я обязан очень точными и подробными сведениями о весьма интересном и важном предмете, об Амстердамском банке, о котором я не нашел удовлетворительных и ясных данных ни в одном печатном отчете. Имя этого человека так хорошо известно в Европе, сведения, исходящие от него, делают столько чести всякому, кто их получил, и это признание так льстит моему самолюбию, что я не могу отказать себе в удовольствии предпослать этому новому изданию настоящее предисловие.

Введение и план сочинения

Годичный труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им в течение года и состоящие всегда или из непосредственных продуктов этого труда, или из того, что приобретается в обмен на эти продукты у других народов.

Поэтому от количества этих продуктов или того, что приобретается в обмен на них сравнительно с числом тех, кто их потребляет, народ оказывается лучше или хуже снабженным всеми необходимыми предметами и удобствами, в каких он нуждается.

Но это отношение у каждого народа определяется двумя различными условиями: во-первых, искусством, умением и сообразительностью, с какими, в общем, применяется его труд, и, во-вторых, отношением между числом тех, кто занят полезным трудом, и числом тех, кто им не занят. Каковы бы ни были почва, климат и размеры территории того или иного народа, обилие или скудость его годового снабжения всегда будет зависеть от этих двух условий.

Обилие или скудость этого снабжения зависят, по-видимому, в большей степени от первого из этих условий, чем от второго. У диких народов – охотников и рыболовов – каждый человек, способный к труду, более или менее занят по-

лезным трудом и старается по мере сил добывать все необходимое для своей жизни или для тех лиц из своего семейства и племени, которые по своей старости, молодости или слабости не могут заниматься охотой и рыбной ловлей. Такие народы, однако, бывают так ужасно бедны, что нужда подчас заставляет их – или по крайней мере они думают, что она вынуждает их, – убивать своих детей, стариков и страдающих хроническими болезнями или же покидать их на голодную смерть и на съедение диким зверям. Напротив, у народов цивилизованных и процветающих – хотя у них большое число людей совсем не работает, причем многие неработающие потребляют в десять, а часто и в сто раз большего труда, чем большинство работающих, – продукт всего труда общества в целом так велик, что часто все бывают в изобилии снабжены им, так что работник даже низшего и беднейшего разряда, если он бережлив и трудолюбив, может пользоваться большим количеством предметов необходимости и удобств жизни, чем какой бы то ни было дикарь.

Причины этого прогресса в области производительности труда и порядок, в соответствии с которым его продукт естественным образом распределяется между различными классами и группами людей в обществе, составляют предмет первой книги настоящего исследования.

Каково бы ни было состояние искусства, умения и сообразительности, применяемых при работе данным народом, обилие или скудость годового снабжения должны зависеть

при неизменности этого состояния от соотношения между числом людей, занятых полезным трудом, и числом лиц, не занимающихся им. Число полезных и производительных рабочих, как это будет выяснено в дальнейшем, зависит везде от количества капитала, затрачиваемого на то, чтобы дать им работу, и от особого способа его употребления. Поэтому вторая книга рассматривает природу капитала, способы его постепенного накопления, а также изменения в количествах труда, приводимых им в движение, в зависимости от различных способов его применения.

Народы, довольно далеко подвинувшиеся вперед в отношении искусства, умения и сообразительности в применении своего труда, употребляли весьма различные методы для того, чтобы придать труду известный характер или направление, причем не все применявшиеся ими методы были одинаково благоприятны для умножения их продукта. Политика одних народов особенно сильно поощряла земледелие, политика других – городскую промышленность. Вряд ли хотя бы один народ относился одинаково ко всем родам промышленности. Со времени падения Римской империи политика Европы более благоприятствовала ремеслам, мануфактуре и торговле – одним словом, городской промышленности, чем земледелию – труду сельскому. Обстоятельства, которые, по видимому, привели к такой политике и упрочили ее, объяснены в третьей книге.

Хотя эти различные методы были, может быть, обуслов-

лены частными интересами и предрассудками отдельных групп населения, которые не принимали во внимание или не предусматривали возможных последствий для благосостояния общества в целом, однако они послужили основанием для весьма различных теорий политической экономии; при этом одни из последних особенно подчеркивают значение городской промышленности, другие – сельской. Эти теории имели значительное влияние не только на мнения образованных людей, но и на политику государей и государственной власти. В четвертой книге я пытался возможно полнее и точнее объяснить эти различные теории и главные результаты, к которым они приводили в разные века и у различных народов.

В задачу первых четырех книг, таким образом, входит выяснение того, в чем состоял доход главной массы народа или какова была природа тех фондов, которые в различные века и у различных народов составляли их годовое потребление. Пятая, последняя, книга рассматривает доход государя или государства. В ней я старался показать, во-первых, каковы необходимые расходы государя или государства, какие из этих расходов должны покрываться за счет сборов со всего общества и какие – только определенною частью общества или отдельными его членами; во-вторых, каковы различные методы привлечения всего общества к покрытию расходов, падающих на все общество, и каковы главные преимущества и недостатки каждого из этих методов; и, в-третьих, наконец,

какие причины и соображения побуждали почти все современные правительства отдавать часть своих доходов в долгосрочный залог или заключать займы и какое влияние имели они на действительное богатство общества, на годовой продукт его земли и его труда.

Книга I

Причины увеличения производительности труда и порядок, в соответствии с которым его продукт естественным образом распределяется между различными классами народа

Глава I

О разделении труда

Величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с какими он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда. Значение разделения труда для хозяйственной жизни общества в целом легче всего уяснить себе, если ознакомиться с тем, как оно действует в каком-либо отдельном производстве. Обыкновенно полагают, что дальше всего оно проведено в некоторых мануфактурах, имеющих второстепенное значение.

В действительности разделение труда, может быть, и не идет там так далеко, как в других, более крупных; но в небольших мануфактурах, предназначенных обслуживать спрос лишь незначительного числа людей, общее число рабочих должно быть по необходимости невелико, и потому рабочие, занятые различными операциями в производстве, часто соединены в одной мастерской и могут находиться все сразу на виду. Напротив, в тех крупных мануфактурах, которые предназначены удовлетворять спрос большого количества людей, каждая отдельная часть работы занимает столь значительное число рабочих, что уже представляется невозможным соединить их всех в одной и той же мастерской. Здесь нам приходится видеть вместе только рабочих, занятых одною частью работы. И потому, хотя в таких крупных мануфактурах разделение труда может быть в действительности проведено гораздо дальше, чем в мануфактурах меньшего значения, в них оно не так заметно и поэтому мало обращало на себя внимание.

Для примера возьмем поэтому весьма мало важную отрасль промышленности, но такую, в которой разделение труда очень часто отмечалось, а именно производство булавок. Рабочий, не обученный этому производству (разделение труда сделало последнее особой профессией) и не умеющий обращаться с машинами, употребляемыми в нем (толчок к изобретению последних, вероятно, тоже был дан этим разделением труда), едва ли может, пожалуй, при всем своем старании сделать одну булавку в день и, во всяком случае,

не делает двадцати булавок. Но при организации, которую имеет теперь это производство, не только оно само в целом представляет особую профессию, но и подразделяется на ряд специальностей, из которых каждая в свою очередь является отдельным специальным занятием. Один рабочий тянет проволоку, другой выпрямляет ее, третий обрезает, четвертый заостряет конец, пятый обтачивает один конец для насаживания головки; изготовление самой головки требует двух или трех самостоятельных операций; насадка ее составляет особую операцию, полировка булавки – другую; самостоятельной операцией является даже завертывание готовых булавок в пакетики. Таким образом, сложный труд производства булавок разделен приблизительно на восемнадцать самостоятельных операций, которые в некоторых мануфактурах все выполняются различными рабочими, тогда как в других один и тот же рабочий нередко выполняет две или три операции. Мне пришлось видеть одну небольшую мануфактуру такого рода, где было занято только десять рабочих и где, следовательно, некоторые из них выполняли по две и по три различных операции. Хотя они были очень бедны и потому недостаточно снабжены необходимыми приспособлениями, они могли, работая с напряжением, выработать все вместе двенадцать с лишним фунтов булавок в день. А так как в фунте считается несколько больше 4 тыс. булавок средних размеров, то эти десять человек вырабатывали свыше 48 тыс. булавок в день. Следовательно, считая на человека одну де-

сятую часть 48 тыс. булавок, можно считать, что один рабочий выработывал более 4 тыс. булавок в день. Но если бы все они работали в одиночку и независимо друг от друга и не были приучены к этой специальной работе, то, несомненно, ни один из них не смог бы сделать двадцати, а, может быть, даже и одной булавки в день. Одним словом, они, несомненно, не выработали бы $1/240$, а может быть, и $1/4800$ доли того, что в состоянии выработать теперь в результате надлежащего разделения и сочетания их различных операций.

Во всяком другом ремесле и мануфактуре последствия разделения труда подобны описанным в этом весьма мало-важном производстве, хотя во многих из них труд не может быть в такой степени разделен и сведен к таким простым операциям. Однако разделение труда в любом ремесле, в каких бы размерах оно ни было введено, вызывает соответствующее увеличение производительности труда. По-видимому, отделение друг от друга различных профессий и занятий вызывалось этим преимуществом. Вместе с тем такое выделение обыкновенно идет дальше в странах, достигших более высокой ступени промышленного развития: то, что в диком состоянии общества составляет работу одного человека, в более развитом обществе выполняется несколькими. Во всяком развитом обществе фермер обыкновенно занимается только фермерством, владелец мануфактуры занят только своей мануфактурой. Труд, необходимый для производства какого-нибудь законченного предмета, тоже по-

что всегда распределяется между большим количеством людей. Сколько различных профессий занято в каждой отрасли производства полотна или сукна, начиная с тех, кто выращивает лен и овец, доставляющих шерсть, и кончая теми, которые заняты белием и лощением полотна или крашением и аппретурою сукна! Правда, земледелие по природе своей не допускает ни такого многообразного разделения труда, ни столь полного отделения друг от друга различных работ, как это возможно в мануфактуре. Невозможно вполне отделить занятие скотовода от занятия хлебопашца, как это обычно имеет место с профессиями плотника и кузнеца. Прядильщик и ткач почти всегда два разных лица, тогда как работник, который пашет, боронит, сеет и жнет, часто представляет собою одно лицо. Ввиду того что эти различные виды труда должны выполняться в разные времена года, невозможно, чтобы каждым из них в течение всего года был постоянно занят отдельный работник. Невозможность столь полного выделения всех различных видов труда, практикуемых в земледелии, является, пожалуй, причиной того, что увеличение производительности труда в этой области не всегда соответствует росту ее в промышленности. Самые богатые народы, конечно, обыкновенно идут впереди своих соседей как в области земледелия, так и промышленности, но их превосходство обычно больше проявляется в промышленности, чем в земледелии. Их земля, по общему правилу, лучше обработана, и, ввиду того что в нее вложено больше труда

и издержек, она производит больше, чем это соответствовало бы ее размеру и естественному плодородию. Но это увеличение производительности редко превосходит добавочное вложение труда и издержек. В земледелии богатой страны труд не всегда более производителен, чем в бедной стране, или, во всяком случае, это различие в производительности никогда не бывает так значительно, как это обыкновенно наблюдается в промышленности. Поэтому хлеб богатой страны при равном качестве не всегда продается на рынке дешевле хлеба страны бедной. Хлеб из Польши стоит столько же, сколько французский хлеб того же качества, несмотря на большее богатство и техническое превосходство Франции. Хлеб во Франции в хлебородных провинциях столь же хорош и почти всегда имеет ту же цену, что и хлеб Англии, хотя по богатству и уровню техники Франция, наверное, стоит ниже Англии. А между тем поля Англии возделываются лучше полей Франции, а поля Франции, как утверждают, лучше возделываются, чем поля Польши. Хотя бедная страна, несмотря на худшую обработку земли, может в известной мере соперничать с богатой страной в отношении дешевизны и качества своего хлеба, но она не может претендовать на такую конкуренцию в отношении продуктов своих мануфактур, по крайней мере если последние соответствуют почвенным условиям, климату и географическому положению богатой страны. Шелка Франции лучше и дешевле шелков Англии, так как шелковая промышленность менее соот-

ветствует климату Англии, особенно при существующих ныне высоких ввозных пошлинах на шелк-сырец. Зато железные товары и грубые сукна Англии несравненно превосходят французские, а также много дешевле их при одинаковом качестве. В Польше, как сообщают, отсутствует какая бы то ни было промышленность, за исключением небольшой грубой домашней промышленности, без которой не может существовать ни одна страна.

Такое значительное увеличение количества работы, которое может выполнить в результате разделения труда одно и то же число рабочих, зависит от трех различных условий: во-первых, от увеличения ловкости каждого отдельного рабочего; во-вторых, от экономии времени, которое обыкновенно теряется на переход от одного вида труда к другому; и, наконец, от изобретения большого количества машин, облегчающих и сокращающих труд и позволяющих одному человеку выполнять работу нескольких.

I. Развитие ловкости рабочего обязательно увеличивает количество работы, которое он в состоянии выполнить, а разделение труда, сводя работу каждого рабочего к какой-нибудь простой операции и делая эту операцию единственным занятием всей его жизни, необходимо в значительной мере увеличивает ловкость рабочего. Обыкновенный кузнец, хотя и привычный к работе молотом, но никогда не выделывавший гвоздей, в случае поручения ему этой работы вряд ли окажется в состоянии, я в этом уверен, вы-

делать более 200 или 300 гвоздей в день, и притом очень плохих. Кузнец, привыкший изготавливать гвозди, но не занимавшийся исключительно или преимущественно этим делом, редко может при крайнем старании выделывать больше 800 или 1000 гвоздей в день. Я видел многих юношей, не достигших 20 лет, которые никогда не занимались другим делом, кроме выделки гвоздей, и которые при напряженном труде могли выделывать каждый свыше 2300 гвоздей в день. А между тем выделка гвоздей отнюдь не является одною из простейших операций. Один и тот же рабочий раздувает мехи, по мере нужды сгребает или разгребает жар, раскаливает железо и кует отдельно каждую часть гвоздя; притом при ковании шляпки ему приходится менять инструменты. Различные операции, на которые расчленяется работа по выделке булавки или металлической пуговицы, более просты, и ловкость рабочего, работа которого в течение всей жизни сводилась к этой операции, обыкновенно бывает значительно большей. Быстрота, с которой выполняются некоторые операции в этих мануфактурах, превосходит всякое вероятие, и кто не видел этого собственными глазами, не поверит, что рука человека может достигнуть такой ловкости.

II. Выгода, получаемая от экономии времени на переход от одного вида работы к другому, значительно больше, чем мы в состоянии с первого взгляда представить себе. Невозможно очень быстро переходить от одного вида работы к другому, поскольку она выполняется в другом месте и

иными инструментами. Деревенский ткач, обрабатывающий небольшую ферму, должен терять очень много времени на переход от своего станка в поле и с поля к станку. Когда две различные работы могут выполняться в одной и той же мастерской, потеря времени, несомненно, значительно меньше. Однако даже и в этом случае она весьма значительна. Рабочий обыкновенно делает небольшую передышку, переходя от одного вида работы к другому. Когда он принимается за новую работу, он редко проявляет сразу большое усердие и внимание; его голова, как выражаются, занята еще другим, некоторое время он смотрит по сторонам и не работает как следует. Привычка глазеть по сторонам и работать небрежно, естественно или, вернее, неизбежно приобретаемая каждым деревенским работником, который вынужден каждые полчаса менять работу и инструменты и ежедневно приноравливаться в течение всей своей жизни к двадцати различным занятиям, почти всегда делает его ленивым, нерадивым и неспособным к напряженному труду даже в случаях настоятельной необходимости. Независимо поэтому от недостатка у него ловкости, одна эта причина должна всегда значительно уменьшать количество труда, которое он способен выполнить.

III. Наконец, всем должно быть понятно, как облегчается и сокращается труд благодаря применению надлежащих машин. Нет необходимости приводить примеры. Должен только заметить, что изобретение всех машин, облег-

чающих и сокращающих труд, следует, по-видимому, приписывать разделению труда. Люди скорее открывают более легкие и быстрые способы для достижения какого-нибудь результата, когда все внимание их умственных способностей направлено к одной лишь определенной цели, чем когда оно рассеивается на большое количество разных предметов. Вследствие разделения труда все внимание каждого работника, естественно, направляется на какой-нибудь один очень простой предмет. Естественно поэтому ожидать, что кто-либо из тех, кто занят в каждой специальной операции, скорее откроет более легкий и быстрый способ выполнения своей специальной работы, поскольку ее характер допускает это. Значительная часть машин, употребляемых в тех мануфактурах, где проведено наибольшее разделение труда, была первоначально изобретена простыми рабочими. Те, кому приходилось часто посещать такие мануфактуры, должны были видеть весьма хорошие машины, изобретенные самими рабочими в целях ускорения и облегчения выполняемой ими специальной работы. К первым паровым машинам постоянно приставлялся подросток для того, чтобы попеременно открывать и закрывать сообщение между котлом и цилиндром в зависимости от приподнимания и опускания поршня. Один из этих мальчиков, любивший играть со своими товарищами, подметил, что, если привязать веревку от рукоятки клапана, открывающего это сообщение, к другой части машины, клапан будет открываться и закрываться без его

помощи и это позволит ему свободно забавляться с товарищами. Таким образом, одно из важнейших улучшений, сделанных в паровой машине с момента ее изобретения, было придумано подростком, который хотел сократить свой собственный труд.

Однако далеко не все усовершенствования машин явились изобретением тех, кому приходилось работать при машинах. Многие усовершенствования были произведены благодаря изобретательности машиностроителей, когда производство машин сделалось особой отраслью промышленности, а некоторые – теми, кого называют учеными, или теоретиками, профессия которых состоит не в изготовлении каких-либо предметов, а в наблюдении окружающего и которые в силу этого в состоянии комбинировать силы наиболее отдаленных друг от друга и несходных предметов. С прогрессом общества наука, или умозрение, становится, как и всякое другое занятие, главной или единственной профессией и занятием особого класса граждан. Подобно всякому иному занятию, она тоже распадается на большое число различных специальностей, из которых каждая доставляет занятие особому разряду или классу ученых; такое разделение занятий в науке, как и во всяком другом деле, увеличивает умение и сберегает время. Каждый отдельный работник становится более опытным и сведущим в своей специальности; в целом производится больше работы и значительно возрастают достижения науки. Получающееся в результате разде-

ления труда значительное увеличение производства всякого рода предметов приводит в обществе, надлежащим образом управляемом, к тому всеобщему благосостоянию, которое распространяется и на самые низшие слои народа. Каждый работник может располагать значительным количеством продуктов своего труда сверх того количества, которое необходимо для удовлетворения его собственных потребностей; и, поскольку все остальные работники находятся точно в таком же положении, он оказывается в состоянии обменивать большое количество своих продуктов на большое количество изготавливаемых ими продуктов, или, что то же самое, на цену этих продуктов. Он с избытком доставляет им то, в чем они нуждаются, а они в той же мере снабжают его тем, в чем он нуждается, и таким образом достигается общее благосостояние во всех слоях общества.

Присмотритесь к домашней обстановке большинства простых ремесленников или поденщиков в цивилизованной и богатеющей стране, и вы увидите, что невозможно даже перечислить количество людей, труд которых, хотя бы в малом размере, был затрачен на доставление всего необходимого им. Шерстяная куртка, например, которую носит поденный рабочий, как бы груба и проста она ни была, представляет собою продукт соединенного труда большого количества рабочих. Пастух, сортировщик, чесальщик шерсти, красильщик, прядильщик, ткач, ворсировщик, аппретурщик и многие другие – все должны соединить свои различные спе-

циальности, чтобы выработать даже такую грубую вещь. А сколько, кроме того, купцов и грузчиков должно было быть занято для доставки материалов от одних рабочих к другим, живущим часто в весьма отдаленных частях страны! Сколько нужно было торговых сделок и водных перевозок, сколько, в частности, нужно было судостроителей, матросов, выделывателей парусов, канатов, чтобы доставить различные материалы, употребляемые красильщиком и нередко привозимые из самых отдаленных концов земли! А какой разнообразный труд необходим для того, чтобы изготовить инструменты для этих рабочих! Не говоря уже о таких сложных машинах, как судно, валяльная мельница и даже станок ткача, подумаем только, какой разнообразный труд необходим для того, чтобы изготовить весьма простой инструмент – ножницы, которыми пастух стрижет шерсть. Рудокоп, строитель печи для руды, дровосек, угольщик, доставляющий древесный уголь для плавильной печи, изготовитель кирпича, каменщик, рабочий при плавильной печи, строитель завода, кузнец, ножовщик – все они должны соединить свои усилия, чтобы изготовить ножницы. Если мы таким же образом рассмотрим все различные предметы обстановки и одежды упомянутого простого ремесленника или поденщика – грубую холщовую рубаху, которую он носит на теле, обувь на его ногах, постель, на которой он спит, и все различные части ее в отдельности, плиту, на которой он приготавливает свою пищу, уголь, употребляемый им для этой цели, добытый из глубин

земли и доставленный ему, может быть, морем и затем по суше с далекого расстояния, всю остальную утварь его кухни, все предметы на его столе – ножи и вилки, глиняные и оловянные блюда, на которых он ест и режет свою пищу; если подумаем о всех рабочих руках, занятых изготовлением для него хлеба и пива, оконных стекол, пропускающих к нему солнечный свет и тепло, защищающих от ветра и дождя, если подумаем о всех знаниях и ремеслах, необходимых для изготовления этого прекрасного и благодетельного предмета, без которого эти северные страны света вряд ли могли бы служить удобным местом для жилья; об инструментах всех различных работников, занятых в производстве различных предметов необходимости и удобств; если мы рассмотрим все это, говорю я, и подумаем, какой разнообразный труд затрачен на все это, мы поймем, что без содействия и сотрудничества многих тысяч людей самый бедный обитатель цивилизованной страны не мог бы вести тот образ жизни, который он обычно ведет теперь и который мы неправильно считаем весьма простым и обыкновенным. Конечно, в сравнении с чрезвычайной роскошью богача его обстановка должна казаться крайне простой и обыкновенной, и тем не менее может оказаться, что обстановка европейского государя не всегда настолько превосходит обстановку трудолюбивого и бережливого крестьянина, насколько обстановка последнего превосходит обстановку многих африканских царьков, абсолютных владык жизни и свободы десятков тысяч нагих ди-

карей.

Глава II

О причине, вызывающей разделение труда

Разделение труда, приводящее к таким выгодам, отнюдь не является результатом чьей-либо мудрости, предвидевшей и осознавшей то общее благосостояние, которое будет порождено им: оно представляет собою последствие – хотя очень медленно и постепенно развивающееся – определенной склонности человеческой природы, которая отнюдь не имела в виду такой полезной цели, а именно склонности к торговле, к обмену одного предмета на другой.

В нашу задачу в настоящий момент не входит исследование того, является ли эта склонность одним из тех основных свойств человеческой природы, которым не может быть дано никакого дальнейшего объяснения, или, что представляется более вероятным, она является необходимым следствием способности рассуждать и дара речи. Эта склонность обща всем людям и, с другой стороны, не наблюдается ни у какого другого вида животных, которым, по-видимому, данный вид соглашений, как и все другие, совершенно неизвестен. Когда две гончие преследуют одного и того же зайца, иногда кажется, будто они действуют по какому-то соглашению. Каждая из них гонит его в сторону другой или старается перехватить,

когда другая гонит его к ней. Однако это отнюдь не результат какого-либо соглашения, а проявление случайного совпадения их страстей, направленных в данный момент в сторону одного и того же предмета. Никому не приходилось видеть, чтобы одна собака сознательно менялась костю с другой. Никому не приходилось видеть, чтобы какое-либо животное жестами или криком показывало другому: это – мое, то – твое, я отдам тебе одно в обмен на другое. Когда животное хочет получить что-либо от человека или другого животного, оно не знает других средств убеждения, чтобы снискать милость тех, от кого ожидает подачки. Щенок ласкается к своей матери, а болонка старается бесчисленными уловками привлечь внимание своего обедающего хозяина, когда хочет, чтобы он накормил ее. Человек иногда прибегает к таким же уловкам со своими ближними, и если у него нет другого средства побудить их действовать в соответствии с его желаниями, он пытается приобрести их расположение угодничеством и всяческой лестью. Однако у него не хватило бы времени действовать так во всех случаях. В цивилизованном обществе он непрерывно нуждается в содействии и сотрудничестве множества людей, между тем как в течение всей своей жизни он едва успевает приобрести дружбу нескольких лиц. Почти у всех других видов животных каждая особь, достигнув зрелости, становится совершенно независимой и в своем естественном состоянии не нуждается в помощи других живых существ; между тем человек постоянно нуждается

ся в помощи своих ближних, но тщетно было бы ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них. Всякий предлагающий другому сделку какого-либо рода предлагает сделать именно это. Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе, – таков смысл всякого подобного предложения. Именно таким путем мы получаем друг от друга значительно большую часть услуг, в которых мы нуждаемся. Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах. Никто не хочет зависеть главным образом от благоволения своих сограждан. Даже нищий не целиком зависит от него. Милосердие добрых людей снабжает его, правда, средствами, необходимыми для существования. Но, хотя этот источник в конечном счете дает ему все необходимое для жизни, он не снабжает и не может снабжать его непосредственно предметами жизненной необходимости в тот момент, когда нищий испытывает в них нужду. Большая часть его нужд удовлетворяется таким же способом, как и нужды других людей, а именно посредством договора, обмена, покупки. На деньги, которые нищий получает от других людей, он покупает пищу. Старое платье, которое ему дарят, он выменивает на другое, бо-

лее подходящее для него, или на жилище, пищу, наконец, на деньги, на которые он может купить пищу, одежду, снять помещение в зависимости от потребности.

Точно так же как посредством договора, обмена и покупки мы приобретаем друг от друга большую часть необходимых нам взаимных услуг, так и эта самая склонность к обмену породила первоначально и разделение труда. В охотничьем или пастушеском племени один человек выделяет, например, луки и стрелы с большей быстротой и ловкостью, чем кто-либо другой. Он часто выменивает их у своих соплеменников на скот или дичь; в конце концов он видит, что может таким путем получать больше скота и дичи, нежели охотой. Соображаясь со своей выгодой, он делает изготовление луков и стрел своим главным занятием и становится таким образом своего рода оружейником. Другой выделяется своим умением строить и покрывать крышей маленькие хижины или шалаши. Он привыкает помогать в этой работе своим соседям, которые вознаграждают его таким же способом – скотом и дичью, пока, наконец, он не признает выгодным для себя целиком отдаться этому занятию и сделаться своего рода плотником. Таким же путем третий становится кузнецом или медником, четвертый – кожевником или дубильщиком шкур и кож, главных частей одежды дикарей. И, таким образом, уверенность в возможности обменять весь тот излишек продукта своего труда, который превышает его собственное потребление, на ту часть продукта труда других

людей, в которой он может нуждаться, побуждает каждого человека посвятить себя определенному специальному занятию и развить до совершенства свои природные дарования в данной специальной области.

Различные люди отличаются друг от друга своими естественными способностями гораздо меньше, чем мы предполагаем, и само различие способностей, которыми отличаются они в своем зрелом возрасте, во многих случаях является не столько причиной, сколько следствием разделения труда. Различие между самыми несхожими характерами, между ученым и простым уличным носильщиком, например, создается, по-видимому, не столько природой, сколько привычкой, практикой и воспитанием. Во время своего появления на свет и в течение первых шести или восьми лет своей жизни они были очень похожи друг на друга, и ни их родители, ни сверстники не могли заметить сколько-нибудь заметного различия между ними. В этом возрасте или немного позже их начинают приучать к различным занятиям. И тогда становится заметным различие способностей, которое делается постепенно все больше, пока, наконец, тщеславие ученого отказывается признавать хотя бы и тень сходства между ними. Но не будь склонности к торгу и обмену, каждому человеку приходилось бы самому добывать для себя все необходимое для жизни. Всем приходилось бы выполнять одни и те же обязанности, производить одну и ту же работу, и не существовало бы тогда такого разнообразия занятий, кото-

рое и породило значительное различие в способностях.

Эта склонность к обмену не только создает различие способностей, столь заметное у людей различных профессий, она также делает его полезным. Многие породы животных, признаваемые принадлежащими к одному и тому же виду, отличаются от природы гораздо более резко выраженным несходством способностей, чем это наблюдается, по-видимому, у людей, пока они остаются свободными от воздействия привычки и воспитания. Ученый по своему уму и способностям и наполовину не отличается так от уличного носильщика, как дворовая собака от гончей, или гончая от болонки, или последняя от овчарки. Однако эти различные породы животных, хотя и принадлежащие все к одному виду, почти бесполезны друг для друга. Сила дворовой собаки ни в малейшей степени не дополняется ни быстротой гончей, ни понятливостью болонки, ни послушанием овчарки. Все эти различные способности и свойства, ввиду отсутствия способности или склонности к обмену и торгу, не могут быть использованы в общих целях и ни в какой мере не содействуют лучшему приспособлению и удобствам всего вида. Каждое животное, вынужденное заботиться о себе, защищать себя отдельно и независимо от других, не получает решительно никакой выгоды от разнообразных способностей, которыми природа наделила подобных ему животных. Напротив того, среди людей самые несходные дарования полезны одно другому; различные их продукты благодаря склонности к торгу

и обмену собираются как бы в одну общую массу, из которой каждый человек может купить себе любое количество произведений других людей, в которых он нуждается.

Глава III

Разделение труда ограничивается размерами рынка

Так как возможность обмена ведет к разделению труда, то степень последнего всегда должна ограничиваться пределами этой возможности, или, другими словами, размерами рынка. Когда рынок незначителен, ни у кого не может быть побуждения посвятить себя целиком какому-либо одному занятию ввиду невозможности обменять весь излишек продукта своего труда на необходимые продукты труда других людей.

Существуют профессии, даже самые простые, которыми можно заниматься только в большом городе. Носильщик, например, ни в каком другом месте не может найти себе занятие и прокормление. Деревня является слишком узким прищом для приложения его труда, даже город средней величины вряд ли достаточно велик для того, чтобы обеспечить ему постоянную работу. В уединенных фермах и маленьких деревушках, разбросанных в такой редконаселенной стране, как горная Шотландия, каждый фермер должен быть вместе с тем мясником, булочником и пивоваром для своей семьи. В таких условиях трудно встретить даже кузнеца, плотника или каменщика на расстоянии менее 20 миль от его собрата

по профессии. Семьи, живущие на расстоянии 8 или 10 миль друг от друга, вынуждены сами выполнять множество мелких работ, за выполнением которых в более населенных местностях они обратились бы к содействию этих ремесленников. Деревенские ремесленники почти повсеместно вынуждены заниматься самыми разнообразными промыслами, имеющими лишь то общее, что для них употребляются одинаковые материалы. Деревенский плотник выполняет всякого рода работу по дереву, деревенский кузнец выделывает все изделия из железа. Первый является не только плотником, но и столяром, краснодеревцем и даже резчиком по дереву, а также изготавливает колеса, телеги и плуги. Работа кузнеца еще более разнообразна. В отдаленных и внутренних частях горной Шотландии немыслима даже профессия гвоздаря. Такой рабочий при выработке в день 1 тыс. гвоздей и при 300 рабочих днях в году изготовит за год 300 тыс. гвоздей. Но в такой местности невозможно сбыть и 1 тыс. гвоздей в год.

Так как благодаря водному транспорту для всех видов труда открывается более обширный рынок, чем это мыслимо при существовании одного лишь сухопутного транспорта, то разделение труда и совершенствование всякого рода промыслов, естественно, вводятся впервые в приморских местностях и по берегам судоходных рек; часто эти улучшения спустя лишь долгое время проникают во внутренние части страны. Большой фургон, запряженный 8 лошадьми и при 2

работниках, в продолжение шести недель свезет из Лондона в Эдинбург и обратно около 4 тонн товара. Приблизительно за то же самое время парусное судно с экипажем в 6 или 8 человек, курсирующее между портами Лондона и Лейта, свезет туда и обратно 200 тонн товара. Таким образом, 6 или 8 человек при помощи водного транспорта могут свезти туда и обратно между Лондоном и Эдинбургом такое же количество товаров, какое свезут 50 больших фургонов при 100 рабочих и 400 лошадях. Следовательно, на 200 тонн товаров, перевозимых самым дешевым способом – сухим путем – из Лондона в Эдинбург, должны ложиться расходы по содержанию в течение трех недель 100 человек и 400 лошадей; к этому надо присоединить уменьшение стоимости лошадей – сумма, приблизительно равная содержанию их, равно как и 50 фургонов. Между тем на такое же количество товаров, перевозимых водою, приходится наложить только расход по содержанию 6 или 8 человек и стоимость снашивания судна вместимостью в 200 тонн плюс оплата большего риска, или разницы между морским и сухопутным страхованием. Поэтому, если бы между этими двумя пунктами не было иного сообщения, кроме сухопутного, и из одного из них можно было бы перевозить в другой только такие товары, цена которых весьма значительна в сравнении с их весом, эти пункты могли бы вести между собою лишь ничтожную торговлю по сравнению с тою, которая существует в настоящее время, и, следовательно, могли бы поощрять промыш-

ленность друг друга в значительно меньшей степени, чем ныне. При таких условиях или совсем не могла бы существовать какая бы то ни было торговля между различными частями света, или имела бы ничтожные размеры. Какие товары могли бы выдержать расходы по сухопутной перевозке между Лондоном и Калькуттой? И если бы даже нашлись столь дорогостоящие товары, чтобы выдержать такие расходы, то разве перевозка их через территории стольких варварских народов могла бы быть безопасна? Между тем эти два города в настоящее время ведут между собою очень значительную торговлю, и каждый из них, представляя рынок для другого, в большей мере поощряет промышленность последнего.

При таких преимуществах водного транспорта представляется естественным, что первые успехи ремесел и промышленности имели место там, где удобство сообщений открывало весь мир для сбыта продуктов всех видов труда, и что они всегда позднее начинали развиваться во внутренних областях страны. Последние в течение долгого времени не могут иметь для большей части своих товаров другого рынка, кроме прилегающих к ним местностей, отделяющих их от морского берега и больших судоходных рек. Размеры рынка поэтому в течение продолжительного времени должны соответствовать богатству и населению этих местностей, и потому рост их богатства всегда будет отставать от роста богатства упомянутых местностей. В наших североамериканских колониях плантации постоянно устраивались на берегу мо-

ря или по берегам судоходных рек и вряд ли где-нибудь простирались на значительное расстояние от них.

Народы, которые, согласно самым достоверным историческим источникам, представляются первыми носителями цивилизации, жили по берегам Средиземного моря. Это море, величайшее из известных на земле внутренних морей, не знающее ни приливов и отливов, ни волнений, кроме вызываемых ветром, благодаря спокойствию своей поверхности, а также обилию островов и близости окаймляющих его берегов чрезвычайно благоприятствовало зарождавшемуся мореплаванию в то отдаленное время, когда люди, не знавшие еще компаса, боялись терять из виду берег и вследствие слабого развития кораблестроения того времени не решались пускаться в бушующие волны океана. Проплыть геркулесовы столпы, т. е. выйти за Гибралтарский пролив в открытое море, долго считалось в древнем мире самым удивительным и опасным подвигом. Много прошло времени, пока финикийцы и карфагеняне, самые искусные мореплаватели и кораблестроители тех отдаленных времен, попытались сделать это, и еще долгое время только они предпринимали такие попытки.

Из всех стран по берегам Средиземного моря Египет, по видимому, первый занялся в сколько-нибудь значительных размерах земледелием и промышленностью и усовершенствовал их. Верхний Египет ни в одном месте не отделяется более чем на несколько миль от Нила, а в Нижнем Египте эта

великая река разветвляется на множество рукавов, которые при помощи несложных искусственных сооружений обеспечивали, по-видимому, водное сообщение не только между крупными городами, но и между всеми значительными сельскими поселениями и даже многими отдельными поместьями, как это в настоящее время имеет место по Рейну и Маасу в Голландии. Обширность и легкость этого внутреннего водного сообщения послужили, вероятно, одной из главных причин ранней цивилизации Египта.

Земледелие и промышленность развились, по-видимому, также в весьма глубокой древности в провинциях Бенгалии в Индии и в некоторых из восточных провинций Китая; впрочем, отдаленность этого времени не может быть установлена вполне достоверно для нас историческими источниками. В Бенгалии Ганг и ряд других больших рек разветвляются на множество судоходных рукавов, подобно Нилу в Египте. В восточных провинциях Китая несколько больших рек с их притоками тоже образуют много судоходных путей и, общаясь между собой, порождают внутреннее судоходство, еще более оживленное, чем по Нилу и Гангу или, пожалуй, по обоим вместе. Интересно, что ни древние египтяне, ни индусы, ни китайцы не поощряли внешней торговли, но свои большие богатства все они извлекали, по-видимому, из этого внутреннего судоходства.

Вся внутренняя часть Африки, часть Азии, которая отстоит далеко к северу от Черного и Каспийского морей, древняя

Скифия, современная Татария и Сибирь во все века находились, по-видимому, в таком же варварском и диком состоянии, в каком они находятся и в настоящее время. Единственным морем Татарию являлся Ледовитый океан, который не допускает судоходства; и хотя несколько величайших рек в мире протекает по этой стране, они находятся на слишком большом расстоянии друг от друга, чтобы по ним можно было поддерживать сношения и вести торговлю с большей частью страны. В Африке совсем не существует таких больших внутренних морей, как Балтийское и Адриатическое в Европе, Средиземное и Черное в Европе и Азии, и таких заливов, как Аравийский, Персидский, Индийский, Бенгальский и Сиамский в Азии, а потому внутренние области этого великого материка недоступны морской торговле, большие же реки Африки находятся слишком далеко друг от друга, чтобы делать возможным сколько-нибудь значительное внутреннее судоходство. Помимо того, торговля, которую может вести народ, пользуясь рекой, не имеющей большого числа притоков и рукавов и протекающей перед впадением в море по чужой территории, никогда не достигает очень значительных размеров, потому что всегда во власти народов, обладающих этой территорией, воспрепятствовать сообщению между истоками реки и морем. Судоходство по Дунаю приносит очень мало пользы различным государствам, через которые он протекает, – Баварии, Австрии и Венгрии – в сравнении с тем, что оно могло бы давать, если бы одно из этих госу-

дарств владело рекою на всем ее протяжении до впадения в Черное море.

Глава IV

О происхождении и употреблении денег

Как только повсеместно устанавливается разделение труда, лишь весьма малая доля потребностей каждого человека может быть удовлетворена продуктом его собственного труда. Значительно бóльшую часть их он удовлетворяет обменом того излишка продуктов своего труда, который остается после удовлетворения его потребностей, на излишки продукта труда других людей, в которых он нуждается.

Таким образом, каждый человек живет обменом или становится в известной мере торговцем, а само общество превращается, так сказать, в торговый союз.

Но, когда разделение труда только еще зарождалось, эта возможность обмена часто встречала очень большие затруднения. Предположим, что один человек обладал большим количеством определенного продукта, чем сам нуждался в нем, тогда как другой испытывал в нем недостаток. Поэтому первый охотно отдал бы часть этого излишка, а второй охотно приобрел бы его. Но если последний в данный момент не имел бы ничего такого, в чем нуждается первый, то между ними не могло бы произойти никакого обмена. Мясник имеет в своей лавке больше мяса, чем сам может потре-

бить, а пивовар и булочник охотно купили бы каждый часть этого мяса; они не могут ничего предложить ему в обмен, кроме различных продуктов их собственного промысла, но мясник уже запасся тем количеством хлеба и пива, которое ему нужно на ближайшее время. В таком случае между ними не может состояться обмен. Мясник не может явиться поставщиком пивовара и булочника, а они – его потребителями; и, таким образом, они все ничем не могут служить друг другу. В целях избежания таких неудобных положений каждый разумный человек на любой ступени развития общества после появления разделения труда, естественно, должен был стараться так устроить свои дела, чтобы постоянно наряду с особыми продуктами своего собственного промысла иметь некоторое количество такого товара, который, по его мнению, никто не откажется взять в обмен на продукты своего промысла.

Надо думать, что самые различные товары выбирались и употреблялись последовательно для этой цели. В варварском состоянии общества таким общим орудием обмена, как говорят, был скот; и хотя он был весьма неудобен для этой цели, однако мы находим, что в древние времена предметы часто оценивались по тому количеству скота, которое давалось в обмен на них. Вооружение Диомеда, как говорит Гомер, стоило только 9 быков, а вооружение Главка стоило 100 быков. Как передают, в Абиссинии обычным средством торговли и обмена служит соль; на берегах Индии таким средством слу-

жат раковины особого вида, в Нью-Фаундленде – сушеная треска, в Виргинии – табак, в некоторых наших вест-индских колониях – сахар, в некоторых других странах – шкуры или выделанная кожа, и, как мне рассказывали, в настоящее время в Шотландии существует деревня, где рабочий нередко вместо денег приносит в булочную или пивную гвозди.

Однако во всех странах люди, по-видимому, в силу бесспорных доводов сочли, в конце концов, необходимым дать предпочтение для этой цели металлам по сравнению со всеми другими предметами. Металлы не только можно сохранять с наименьшею потерей, ибо вряд ли какие-нибудь другие предметы обладают большею прочностью по сравнению с ними, но их можно также делить без всяких потерь на любое количество частей, которые потом опять могут быть легко сплавлены в один кусок; этим качеством не обладает никакой другой продукт, отличающийся такою же прочностью, и именно оно, больше чем какое-нибудь другое, делает их пригодными служить орудием обмена и обращения. Например, человек, которому нужно было купить соль и который в обмен на нее мог дать только скот, вынужден был купить соль в количестве, равном цене целого быка или целой овцы. Он редко мог купить меньше этого количества, потому что то, что он мог отдать за нее, редко можно было разделить на части без убытка; а если ему хотелось купить больше, то в силу той же причины он вынужден был покупать двойное или тройное количество, т. е. на стоимость двух или трех бы-

ков или двух или трех овец. Если же вместо овцы или быка он мог дать в обмен за соль металл, он легко мог отделить количество металла, точно соответствующее количеству того товара, в котором он в данный момент нуждался.

Различные народы пользовались для этой цели различными металлами. Древние спартанцы употребляли в качестве средства обмена железо, древние римляне пользовались для этого медью; золотом и серебром пользовались все богатые и торговые народы.

Первоначально, по-видимому, металлы употреблялись для этой цели в слитках, а не в монете. Так, Плиний⁸⁷ рассказывает нам, ссылаясь на свидетельство Тимея, что до Сервия Туллия римляне не имели чеканной монеты, а для покупки нужных им предметов пользовались слитками меди без всякого чекана. Таким образом, эти неоформленные слитки металла в то время выполняли функцию денег.

Пользование такими слитками металла сопровождалось двумя очень значительными неудобствами: во-первых, трудностью взвешивать металл и, во-вторых, трудностью определения их пробы. По отношению к драгоценным металлам, когда даже ничтожная разница в количестве обуславливает громадную разницу в их стоимости, самое взвешивание с надлежащей точностью требует по крайней мере очень точных весов и гирь. Взвешивание золота в особенности представляет собою очень кропотливую и тонкую операцию. Ко-

⁸⁷ *Plin. Hist. Nat. lib, cap. 3.*

нечно, с более грубыми металлами, когда небольшая ошибка не имеет большого значения, требуется меньшая точность. Однако мы нашли бы в высшей степени неудобным, если бы бедный человек, собирающийся купить или продать что-нибудь на мелкую монету, должен был каждый раз отвешивать надлежащее количество металла. Операция удостоверения чистоты металла еще более затруднительна, требует еще большей кропотливости, и если металл не расплавлен надлежащим образом в тигле и не обработан надлежащими кислотами, всякое определение пробы его будет в высшей степени неточно. До введения чеканной монеты люди всегда должны были подвергаться самым грубым обманам и надувательствам. Вместо фунта чистого серебра или чистой меди они могли получать в обмен на свои товары подделанный сплав из самых грубых и дешевых материалов, которые, однако, по внешнему виду походили на эти металлы. Для предотвращения таких злоупотреблений, для облегчения обмена и содействия таким образом развитию всех видов промышленности и торговли во всех более или менее развитых странах было сочтено необходимым отмечать публичным клеймом определенные количества тех металлов, которые в этих странах обычно употреблялись при покупке товаров. Так возникли чеканная монета и те государственные учреждения, которые получили название монетных дворов. Они имеют совершенно такой же характер, как и учреждения, созданные для надзора за правильностью мер и для клеймения сукон и поло-

тен. Все эти учреждения имеют одну и ту же задачу – удостоверить наложением публичных клейм количество и установленное качество различных товаров, поступающих на рынок.

Первые публичные клейма такого рода, которые накладывались на находившиеся в обращении металлы, во многих случаях, по-видимому, имели в виду удостоверить то, что было труднее и важнее всего, а именно – доброкачественность или чистоту металла; они походили на пробу, которой в настоящее время клеймятся слитки серебра и серебряная посуда, или на испанскую пробу, которая иногда накладывалась на слитки золота и которая, будучи наложена только на одну сторону слитка, не покрывая всю его поверхность, удостоверяет только чистоту металла, а не его вес. Авраам отвесил Ефрону четыреста сиклей серебра, которые обещал заплатить за Махпельское поле. Хотя сикли, по-видимому, были ходячей монетой в торговле, однако они принимались по весу, а не по счету, точно так же, как слитки золота и серебра в настоящее время. Как передают, доходы древних саксонских королей Англии получались ими не в монете, а натурой, т. е. всякого рода съестными и другими припасами. Вильгельм Завоеватель установил обычай уплачивать эти доходы монетой. Однако она в течение долгого времени принималась в казначействе по весу, а не по счету.

Неудобства и затруднения, связанные с точным взвешиванием этих металлов, повели к установлению чекана монет, причем клейма, целиком покрывающие обе стороны монеты,

а иногда также ее ребра, должны были удостоверить не только чистоту, но и вес металла. Поэтому такие монеты принимались, как и в настоящее время, по счету, без взвешивания их.

Названия этих монет первоначально, по-видимому, выражали вес или количество металла, содержащегося в них. Во времена Сервия Туллия, который первый стал чеканить в Риме монету, римский асс, или пондо, содержал римский фунт чистой меди. Подобно нашему тройскому фунту, он подразделялся на 12 унций, из которых каждая содержала унцию чистой меди. Во времена Эдуарда I английский фунт стерлингов содержал фунт серебра (по тауэрскому весу) установленной пробы. Тауэрский фунт, по-видимому, был несколько больше римского фунта и несколько меньше тройского фунта⁸⁸. Последний был введен в английском монетном дворе только на 18-м году царствования Генриха VIII. Французский ливр во времена Карла Великого содержал тройский фунт серебра установленной пробы. Ярмарка в Труа в Шампани в это время посещалась всеми народа-

⁸⁸ Смит отличает тройский фунт (Troyes pound) от тауэрского фунта (Tower pound). Под тройским фунтом понимается известная мера веса, употребляемая до сих пор при взвешивании золота и серебра. Что касается термина Tower pound, то русский переводчик Смита П.А. Бибиков (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. СПб., 1866), по образцу французского перевода, передал его как «турский фунт». На самом же деле Смит, по-видимому, имеет в виду весовую единицу, употреблявшуюся в то время на монетном дворе в Тауэре, откуда и название тауэрский фунт. Ср. *Rogers. History of agriculture and prices in England. Vol. I. 1866. P. 173.*

ми Европы, и потому меры и весы столь известной ярмарки были всюду известны и всеми признавались. Шотландская монета в фунт со времени Александра I до Роберта Брюса содержала фунт серебра того же веса и пробы, как и английский фунт стерлингов. Английские, французские и шотландские пенни содержали тоже первоначально действительный пенс серебра, т. е. одну двадцатую часть унции, или $1/240$ часть фунта. Шиллинг тоже первоначально, по-видимому, обозначал вес. Когда пшеница стоит 12 шилл. за квартал, говорит старинный статут Генриха III, пшеничный хлеб ценою в один фартинг должен весить 11 шилл. и 4 п. Однако соотношение между шиллингом и пенни, с одной стороны, и фунтом, с другой стороны, не было, вероятно, так постоянно и единообразно, как соотношение между пенни и фунтом. Во время первой династии французских королей французское су, или шиллинг, в различных случаях содержал, по-видимому, 5, 12, 20 и 40 п. У древних саксов шиллинг одно время содержал только 5 пенсов; и представляется вероятным, что он был у них столь же неустойчив, как и у их соседей, древних франков. Со времени Карла Великого у французов и со времени Вильгельма Завоевателя у англичан соотношения между фунтом, шиллингом и пенни установились, по-видимому, такие же, как и в настоящее время, хотя стоимость их была совсем другая. Ибо во всех странах мира, как я полагаю, скупость и несправедливость государей и государственной власти, злоупотреблявших дове-

рием своих подданных, постепенно уменьшили действительное содержание металла, первоначально содержавшееся в их монетах. Римский асс в последние времена республики был уменьшен до $1/24$ части своей первоначальной стоимости и стал весить только пол-унции вместо фунта. Английский фунт и пенни содержат в настоящее время только около трети, шотландские фунт и пенни – около $1/36$, а французские фунт и пенни – около $1/66$ части своей первоначальной стоимости. Посредством таких операций государи и правительства получали, как казалось, возможность уплачивать свои долги и выполнять свои обязательства при помощи меньшего количества серебра, чем требовалось бы без такой подделки. Однако это была только видимость, ибо их кредиторы фактически оказывались обманутыми и лишались части того, что им следовало получить. Все другие должники в государстве получали такую же привилегию и могли теперь погашать долги, сделанные ими в старой монете, такой же номинальной суммой новой и испорченной монеты. Поэтому подобные операции всегда оказывались выгодными для должников и разорительными для кредиторов; нередко они производили более значительные расстройств и всеобщие потрясения в имущественном состоянии частных лиц, чем потрясения, порождаемые великими общественными бедствиями.

Таким образом, у всех цивилизованных народов деньги стали всеобщим орудием торговли, при посредстве которого

продаются и покупаются всякого рода товары или же обмениваются один на другой.

Теперь я приступлю к выяснению правил, согласно которым люди обменивают товары друг на друга или за деньги. Эти правила определяют так называемую относительную, или меновую, стоимость товара.

Надо заметить, что слово *стоимость* имеет два различных значения: иногда оно обозначает полезность какого-нибудь предмета, а иногда возможность приобретения других предметов, которую дает обладание данным предметом. Первую можно назвать потребительной стоимостью, вторую – меновой стоимостью. Предметы, обладающие весьма большой потребительной стоимостью, часто имеют совсем небольшую меновую стоимость или даже совсем ее не имеют; напротив, предметы, имеющие очень большую меновую стоимость, часто имеют совсем небольшую потребительную или совсем ее не имеют. Нет ничего полезнее воды, но на нее почти ничего нельзя купить, почти ничего нельзя получить в обмен на нее. Напротив, алмаз почти не имеет никакой потребительной стоимости, но часто в обмен на него можно получить очень большое количество других товаров.

Для выяснения основных правил, определяющих меновую стоимость товаров, я попытаюсь показать:

во-первых, каково действительное мерило этой меновой стоимости, или в чем состоит действительная цена всех товаров;

во-вторых, из каких частей состоит эта действительная цена;

и, наконец, какие причины повышают иногда некоторые или все части этой цены над ее естественным или обычным уровнем, а иногда понижают ее ниже этого уровня; или какие причины иногда препятствуют точному совпадению рыночной цены, т. е. фактической цены товаров, с их естественной ценой.

Эти три вопроса я попытаюсь выяснить со всей возможной полнотой и ясностью в трех последующих главах, причем должен весьма серьезно просить у читателя внимания и терпения: терпения – для рассмотрения подробностей, которые могут в некоторых местах показаться, может быть, излишне утомительными; внимания – для усвоения того, что может показаться в некоторой степени неясным даже после самых обстоятельных объяснений, какие я в состоянии дать. Я всегда предпочитаю заслужить упрек в недостатке краткости, лишь бы быть уверенным, что мое изложение понятно; однако, несмотря на все мое старание быть возможно более понятным, вопрос все же может показаться недостаточно разъясненным ввиду его чрезвычайно абстрактного характера.

Глава V

О действительной и номинальной цене товаров, или О цене их в труде и цене их в деньгах

Каждый человек богат или беден в зависимости от того, в какой степени он может пользоваться предметами необходимости, удобства и удовольствия. Но после того как установилось разделение труда, собственным трудом человек может добывать лишь очень небольшую часть этих предметов: значительно ббльшую часть их он должен получать от труда других людей; и он будет богат или беден в зависимости от количества того труда, которым он может распоряжаться или которое он может купить. Поэтому стоимость всякого товара для лица, которое обладает им и имеет в виду не использовать его или лично потребить, а обменять на другие предметы, равна количеству труда, которое он может купить на него или получить в свое распоряжение. Таким образом, труд представляет собою действительное мерило меновой стоимости всех товаров.

Действительная цена всякого предмета, т. е. то, что каждый предмет действительно стоит тому, кто хочет приобрести его, есть труд и усилия, нужные для приобретения этого предмета. Действительная стоимость всякого предмета для

человека, который приобрел его и который хочет продать его или обменять на какой-либо другой предмет, состоит в труде и усилиях, от которых он может избавиться себя и которые он может возложить на других людей. То, что покупается на деньги или приобретается в обмен на другие предметы, приобретается трудом в такой же мере, как и предметы, приобретаемые нашим собственным трудом. В самом деле, эти деньги или товары сберегают нам этот труд. Они содержат стоимость известного количества труда, которое мы обмениваем на то, что, по нашему предположению, содержит в данное время стоимость такого же количества труда. Труд был первоначальной ценой, первоначальной покупной суммой, которая была уплачена за все предметы. Не на золото или серебро, а только на труд первоначально были приобретены все богатства мира; стоимость их для тех, кто владеет ими и кто хочет обменять их на какие-либо новые продукты, в точности равна количеству труда, которое он может купить на них или получить в свое распоряжение.

Как говорит Гоббс, богатство – это сила⁸⁹. Но человек, который приобретает или получает по наследству большое состояние, необязательно приобретает вместе с ним или наследует политическую, гражданскую или военную власть. Его состояние, может быть, дает ему средства приобрести ту или другую, но одно лишь обладание этим состоянием не дает ему непременно такую власть. Обладание этим состоянием

⁸⁹ «Leviathan», part. I, ch. 10.

дает ему немедленно и непосредственно лишь возможность покупать, располагать всем трудом или всем продуктом труда, который имеется на рынке. Богатство его более или менее велико в прямом соответствии с размерами этой возможности, т. е. с количеством труда других людей, или, что то же самое, с количеством продукта труда других людей, которое он благодаря своему богатству может купить или получить в свое распоряжение. Меновая стоимость всякого предмета должна быть всегда в точности равна размеру той власти, которую данный предмет дает своему обладателю.

Однако, хотя труд является действительным мерилom меновой стоимости всех товаров, стоимость их обычно расценивается не в труде. Часто бывает трудно установить отношение между двумя различными количествами труда. Время, затраченное на две различные работы, не всегда само по себе определяет это взаимоотношение. В расчет должна быть принята также различная степень затраченных усилий и необходимого искусства. Один час какой-нибудь тяжелой работы может заключать в себе больше труда, чем два часа легкой работы; точно так же один час занятия таким ремеслом, обучение которому потребовало десять лет труда, может содержать в себе больше труда, чем работа в течение месяца в каком-нибудь обычном занятии, не требующем обучения. Не легко найти точное мерило для определения степени трудности или ловкости. Правда, обычно при обмене продуктов различных видов труда принимается во внима-

ние степень трудности и ловкости. Однако при этом не имеется никакого точного мерил, и дело решает рыночная конкуренция в соответствии с той грубой справедливостью, которая, не будучи вполне точной, достаточна все же для обычных житейских дел.

Помимо того, товары гораздо чаще обмениваются, а потому и сравниваются с другими товарами, чем с трудом. Поэтому более естественным является расценивать их меновую стоимость количеством какого-нибудь другого товара, а не количеством труда, которое можно на них купить. К тому же большинство людей лучше понимает, что означает определенное количество какого-нибудь товара, чем определенное количество труда. Первое представляет собою осязательный предмет, тогда как второе – абстрактное понятие, которое хотя и может быть объяснено, но не отличается такую простотою и очевидностью.

С тех пор как прекратилась меновая торговля и деньги сделались общепринятым средством торговли, каждый отдельный товар гораздо чаще обменивается на деньги, чем на какой бы то ни было другой товар. Мясник редко тащит своего быка или барана к булочнику или пивовару для того, чтобы обменять их на хлеб или на пиво; он отправляется с ними на рынок, где выменивает их на деньги, а затем обменивает эти деньги на хлеб и на пиво. Количество денег, которое он получает за них, определяет в свою очередь количество хлеба и пива, которое он может затем купить. Поэтому для него

гораздо естественнее и проще расценивать их стоимость по количеству денег – товара, на который он непосредственно выменивает их, чем по количеству хлеба и пива – товаров, на которые он может обменивать их только при посредстве третьего товара. Проще сказать, что мясо стоит три или четыре пенса за фунт, чем сказать, что оно стоит три или четыре фунта хлеба или три или четыре кварты пива. В результате этого меновая стоимость каждого товара чаще расценивается по количеству денег, чем по количеству труда или какого-нибудь другого товара, которое можно получить в обмен на него.

Однако, подобно всем другим товарам, золото и серебро меняются в своей стоимости: они бывают то дешевле, то дороже, их то легче, то труднее купить. Количество труда, которое можно получить в свое распоряжение или купить на определенное количество этих металлов, или количество других товаров, которое можно выменять на них, всегда находится в зависимости от обилия или скудости разрабатываемых в данное время рудников. В XVI столетии открытие богатых рудников в Америке уменьшило в Европе стоимость золота и серебра приблизительно на целую треть. Так как добыча этих металлов из рудников и доставка их на рынок стоили теперь меньшего труда, то, попадая на рынок, золото и серебро могли уже купить меньшее количество труда. И эта, пожалуй, величайшая революция в стоимости золота и серебра отнюдь не единственная известная в истории.

Подобно тому как естественные меры, вроде ступни, локтя или горсти, постоянно меняющиеся в своих размерах, никогда не могут служить точным мерилom количества других предметов, так и товар, который сам постоянно подвергается колебаниям в своей стоимости, никоим образом не может быть точным мерилom стоимости других товаров. Можно сказать, что во все времена и во всех местах одинаковые количества труда имели всегда одинаковую стоимость для рабочего. При обычном состоянии своего здоровья, силы и способностей, при обычной степени искусства и ловкости он всегда должен пожертвовать той же самой долей своего досуга, своей свободы и спокойствия. Цена, которую он уплачивает, всегда остается неизменной, каково бы ни было количество товаров, которое он получает в обмен за свой труд. Правда, он может иногда купить большее количество этих товаров, иногда меньшее, но в данном случае изменяется стоимость этих товаров, а не стоимость труда, на который они покупаются. Во все времена и повсюду дорогим считалось то, что трудно достать или на приобретение чего требуется больше труда, а дешевым то, что легче достать или что требует затраты меньшего количества труда. Таким образом, один лишь труд, стоимость которого никогда не меняется, является единственным и действительным мерилom, при помощи которого во все времена и во всех местах можно было расценивать и сравнивать стоимость всех товаров. Именно труд составляет их действительную цену, а деньги составля-

ют лишь их номинальную цену.

Но хотя равные количества труда имеют всегда одинаковую стоимость для работника, однако для его нанимателя они представляют собою то бóльшую, то меньшую стоимость. Он покупает эти количества труда то за большее, то за меньшее количество товаров, и ему представляется, что цена труда меняется так же, как и цена всех других предметов. В одних случаях она кажется ему дорогой, а в других дешевой. Но в действительности именно товары дешевы в одном случае и дороги в другом.

Таким образом, в этом обычном смысле можно говорить, что труд, подобно товарам, обладает действительной и номинальной ценой. Можно сказать, что его действительная цена состоит в количестве предметов необходимости и удобства, которые даются за него, а номинальная цена состоит в количестве денег. Рабочий бывает богат или беден, он хорошо или плохо вознаграждается в зависимости от действительной, а не номинальной цены его труда.

Различие между действительной и номинальной ценой товаров и труда имеет не только чисто теоретическое значение, но нередко имеет и важное практическое значение. Одна и та же действительная цена всегда имеет одну и ту же стоимость, но ввиду колебания стоимости золота и серебра одна и та же номинальная цена может иметь весьма различные стоимости. Поэтому если продается какое-нибудь имение с обеспечением продавцу постоянной ренты, то при желании,

чтобы эта рента всегда сохраняла одну и ту же стоимость, для семейства, в пользу которого устанавливается эта рента, важно, чтобы она не была выражена в какой-либо определенной сумме денег. Действительно, в таком случае стоимость этой ренты подвергалась бы двоякого рода колебаниям: во-первых, тем, которые обуславливаются колебаниями количества золота и серебра, содержащегося в различные эпохи в монете одного и того же наименования; и, во-вторых, тем, которые обуславливаются различием стоимости одинаковых количеств золота и серебра в разное время.

Государи и правительства нередко воображали, что в данный момент им выгодно уменьшить количество чистого металла, содержащегося в их монете, но им редко приходило в голову увеличивать его. Я поэтому думаю, что количество металла, содержащегося в монетах всех народов, почти непрерывно уменьшалось и вряд ли когда-нибудь увеличивалось. Такие изменения почти всегда ведут к уменьшению стоимости денежных рент.

Открытие рудников в Америке уменьшило стоимость золота и серебра в Европе. Как обыкновенно полагают, – хотя, думается мне, бездоказательно, – это уменьшение все еще постепенно продолжается и как будто будет продолжаться еще в течение значительного времени. Если это верно, то такие изменения в стоимости золота и серебра скорее уменьшат стоимость денежных рент, чем увеличат их, даже если плата их будет выговорена не в определенном количестве

монет того или другого наименования (например, столько-то фунтов стерлингов), а в определенном количестве унций чистого серебра или серебра определенной пробы.

Ренты, установленные в зерне, гораздо лучше сохранили свою стоимость, чем ренты, установленные в деньгах, даже если чеканка монеты не изменилась. В 18-й год правления Елизаветы было издано распоряжение, чтобы третья часть ренты по арендным договорам, заключаемым университетскими коллегиями, устанавливалась в зерне и выплачивалась либо натурой, либо соответственно фактической цене зерна на ближайшем рынке. Деньги от реализации этой натуральной доли ренты и первоначально составлявшие лишь третью часть всей ренты, в настоящее время, по словам д-ра Блэкстона, обычно вдвое больше той суммы, которая получается от остальных двух третей. Соответственно этому сообщению старинные денежные ренты университетских коллегий уменьшились до четвертой части своей прежней стоимости или стоят немного больше четвертой части того количества зерна, которому они раньше равнялись по стоимости. Но со времени правления Филиппа и Марии качество английской монеты подверглось небольшим изменениям, а может быть, и совсем не изменялось, и потому одно и то же количество фунтов, шиллингов и пенсов содержало все время почти неизменное количество чистого серебра. Таким образом, это уменьшение стоимости денежных рент университетских коллегий обусловлено исключительно уменьшением

стоимости серебра.

Когда уменьшение стоимости серебра соединяется с уменьшением количества его, содержащегося в монете одного и того же наименования, потери часто бывают еще больше. В Шотландии, где ухудшение монеты имело место в гораздо бóльших размерах, чем когда бы то ни было в Англии, и во Франции, где оно производилось в еще бóльших размерах, чем даже в Шотландии, некоторые старинные ренты, первоначально имевшие значительную стоимость, свелись, таким образом, почти к нулю.

В отдаленные друг от друга эпохи одинаковые количества труда можно скорее приобрести за одинаковые количества хлеба – этого главного средства существования рабочего, чем за равные количества золота и серебра или вообще какого-либо другого товара. Ввиду этого равные количества зерна скорее сохранят в отдаленные друг от друга эпохи одну и ту же действительную стоимость или будут давать возможность его обладателю купить или получить в свое распоряжение приблизительно то же самое количество труда других людей. Я говорю, что хлеб «скорее» сохранит свою стоимость, чем почти все другие товары, так как даже равные количества хлеба тоже не сохраняют вполне одну и ту же стоимость. Средства существования труда, или действительная цена труда, как я постараюсь показать в дальнейшем, подвергаются значительным изменениям в зависимости от различных обстоятельств; их размеры бывают более значительны в

обществе, прогрессирующем на пути к богатству, чем в обществе, которое не прогрессирует, а в этом последнем значительнее, чем в обществе, клонящемся к упадку. Но любой другой товар будет обмениваться во всякое время на большее или меньшее количество труда в зависимости от количества необходимых средств существования, на которые он в данное время может быть обменен. Поэтому рента, установленная в зерне, изменяется только соответственно изменениям количества труда, которое можно купить за определенное количество зерна, тогда как рента, установленная во всяком другом товаре, меняется не только в зависимости от колебаний количества труда, которое можно купить за определенное количество зерна, но и в зависимости от колебаний количества зерна, которое можно приобрести в обмен за определенное количество данного товара.

При этом следует заметить, что хотя действительная стоимость ренты в зерне гораздо меньше изменяется на протяжении целого столетия, чем действительная стоимость денежной ренты, но из года в год она колеблется гораздо сильнее. Денежная цена труда, как я постараюсь ниже показать, не колеблется из года в год соответственно изменениям денежной цены зерна, а, по-видимому, везде приспособляется не к временной или случайной, а к средней или обычной цене этого необходимого средства существования. Средняя же или обычная цена зерна в свою очередь определяется, как я тоже постараюсь еще показать, стоимостью серебра, богат-

ством или скудостью рудников, снабжающих рынок этим металлом, или количеством труда, который должен быть затрачен, а следовательно, и количеством зерна, которое должно быть потреблено, чтобы доставить определенное количество серебра из рудников на рынок. Стоимость серебра, хотя очень сильно колеблется на протяжении целого столетия, редко подвергается большим изменениям из года в год; нередко она держится на одном и том же уровне или незначительно изменяется в течение целого полувека или даже целого столетия. Поэтому обычная или средняя денежная цена зерна может оставаться неизменной в течение столь долгого периода или же изменяться незначительно, а вместе с ней остается неизменной или изменяется незначительно денежная цена труда при том условии, конечно, что в других отношениях в обществе не имели места никакие серьезные перемены. Между тем временная и случайная цена хлеба часто может быть в одном году в два раза больше, чем в предыдущем, или колебаться, например, от 25 до 50 шилл. за квартал. Но когда хлеб имеет эту последнюю цену, то не только номинальная, но и действительная стоимость ренты в зерне будет в два раза больше, чем при цене в 25 шилл., и будет обмениваться на двойное количество труда или большинства других товаров; денежная же цена труда, а вместе с ним и большинства других вещей останется неизменной, несмотря на эти колебания.

Таким образом, очевидно, что труд является единствен-

ным всеобщим, равно как и единственным точным мерилom стоимости, или единственной мерой, посредством которой мы можем сравнивать между собою стоимости различных товаров во все времена и во всех местах. Как уже было указано, мы не можем определять действительную стоимость различных товаров от одного столетия к другому количествами серебра, которые даются за них. Мы не можем определять ее от одного года к другому количествами хлеба. Но количествами труда мы можем с величайшей точностью определять ее как от столетия к столетию, так и от одного года к другому. Для очень продолжительных периодов времени хлеб представляет собою лучшее мерило, чем серебро, потому что от столетия к столетию одинаковые количества хлеба обмениваются скорее на то же количество труда, нежели серебра. Напротив, от одного года к другому серебро представляется лучшим мерилom, чем хлеб, потому что одинаковые количества серебра скорее могут быть обменены на одинаковое количество труда.

Хотя при установлении вечных рент или даже при весьма долгосрочных арендах, может быть, и полезно делать различия между реальной и номинальной ценой, но оно не имеет практического значения при покупках и продажах, этих наиболее распространенных и обычных сделках в человеческой жизни.

В данное время и в данном месте действительная и номинальная цена всех товаров точно соответствует одна дру-

гой. Чем больше или меньше денег вы получите, например, на лондонском рынке за какой-либо товар, тем большее или меньшее количество труда вы сможете приобрести на них в данное время и в данном месте. Поэтому в определенное время и в определенном месте деньги представляют собою точное мерило действительной меновой стоимости всех товаров, но только в определенное время и в определенном месте.

Поскольку речь идет о различных местах, не существует правильного соответствия между действительной и денежной ценой товаров. Несмотря на это, купец, доставляющий товары из [одних] мест в другие, может принимать во внимание только их денежную цену или разницу между количеством серебра, за которое он покупает их, и тем количеством, за которое он может их продать. Пол-унции серебра в Кантоне в Китае может означать большее количество как труда, так и средств существования и удобств, чем одна унция в Лондоне. Поэтому товар, который в Кантоне продается за пол-унции серебра, может быть в действительности там дороже или иметь большее действительное значение для человека, который обладает им, чем товар, который продается в Лондоне за одну унцию, для человека, обладающего им в Лондоне. Однако, если лондонский купец может купить в Кантоне за пол-унции серебра товар, который он может затем продать в Лондоне за одну унцию, он наживает 100 % на этой сделке, как и в том случае, если бы унция серебра име-

ла в Лондоне ту же стоимость, что и в Кантоне. Для него не имеет значения тот факт, что пол-унции серебра в Кантоне дали бы ему возможность получить больше труда или большее количество средств существования и удобств, чем одна унция может доставить ему в Лондоне. Одна унция в Лондоне всегда дает ему возможность приобретения двойного количества всего того, что можно приобрести на пол-унции, а в этом именно для него заключается сущность дела.

Поэтому номинальная, или денежная, цена товаров в конечном счете определяет разумность или неразумность всех торговых сделок и таким образом регулирует почти все дела обыденной жизни, связанные с ценой, нам не приходится удивляться, что на денежную цену люди обращали гораздо большее внимание, чем на действительную цену.

Но в сочинениях, подобных настоящему, иногда бесполезно сравнивать колебания действительных цен какого-нибудь одного товара в различное время и в различных местах, т. е. различные степени власти над трудом других людей, которую этот товар при различных условиях дает лицу, им обладающему. В подобном случае мы должны сравнивать не столько различные количества серебра, за которые этот товар обыкновенно продавался, сколько различные количества труда, которые могли быть куплены на эти количества серебра. Но рыночная цена труда в отдаленное время и в отдаленных местах вряд ли может быть установлена с какой-либо точностью. Цены хлеба, хотя они регулярно отмечались

лишь в немногих местах, обыкновенно лучше известны и чаще отмечались историками и писателями. Мы поэтому должны по общему правилу удовлетворяться ценами хлеба, и не потому, что они всегда точно соответствуют рыночным ценам труда, а потому, что они ближе всего к ним. В дальнейшем мне не раз придется делать такого рода сравнения.

По мере развития промышленности торговые народы находили удобным чеканить монету из различных металлов; золотую монету чеканили для более крупных платежей, серебряную – для покупок средних размеров и медную или из какого-либо другого грубого металла – для совсем небольших покупок. Однако эти народы всегда признавали один из этих металлов более подходящим мерилom стоимости, чем другие два; такое предпочтение, по-видимому, обычно давалось тому металлу, который впервые стали употреблять в качестве орудия обмена. Раз начав пользоваться им в качестве мерилa, – а это они вынуждены были делать в те времена, когда у них не было других денег, – они обыкновенно продолжали пользоваться им, когда в этом уже не было необходимости.

Говорят, что римляне имели лишь одни медные деньги почти до первой Пунической войны и только за пять лет до нее впервые стали чеканить серебряную монету⁹⁰. Медь поэтому всегда оставалась, по-видимому, мерилom стоимости в этой республике. В Риме все счета велись и ценность всех

⁹⁰ *Plin. lib. 33, cap. 3.*

имущества определялась, по-видимому, в ассах или сестерциях. Асс всегда оставался обозначением медной монеты. Слово «сестерций» означает два асса с половиной. Хотя, таким образом, сестерций был первоначально серебряной монетой, стоимость его определялась в меди. В Риме про человека, который наделал долгов на большую сумму денег, говорили, что он имеет много чужой меди.

Северные народы, утвердившиеся на развалинах Римской империи, с самого начала своей оседлой жизни имели, по-видимому, серебряную монету и в течение нескольких веков после того не знали ни золотой, ни медной монеты. В Англии во времена саксов была серебряная монета, в ней до эпохи Эдуарда III чеканилось очень мало золота, а до Якова I, короля Великобритании, совсем не было медной монеты. В Англии поэтому – и по той же самой причине, как я полагаю, у всех других современных народов Европы – все счета ведутся и стоимость всех товаров и всех имуществ обыкновенно исчисляется в серебре; и если мы хотим определить размеры состояния какого-либо лица, мы редко называем число гиней, а называем число фунтов стерлингов, которое, по нашему мнению, дадут за него.

Первоначально, как я думаю, во всех странах законным платежным средством могла служить только монета из того металла, который специально признавался мерилom стоимости. В Англии золото долгое время после того, как стали чеканить золотую монету, не признавалось законным пла-

тежным средством. Соотношение между стоимостью золотой и серебряной монеты не было установлено никаким законодательным актом или указом, это было предоставлено установить рынку. Если должник предлагал уплатить золотом, кредитор мог или отвергнуть такой платеж, или согласиться на него, причем золото при этом расценивалось по соглашению между ними. Медь в настоящее время не является законным платежным средством, исключая случаи замена мелкой серебряной монеты. При таком положении вещей различие между металлом, являвшимся мерилom стоимости, и металлом, не являвшимся им, имело не только номинальное значение.

С течением времени, по мере того как народ приучался к употреблению монет из различных металлов и таким путем ближе узнавал соотношение их стоимости, в большинстве стран, как мне кажется, нашли целесообразным определенно установить это соотношение, объявив законом, что гинейя, например, такого-то веса и такой-то пробы соответствует 21 шилл. или является законным платежным средством для погашения долга этого размера. При таком положении вещей и при сохранении указанного определенного соотношения разница между металлом, который служит мерилom стоимости, и металлом, который им не был, имеет лишь номинальное значение.

Однако если произойдет какое-либо изменение в этом установленном соотношении, то указанное различие может

приобрести – или по меньшей мере нам кажется, что оно приобретает, – уже не только номинальное значение. Так, например, если установленная стоимость гинеи будет уменьшена до 20 или повышена до 22 шилл., то при исчислении всех счетов и при выражении почти всех обязательств в серебряных деньгах большая часть платежей сможет быть выплачиваема тем же количеством серебряной монеты, как и раньше, но для этого будет требоваться совсем другое количество золотой монеты: большее в первом случае и меньшее во втором. Серебро покажется более устойчивым в своей стоимости, чем золото. Нам будет казаться, что серебро является мерилom стоимости золота, тогда как золото не является мерилom стоимости серебра. Стоимость золота, по видимому, будет зависеть от количества серебра, на которое его можно обменять, между тем как стоимость серебра не будет находиться в зависимости от количества золота, на которое его можно будет обменять. Однако это различие будет целиком обусловлено обыкновением вести счета и выражать все крупные и мелкие суммы предпочтительно в серебряной, а не в золотой монете. Банкнота м-ра Друммонда в 25 или 50 гиней после изменения указанного рода будет оплачиваться 25 или 50 гинейями, точно так же, как и прежде. После указанной перемены она будет оплачиваться таким же количеством золота, как и раньше, но совсем другим количеством серебра. При оплате такой банкноты золото покажется более устойчивым в своей стоимости, чем се-

ребро. Золото покажется мерилom стоимости серебра, тогда как серебро, по-видимому, не будет являться мерилom для стоимости золота. Если когда-либо получит общее распространение обычай вести счета и выражать всякие денежные обязательства и кредитные билеты в золоте, то золото, а не серебро будет принято в качестве металла, специально служащего мерилom стоимости.

В действительности, пока держится определенное соотношение между стоимостями различных металлов в монете, стоимость самого дорогого металла определяет стоимость всех монет. 12 медных пенсов содержат полфунта меди не самого лучшего качества, которая до чеканки едва ли стоит 7 серебряных пенсов. Но поскольку, согласно установленному соотношению, 12 таких пенсов должны обмениваться на шиллинг, на рынке они признаются имеющими стоимость шиллинга, и в любое время на них можно получить 1 шилл. Даже еще до недавнего преобразования золотой монеты в Великобритании золотая монета или по крайней мере та часть ее, которая циркулировала в Лондоне и в его окрестностях, меньше отклонялась от установленного веса, чем большая часть серебряной монеты. Тем не менее 21 истертый и изрезанный шиллинг признавался равным по стоимости гинее, которая, правда, тоже была истерта и изрезана, но не в столь большой степени. Недавно изданные правила довели золотую монету до ее установленного веса с такой точностью, которая только мыслима для находящейся в об-

ращении монеты какого-либо народа; распоряжение о принятии золота в государственных учреждениях только по весу обещает сохранить такую полновесность золотой монеты до тех пор, пока оно будет проводиться в жизнь. Серебряная же монета продолжает обращаться в том же истертом и изрезанном виде, как и до перчеканки золотой монеты. Несмотря на это, на рынке 21 шилл. такой испорченной серебряной монеты все еще признается равным по своей стоимости полновесной золотой гинее.

Перчеканка золотой монеты, очевидно, повысила стоимость серебряной монеты, которая может быть обменена на золотую.

На английском монетном дворе из фунта золота чеканятся 44 $\frac{1}{2}$ гиней, которые, считая 21 шилл. в гинее, равны 46 ф. ст. 14 шилл. 6 п. Таким образом, унция такой золотой монеты стоит 3 ф. 17 шилл. 10 $\frac{1}{2}$ п. серебром. В Англии за чеканку монеты не уплачивается никакая пошлина, и всякий, кто принесет на монетный двор фунт или унцию золота в слитке установленной пробы, получит взамен без всякого вычета фунт или унцию золота чеканной монетой. И потому принято говорить, что 3 ф. 17 шилл. 10 $\frac{1}{2}$ п. за унцию представляют собою монетную цену золота в Англии, т. е. количество золотой монеты, которое монетный двор выдает в обмен на слитки золота установленной пробы.

До перчеканки золотой монеты цена слитка золота установленной пробы на рынке в течение многих лет держалась

выше 3 ф. 18 шилл., иногда 3 ф. 19 шилл. и очень часто 4 ф. за унцию; весьма вероятно, что эта сумма в стертой и изрезанной золотой монете редко содержала более одной унции золота установленной пробы. Со времени перечеканки золотой монеты рыночная цена золотых слитков установленной пробы редко превышает 3 ф. 17 шилл. 7 п. за унцию. До перечеканки золотой монеты рыночная цена всегда держалась несколько выше монетной; после этой перечеканки она постоянно держалась ниже монетной цены. Но эта рыночная цена всегда одна и та же, независимо от того, выплачивается она в золотой или в серебряной монете. Таким образом, последняя перечеканка золотой монеты повысила не только стоимость золотой, но и серебряной монеты по сравнению с золотом в слитках и, вероятно, также по сравнению со всеми другими товарами; но так как цена большей части других товаров колеблется в зависимости от многих других причин, то повышение стоимости золотой и серебряной монеты по сравнению с товарами не столь очевидно и чувствительно.

На английском монетном дворе из фунта серебра установленной пробы чеканятся 62 шилл., содержащие точно так же фунт серебра установленной пробы. Поэтому принято говорить, что монетной ценой серебра в Англии является 5 шилл. и 2 п. за унцию, или количество серебряной монеты, которое монетный двор дает в обмен на серебряный слиток установленной пробы. До перечеканки золотой монеты рыночная цена серебряных слитков установленной пробы бы-

ла в различных случаях 5 шилл. 4 п., 5 шилл. 5 п., 5 шилл. 6 п., 5 шилл. 7 п. и очень часто 5 шилл. 8 п. за унцию. Однако наиболее обычной ценой было, по-видимому, 5 шилл. 7 п. Со времени перечеканки золотой монеты рыночная цена слитков серебра установленной пробы падала временами до 5 шилл. 3 п., 5 шилл. 4 п. и 5 шилл. 5 п. за унцию, причем выше последней она не поднималась. Хотя рыночная цена серебряных слитков значительно понизилась со времени перечеканки золотой монеты, она все же превышала монетную цену.

Если при установлении пропорции между различными металлами в английской монете медь оценивается гораздо выше, то серебро оценивается несколько ниже своей действительной стоимости. На европейских рынках унция чистого золота во французской или голландской монете выменивается приблизительно на 14 унций чистого серебра; в английской же монете она обменивается на 15 унций, т. е. на большее количество серебра, чем она стоит, согласно общепринятым в Европе расценкам. Но подобно тому как высокая цена меди в английской монете не повышает даже в Англии цены меди в слитках, так и низкая цена серебра в английской монете не понижает цены серебра в слитках. Серебро в слитках все еще сохраняет свою надлежащую пропорцию к золоту; в силу той же самой причины медь в слитках сохраняет свое соотношение к серебру.

После перечеканки серебряной монеты в правление Виль-

гельма III цена серебра в слитках продолжала держаться несколько выше монетной цены. Локк объяснял эту высокую цену разрешением вывозить серебро в слитках при одновременном запрещении вывоза серебряной монеты⁹¹. Он указывал, что это разрешение вывоза увеличивало спрос на серебро в слитках сравнительно со спросом на серебряную монету. Но количество людей, нуждающихся в серебряной монете для сделок по продаже и покупке у себя на родине, несомненно, гораздо больше, чем число тех, кому нужны серебряные слитки для вывоза их за границу или для каких-либо других целей. В настоящее время существует такое же разрешение вывозить золото в слитках и запрещение вывозить золотую монету⁹², и тем не менее цена золота в слитках упала ниже монетной цены. Но серебро в английской монете в то время, как и теперь, было оценено ниже его действительного отношения к золоту, и золотая монета (относительно которой в ту эпоху не полагали, что она требует какой-либо перечеканки) определяла тогда так же, как и теперь, действительную стоимость всех монет. Подобно тому как перечеканка серебряной монеты не понизила в то время цены серебра в слитках до уровня монетной цены, так весьма вероятно, что и в настоящее время она не приведет к такому результату.

Если бы серебряная монета была приведена к узаконенно-

⁹¹ *Locke*. Considerations Raising the value of Money. 2 nd. ed. (1695), p. 35, sqq.

⁹² Закон, запрещающий вывоз золотой и серебряной монеты, был отменен в 1819 г.

му весу так же близко, как приведена золотая, то, вероятно, гинейя при сохранении существующей пропорции стала бы вымениваться на большее количество серебра в монете, чем она может купить в слитках. Если бы серебряная монета содержала в себе полностью узаконенный вес, было бы выгодно переплавить ее в слитки, чтобы сперва продать эти слитки за золотую монету, а затем обменять эту золотую монету на серебряную с целью превращения последней опять в слиток. По-видимому, единственное средство для предупреждения таких нежелательных явлений заключается в некотором изменении установленной ныне пропорции между обоими металлами.

Неудобство это было бы, пожалуй, меньше, если бы серебро в монете было оценено настолько выше надлежащего соотношения его к золоту, насколько оно ныне оценивается ниже этого соотношения, при условии, конечно, чтобы одновременно с тем был бы издан закон, что серебро может служить законным платежным средством на сумму не более одной гинейи, подобно тому как в настоящее время медная монета служит законным платежным средством для суммы не более одного шиллинга. В таком случае ни один кредитор не оказался бы в убытке в результате высокой оценки серебра в монете, так же как ни один кредитор в настоящее время не терпит убытка от высокой оценки меди. При таком порядке теряли бы только банкиры. Когда к ним предъявляются усиленные требования платежей, они нередко стараются выиг-

рать время, выплачивая деньги шестипенсовыми монетами, а вышеуказанное правило помешало бы им пользоваться таким сомнительным средством для избежания немедленного платежа. В результате этого они вынуждены были бы постоянно держать в своих денежных шкафах большее количество наличных денег, чем в настоящее время. И хотя это, без сомнения, могло бы явиться большим неудобством для них, это в то же самое время послужило бы солидным обеспечением для их кредиторов.

3 ф. 17 шилл. и 10½ п. (монетная цена золота) не содержат, конечно, даже в нашей теперешней превосходной золотой монете больше одной унции золота установленной пробы, и потому, казалось бы, на эту сумму нельзя было бы купить большего количества золота в слитке. Но золото в монете более удобно, чем золото в слитках; и хотя в Англии всем предоставлена свобода превращать свое золото в монету, тем не менее приносимое на монетный двор в слитках обычно может быть возвращено его владельцу в монете лишь по прошествии нескольких недель. А при теперешней загруженности монетного двора владелец может получить обратно свое золото в монете лишь через несколько месяцев. Эта проволочка равносильна небольшому налогу и делает золотую монету несколько более ценной, чем такое же количество золота в слитках. Если бы английская серебряная монета расценивалась соответственно ее надлежащему соотношению с золотом, то цена серебряных слитков, наверное, упала бы ни-

же монетной цены даже при отсутствии какой бы то ни было перечековки серебряной монеты; ибо стоимость даже нынешней стертой и обрезанной серебряной монеты регулируется стоимостью вполне хорошей золотой монеты, на которую она может быть обменена.

Установление небольшой пошлины за чеканку золотой и серебряной монет, наверное, еще более повысило бы стоимость этих металлов в монете над стоимостью того же количества их в слитках. В таком случае при чеканке монеты стоимость металла поднялась бы соответственно размерам этой пошлины, подобно тому как рисунок повышает стоимость золотого или серебряного блюда на стоимость этого рисунка. Бóльшая стоимость монеты сравнительно со слитком устранила бы переплавку монеты в слитки и остановила бы их вывоз за границу. И если бы какая-либо общественная необходимость побудила к вывозу монеты, то бóльшая ее часть сама собою скоро вернулась бы обратно. За границей эта монета ценилась бы только по ее весу в слитках, внутри же страны она обладает большею покупательною силою, чем это соответствует ее весу. Поэтому выгодно возвращать ее обратно внутрь страны. Во Франции установлена пошлина на чеканку монеты приблизительно в 8 %, и французская монета, как передают, в случае вывоза за границу сама собою возвращается на родину⁹³.

⁹³ Это ошибка. Смита ввел в заблуждение «Словарь монет» Базингена. Во времена Смита пошлина за чеканку монеты во Франции не превышала 1–1,5 %.

Те или иные случайные колебания рыночных цен золота и серебра в слитках происходят от тех же причин, как и подобные же колебания рыночных цен всех остальных товаров. Частые потери этих металлов благодаря различным несчастным случаям на море и на суше, постоянная затрата их на позолоту и на выделку посуды, на позументы и вышивки, на снашивание монеты и на снашивание утвари требуют во всех странах, не обладающих собственными рудниками, постоянного ввоза для возмещения этих потерь и этого расходования. Мы имеем основания полагать, что купцы, занимающиеся ввозом этих металлов, подобно всем остальным купцам, стараются по мере возможности приспособить свой ввоз к существующему, по их мнению, в данный момент непосредственному спросу. Но при всем своем старании они иногда или преувеличивают нужное количество, или преуменьшают его. И если они ввозят больше слитков, чем нужно, они, чтобы избежать риска и хлопот, связанных с обратным вывозом их, предпочитают продать часть этих слитков несколько дешевле их обычной или средней цены. Когда же, с другой стороны, они ввозят менее нужного количества, они получают несколько больше средней цены. Но если при всех таких случайных колебаниях рыночная цена золотых или серебряных слитков в течение нескольких лет устойчиво держится на уровне несколько высшем или несколько низшем по сравнению с их монетною ценою, мы можем быть уверены, что такое устойчивое отклонение цены вверх или вниз являет-

ся следствием изменений в состоянии самой монеты, которые в данное время придают определенному количеству монеты большую или меньшую стоимость, чем стоимость того количества металла, которое эта монета должна содержать. Устойчивость и постоянство результата предполагают соответствующую устойчивость и постоянство причины.

В каждый данный момент и в каждом данном месте деньги какой-либо страны представляют собою более или менее точное мерило стоимости в соответствии с тем, насколько находящаяся в обращении монета более или менее точно соответствует своему узаконенному масштабу или содержит более или менее точно то самое количество чистого золота или чистого серебра, которое она должна содержать. Если в Англии, например, $44\frac{1}{2}$ гинеи содержали бы ровно фунт золота установленной пробы или 11 унций чистого золота и 1 унцию лигатуры, то ее золотая монета могла бы служить наиболее точным мерилом фактической стоимости товаров в любое время и в любом месте, поскольку это допускается самой природой вещей. Но если благодаря стиранию и обрезыванию $44\frac{1}{2}$ гинеи обыкновенно содержат меньше 1 фунта золота установленной пробы, причем уменьшение в весе в одних монетах больше, чем в других, то само мерило стоимости оказывается подверженным такой же неустойчивости и неточности, каким подвержены обыкновенно все остальные весы и меры. Так как эти последние редко соответствуют в точности установленному для них образцу, то купец со-

образует цены своих товаров не с теми весами и мерами, какими они должны были бы быть, а с теми средними весами и мерами, какими, по его опыту, они фактически являются. Вследствие подобных отклонений в монетах цена товаров точно таким же образом должна сообразоваться не с количеством чистого золота или серебра, которое должна была бы содержать монета, а с тем количеством, которое в среднем она фактически содержит, как это установлено опытом.

Надлежит заметить, что под денежной ценой товаров я всегда понимаю количество чистого золота или серебра, за которое они продаются, совершенно не принимая во внимание названия монеты. 6 шилл. и 8 п. времен Эдуарда I я признаю, например, имеющими ту же самую денежную цену, что и фунт стерлингов в настоящее время, потому что они содержали, насколько мы можем судить, то же самое количество чистого серебра.

Глава VI

О составных частях цены товаров

В обществе первобытном и малоразвитом, предшествовавшем накоплению капиталов и обращению земли в частную собственность, соотношение между количествами труда, необходимыми для приобретения разных предметов, было, по-видимому, единственным основанием, которое могло служить руководством для обмена. Так, например, если у охотничьего народа обычно приходится затратить вдвое больше труда для того, чтобы убить бобра, чем на то, чтобы убить оленя, один бобр будет, естественно, обмениваться на двух оленей или будет иметь стоимость двух оленей. Вполне естественно, что продукт, изготовляемый обычно в течение двух дней или двух часов труда, будет иметь вдвое большую стоимость, чем продукт, изготовляемый обычно в течение одного дня или одного часа труда.

Если один вид труда тяжелее какого-либо другого вида, то, естественно, делается надбавка соответственно этой большей тяжести, и благодаря этому продукт одного часа первого вида труда может часто обмениваться на продукт двух часов более легкого труда.

Точно так же если какой-либо вид труда требует особенного искусства и ловкости, то уважение, с которым люди относятся к таким способностям, придает их продукту боль-

шую стоимость, чем это соответствовало бы времени, затраченному на него. Такие способности и таланты редко могут быть приобретены при отсутствии продолжительного предварительного упражнения, и высшая стоимость их продукта часто является лишь вполне разумным возмещением того времени и труда, которое надо было затратить на приобретение их. В развитом обществе в заработную плату рабочего обыкновенно включается надбавка этого рода за добавочную тяжесть и большее искусство работника; вероятно, нечто в этом роде имело место и в более ранних периодах развития общества.

При таком положении вещей весь продукт труда принадлежит работнику, и количество труда, обыкновенно затрачиваемого на приобретение или производство какого-нибудь товара, представляет собою единственное условие, определяющее количество труда, которое может быть куплено, приобретено в распоряжение или обменено на него.

Лишь только в руках частных лиц начинают накапливаться капиталы, некоторые из них, естественно, стремятся использовать их для того, чтобы занять работой трудолюбивых людей, которых они снабжают материалами и средствами существования в расчете получить выгоду на продаже продуктов их труда или на том, что эти работники прибавили к стоимости обрабатываемых материалов. При обмене готового товара на деньги, на труд или на другие продукты помимо оплаты цены материалов и заработной платы работников долж-

на быть еще дана некоторая сумма для прибыли предпринимателя, рискующего своим капиталом в этом деле. Поэтому стоимость, которую рабочие прибавляют к стоимости материалов, распадается сама в этом случае на две части, из которых одна идет на оплату их заработной платы, а другая – на оплату прибыли их предпринимателя на весь капитал, который он авансировал в виде материалов и заработной платы. У него не было бы никакого интереса нанимать этих рабочих, если бы он не мог рассчитывать получить от продажи изготовленных ими произведений что-нибудь сверх суммы, достаточной лишь на возмещение его капитала; точно так же он не был бы заинтересован затрачивать больший капитал, а не меньший, если бы прибыли не соответствовали величине употребленного в дело капитала.

Но могут подумать, что прибыль на капитал представляет собой лишь другое обозначение для заработной платы за особый вид труда, а именно за труд по надзору и управлению делом. Однако эта прибыль совершенно непохожа на заработную плату, она устанавливается совсем на иных началах и не стоит ни в каком соответствии с количеством, тяжестью или сложностью этого предполагаемого труда по надзору и управлению. Прибыль определяется вообще стоимостью употребленного в дело капитала и бывает больше или меньше в зависимости от размеров этого капитала. Предположим, например, что в каком-либо месте, где обычная годовая прибыль промышленного капитала доходит до 10 %,

имеются две различные мануфактуры, в каждой из которых работают по 20 рабочих за плату по 15 ф. в год, или при расходе 300 ф. в год на заработную плату в каждой мануфактуре. Предположим далее, что сырой материал, идущий в обработку на одной мануфактуре в течение года, стоит только 700 ф. ст., тогда как более дорогое сырье для другой мануфактуры стоит 7000 ф. ст. В таком случае капитал, ежегодно затрачиваемый на первой мануфактуре, будет достигать лишь 1 тыс. ф., тогда как капитал, затрачиваемый на второй, достигнет 7300 ф. При норме в 10 % предприниматель первой мануфактуры будет ожидать прибыль лишь в 100 ф., тогда как предприниматель второй будет ожидать прибыль в 730 ф. Но хотя размер прибыли так различен, их труд по надзору и управлению делом может быть одинаков или почти одинаков. На многих крупных предприятиях почти весь труд такого рода выполняется главным служащим или управляющим. В его заработной плате надлежащим образом выражается стоимость труда по надзору и управлению. Хотя при установлении ее обычно принимается во внимание не только его труд и умение, но также и доверие, которое оказывается ему, однако эта заработная плата никогда не находится в каком бы то ни было соответствии с размерами капитала в предприятии, которым он руководит. А владелец этого капитала, хотя он таким образом оказывается освобожденным почти от всякого труда, все же ожидает, что прибыль будет соответствовать размерам его капитала. Ввиду этого в цене

товаров прибыль на капитал образует составную часть, совершенно отличную от заработной платы, и определяется на совершенно других началах.

При таком положении вещей работнику не всегда принадлежит весь продукт его труда. В большинстве случаев он должен делить его с владельцем капитала, который нанимает его. В таком случае количество труда, обычно затрачиваемого на приобретение или производство какого-либо товара, не является единственным условием для определения количества труда, которое может быть куплено или получено в обмен за него. Очевидно, что добавочное количество приходится на долю прибыли с капитала, авансированного на заработную плату и доставившего сырой материал для рабочего.

С тех пор как вся земля в той или иной стране превратилась в частную собственность, землевладельцы, подобно всем другим людям, хотят пожинать там, где не сеяли, и начинают требовать ренту даже за естественные плоды земли. Теперь устанавливается определенная добавочная цена за деревья в лесу, траву на лугах и за все естественные произведения земли, которые прежде, когда она была общей, не стоили работнику ничего, кроме труда собрать их. Работник теперь должен платить за разрешение собирать их, он должен отдавать землевладельцу часть того, что собирает или производит его труд. Эта часть, или, что то же самое, цена этой части, составляет земельную ренту, и эта рента образует третью составную часть цены большей части товаров.

Следует иметь в виду, что действительная стоимость всех различных составных частей цены определяется количеством труда, которое может купить или получить в свое распоряжение каждая из них. Труд определяет стоимость не только той части цены, которая приходится на заработную плату, но и тех частей, которые приходятся на ренту и прибыль.

Во всяком обществе цена каждого товара в конечном счете сводится к одной из этих основных частей или ко всем им, а в каждом развитом обществе все эти три составные части в большей или меньшей мере входят в цену громадного большинства товаров.

Так, например, в цене хлеба одна ее доля идет на оплату ренты землевладельца, вторая – на заработную плату или содержание рабочих и рабочего скота, занятых в его производстве, и третья доля является прибылью фермера. Эти три части, по-видимому, либо непосредственно, либо в конечном счете составляют всю цену хлеба. Может показаться, что необходима еще четвертая часть для возмещения капитала фермера, т. е. для возмещения снашивания его рабочего скота и других хозяйственных орудий. Но надо иметь в виду, что цена любого хозяйственного орудия, хотя бы рабочей лошади, в свою очередь состоит из таких же трех частей: из ренты на землю, на которой она была вскормлена, из труда, затраченного на уход за ней и содержание ее, и прибыли фермера, авансировавшего ренту за землю и заработную плату

за труд. И потому, хотя в цену хлеба должна входить оплата цены и содержания лошади, в целом она все же сводится – непосредственно или в конечном счете – к тем же трем составным частям: к ренте, заработной плате и прибыли.

В цене муки мы должны прибавлять к цене зерна прибыль мельника и заработную плату его рабочих; к цене печеного хлеба – прибыль пекаря и заработную плату его рабочих, а в обоих случаях – затрату на оплату труда по перевозке зерна от фермера до мельника и от мельника до пекаря, а также прибыль тех, кто авансировал деньги на оплату этого труда.

Цена льна распадается на такие же три части, как и цена хлеба. В цене полотна мы должны прибавить к цене льна заработную плату чесальщика льна, прядильщика, ткача, отбельщика и т. п., а также прибыли их предпринимателей.

Чем больше какой-либо товар нуждается в обработке, тем большей становится та часть цены, которая приходится на заработную плату и прибыль, сравнительно с той частью, которая приходится на ренту. С развитием обрабатывающей промышленности не только увеличивается последовательный ряд прибылей, но и каждая последующая становится больше прибыли, полученной на предыдущей стадии; это обуславливается тем, что капитал, с которого она получается, становится все больше. Капитал, занимающий ткачей, например, должен быть больше капитала, занимающего прядильщиков, потому что он не только замещает последний с его прибылью, но, кроме того, выплачивает заработную пла-

ту ткачей, а прибыль всегда должна быть в известной пропорции к капиталу.

Впрочем, даже в наиболее развитых обществах всегда имеется небольшое число товаров, цена которых сводится лишь к двум составным частям, а именно к заработной плате и прибыли на капитал, и еще меньшее число товаров, цена которых состоит только из заработной платы. Так, например, в цене морской рыбы одна ее часть оплачивает труд рыбаков, а другая – прибыль на капитал, затраченный на рыбную ловлю. Рента очень редко входит составной частью в эту цену, хотя это иногда и бывает, как я покажу в дальнейшем. Иначе обстоит дело, по крайней мере в большей части Европы, в речном рыболовстве. За ловлю форелей уплачивается рента, она, хотя ее и нельзя назвать земельной рентой, так же составляет часть цены форели, как заработная плата и прибыль. В некоторых местах Шотландии бедняки промышляют собиранием вдоль морского берега различных камешков с крапинками, известных под названием шотландских голышей. Цена, которую им платит за эти камешки гранильщик, представляет собою только плату за их труд; в нее не входит ни рента, ни прибыль.

Но цена всякого товара в конечном счете должна все же сводиться к той или другой или ко всем этим трем частям, так как всякая доля цены, остающаяся после оплаты земельной ренты и цены всего труда, затраченного на добычу материала, обработку и доставку его на рынок, должна по необ-

ходимости оказаться чьей-либо прибылью.

Так как цена, или меновая стоимость любого товара, взятого в отдельности, сводится к той или другой или ко всем трем указанным составным частям, то к таким же трем составным частям должна сводиться цена, или меновая стоимость, всех товаров, составляющих общий годичный продукт труда каждой страны, взятых в общей сложности? Она должна распределяться между различными жителями данной страны или в виде заработной платы за их труд, или в виде прибыли на их капитал, или в виде ренты за их землю. Таким именно способом распределяется между различными членами общества все, что ежегодно собирается или производится трудом этого общества, или, что то же самое, вся цена годового продукта труда. Заработная плата, прибыль и рента являются тремя первоначальными источниками всякого дохода, равно как и всякой меновой стоимости. Всякий иной доход в конечном счете получается из этих источников.

Всякий человек, который получает свой доход из источника, принадлежащего лично ему, должен получать его либо от своего труда, либо от своего капитала, либо от своей земли. Доход, получаемый от труда, называется заработной платой; доход, получаемый с капитала лицом, которое лично употребляет его в дело, называется прибылью; доход, получаемый с него лицом, которое не употребляет его в дело, а ссужает его другому, называется процентом, или денежным ростом. Он представляет собою вознаграждение,

уплачиваемое заемщиком заимодавцу за ту прибыль, которую он имеет возможность извлечь при помощи этих денег. Часть этой прибыли, естественно, принадлежит заемщику, который берет на себя риск и заботы по употреблению капитала в дело, а часть, естественно, принадлежит заимодавцу, который предоставляет заемщику возможность получить прибыль. Ссудный процент всегда представляет собою доход производный, который, если он не выплачивается из прибыли, полученной от применения этих денег, должен быть выплачен из какого-либо иного источника дохода, поскольку, конечно, заемщик не является расточителем, делающим новый долг для уплаты процентов по первоначальному долгу. Доход, получающийся целиком с земли, называется рентой и достается землевладельцу. Доход фермера получается частью от его труда, частью с его капитала. Для него земля является лишь орудием, дающим возможность получать заработную плату за труд и извлекать прибыль с своего капитала. Все налоги и всякий основанный на них доход – все оклады, пенсии, ежегодные рентные доходы всякого рода – в конечном счете получают из этих трех первоначальных источников и выплачиваются непосредственно или посредством из заработной платы, из прибыли с капитала или из ренты с земли.

Когда эти различные виды дохода принадлежат различным лицам, их легко отличают друг от друга, но когда они принадлежат одному и тому же лицу, их нередко смешива-

ют, по крайней мере в обыденной речи.

Землевладелец, обрабатывающий часть своего поместья, после оплаты расходов по обработке земли получает и ренту землевладельца, и прибыль фермера. Но он склонен называть всю свою выручку прибылью и таким образом смешивает, по крайней мере в обыденной речи, ренту с прибылью. Большая часть наших североамериканских и вест-индских плантаторов находится в таком именно положении. Они в большинстве своем сами ведут хозяйство в своих поместьях, и в соответствии с этим мы редко слышим о ренте с плантации, но часто слышим о прибыли, приносимой ею.

Рядовые фермеры редко держат управляющего для руководства работами на ферме. Они обыкновенно немало работают сами вместе со своими рабочими, сами пашут и боронят и т. п. И потому излишек урожая, остающийся после уплаты ренты, должен не только возместить им капитал, употребленный на обработку земли, вместе с обычной прибылью на него, но и оплачивать заработную плату, причитающуюся им в качестве рабочих и управителей. Однако весь излишек, остающийся после уплаты ренты и возмещения капитала, называется прибылью. Между тем часть этого излишка, очевидно, составляет заработная плата. Фермер, сберегая расход на эту заработную плату, должен сам получать ее. Следовательно, заработная плата в этом случае смешивается с прибылью.

Какой-нибудь независимый ремесленник, который обла-

дает капиталом, достаточным для приобретения материала и для собственного содержания впредь до продажи продукта на рынке, получает как заработную плату поденщика, работающего на хозяина, так и прибыль, которую получил бы хозяин от продажи продукта труда поденщика. Но вся его выручка обыкновенно называется прибылью, и заработная плата в данном случае тоже смешивается с ней.

Огородник, который обрабатывает собственный огород своими руками, соединяет в своем лице три различных лица: землевладельца, фермера и рабочего. Его продукт поэтому должен оплачивать ему ренту первого, прибыль второго и заработную плату третьего. Однако вся его выручка обыкновенно признается заработной платой за его труд. Рента и прибыль в этом случае смешиваются с заработной платой.

Так как в цивилизованной стране найдется лишь немного товаров, меновая стоимость которых создается одним только трудом, и меновая стоимость большинства товаров содержит в себе в значительной мере ренту и прибыль, то годичный продукт труда этой страны оказывается всегда достаточным для того, чтобы купить или получить в свое распоряжение гораздо большее количество труда, чем то количество его, которое было затрачено на добычу, обработку и доставку этого продукта на рынок. Если бы общество ежегодно употребляло в дело весь тот труд, который оно в состоянии ежегодно купить, то вследствие того, что количество этого труда ежегодно будет значительно возрастать, продукт каждого

последующего года будет иметь значительно большую стоимость, чем продукт предыдущего года. Но не существует страны, в которой весь годичный продукт употреблялся бы только на содержание лиц, занятых трудом. Повсюду значительная часть его потребляется праздными людьми, и в зависимости от различной пропорции, в какой продукт ежегодно распределяется между этими двумя классами людей, его обычная или средняя стоимость должна либо ежегодно возрастать, либо уменьшаться, или оставаться из года в год неизменной.

Глава VII

О естественной и рыночной цене товаров

В каждом обществе или каждой местности существует обычная или средняя норма как заработной платы, так и прибыли для каждого из различных приложений труда и капитала. Эта норма, как я покажу в дальнейшем, естественно, регулируется частью в зависимости от общих условий общества, от его богатства или бедности, от его процветания, застоя или упадка, частью же в зависимости от особой природы того или иного приложения труда и капитала.

В каждом обществе или каждой местности, равным образом, существует обычная, или средняя, норма ренты, которая, как я покажу в дальнейшем, тоже регулируется частью общими условиями общества или местности, где расположена земля, частью же естественным или искусственным плодородием почвы.

Эти обычные, или средние, нормы могут быть названы естественными нормами заработной платы, прибыли и ренты для того времени и той местности, где они обычно преобладают.

Если цена какого-либо товара соответствует тому, что необходимо для оплаты в соответствии с их естественными

нормами земельной ренты, заработной платы и прибыли на капитал, затраченный при добыче, обработке и доставке его на рынок, то товар этот продается, можно сказать, по его естественной цене.

Товар в таком случае продан за столько, сколько он стоит, т. е. сколько он обошелся тому лицу, которое доставило его на рынок, ибо, хотя в обыденной речи так называемые издержки производства товара не включают в себя прибыль лица, перепродающего его, все же, если оно продает товар по цене, не дающей ему обычную в его местности норму прибыли, оно, очевидно, теряет от такой торговой сделки; в самом деле, затратив свой капитал каким-либо иным образом, оно могло бы получить прибыль. Эта прибыль, кроме того, составляет его доход, действительный фонд, из которого он черпает средства для своего существования. Подобно тому как он при изготовлении и доставке на рынок своих товаров авансирует своим рабочим их заработную плату или средства их существования, он точно таким же образом авансирует и самому себе средства своего существования, которые обычно находятся в соответствии с той прибылью, которую он имеет основание ожидать от продажи своих товаров. И потому, если товары не приносят ему ожидаемую прибыль, можно сказать, что они не возмещают ему того, что они действительно ему стоили.

Поэтому, хотя цена, доставляющая ему эту прибыль, не всегда представляет собою самую низкую, за которую торго-

вещ соглашается продавать свои товары, но она будет самой низкой ценой, по которой он согласен продавать их сколько-нибудь продолжительное время по крайней мере там, где существует полная свобода или где он может по желанию менять профессию. Фактическая цена, за которую обычно продается товар, называется его рыночной ценой. Она может или превышать его естественную цену, или быть ниже ее, или же в точности совпадать с нею.

Рыночная цена каждого отдельного товара определяется отношением между количеством, фактически доставленным на рынок, и спросом на него со стороны тех, кто готов уплатить его естественную цену, или полную стоимость ренты, заработной платы и прибыли, которые надлежит оплатить для того, чтобы товар доставлялся на рынок. Эти лица могут быть названы действительными покупателями, а их спрос — действительным спросом, так как этот спрос достаточен для того, чтобы вызвать доставку товара на рынок. Он отличается от абсолютного спроса. Про очень бедного человека можно в известном смысле сказать, что он предъявляет спрос на карету с шестеркой лошадей; он может желать иметь ее, но его спрос не является действительным спросом, ибо товар ни в коем случае не может быть доставлен на рынок для удовлетворения его.

Если количество товара, доставленного на рынок, не покрывает действительного спроса, то лица, соглашающиеся заплатить полную стоимость ренты, заработной платы и при-

были, которые надлежит оплатить для того, чтобы товар был доставлен на рынок, не могут получить то именно количество товара, которое им нужно. Не желая совсем остаться без него, некоторые из них предпочитают в таком случае заплатить за него несколько больше. Среди них начнется сейчас же конкуренция, и рыночная цена более или менее повысится в сравнении с естественной ценою в зависимости от того, насколько недостаток предложения товара, богатство и расточительность покупателей обостряют конкуренцию. При наличии конкурентов, отличающихся одинаковым богатством и одинаковой склонностью к расточительности, определенная нехватка товара обыкновенно вызывает более или менее обостренную конкуренцию в зависимости от большей или меньшей важности для них приобретения этого товара. Отсюда непомерно высокая цена предметов необходимости во время осады города или во время голода.

Если количество товара, доставленного на рынок, превышает действительный спрос, то он не может быть полностью продан тем, кто готов заплатить всю стоимость ренты, заработной платы и прибыли, которые надлежит оплатить для того, чтобы товар был доставлен на рынок. Некоторая часть товара должна быть продана лицам, которые согласны заплатить меньше этой суммы, и более низкая цена, даваемая ими, должна понизить цену всего товара в целом. Рыночная цена падает сравнительно с уровнем естественной цены в зависимости от того, насколько избыток предложения товара

обостряет конкуренцию между продавцами, или в зависимости от того, насколько им необходимо немедленно сбыть с рук этот товар. Избыточный ввоз скоропортящихся продуктов вызывает гораздо большую конкуренцию, чем такой же ввоз товаров непортящихся, — ввоз апельсинов, например, вызывает бóльшую конкуренцию, чем ввоз железного лома.

Если товар доставлен на рынок в количестве, как раз достаточном для удовлетворения действительного спроса, то рыночная цена или совершенно совпадает, или почти совпадает с естественной ценой. Все количество товара, имеющееся налицо, может быть продано именно по этой, но не по более высокой цене. Конкуренция между различными торговцами заставляет их принять эту цену, но не вынуждает соглашаться на меньшую.

Количество каждого товара, доставляемого на рынок, естественно, согласуется с действительным спросом на него. Все лица, которые производительно употребляют свою землю, труд или капитал для доставки какого-нибудь товара на рынок, заинтересованы в том, чтобы количество его не превышало действительного спроса, а все остальные заинтересованы в том, чтобы оно никогда не падало ниже этого спроса.

Если в какой-либо момент количество товара на рынке превышает действительный спрос, та или другая из составных частей его цены должна оказаться оплаченной ниже своей естественной нормы. Если это будет рента, то интерес

землевладельцев немедленно побудит их изъять из обработки часть их земли; а если это будет заработная плата или прибыль, то интерес рабочих в одном случае и интерес предпринимателей в другом побудит изъять часть их труда или капитала из данного производства. И количество товара, доставляемого на рынок, скоро окажется как раз достаточным для удовлетворения действительного спроса. Все различные части его цены повысятся до размеров своей естественной нормы, а вся цена в целом – до естественной цены товара.

Если, напротив, в какой-либо момент количество товара, доставленного на рынок, будет ниже действительного спроса, та или другая из составных частей его цены должна будет подняться выше своей естественной нормы. Если это будет рента, интерес всех остальных землевладельцев, естественно, побудит их использовать больше земли для производства этого товара; если это будет заработная плата или прибыль, то интерес всех остальных рабочих и капиталистов скоро побудит их затратить больше труда и капитала для производства и доставки этого товара на рынок. Количество товара, доставленного на рынок, скоро окажется достаточным для удовлетворения действительного спроса. Все составные части цены товара скоро упадут до своей естественной нормы, а цена в целом – до естественной цены товара.

Таким образом, естественная цена как бы представляет собою центральную цену, к которой постоянно тяготеют цены всех товаров. Различные случайные обстоятельства мо-

гут иногда держать их на значительно более высоком уровне и иногда несколько понижать их по сравнению с нею. Но каковы бы ни были препятствия, которые отклоняют цены от этого устойчивого центра, они постоянно тяготеют к нему.

Все количество труда, затрачиваемого ежегодно на доставку какого-либо рода товаров на рынок, естественно, сообразуется, таким образом, с действительным спросом – оно естественно стремится всегда доставить на рынок ровно такое количество товара, какое достаточно, и не более того, что достаточно, для удовлетворения этого спроса.

Но в некоторых отраслях производства одно и то же количество труда производит в различные годы весьма различные количества товаров, тогда как в других отраслях оно неизменно или почти неизменно из года в год. Одно и то же число рабочих в сельском хозяйстве производит в различные годы весьма различное количество зерна, вина, масла, хмеля и т. п., между тем как одно и то же количество прядильщиков и ткачей каждый год производит одинаковое или почти одинаковое количество полотна и сукна. Только средний размер производства какой-либо отрасли промышленности может во всех отношениях согласоваться с действительным спросом; а так как фактический размер ее производства часто значительно превышает средний размер производства, а часто значительно отстает от него, то количество товаров, доставляемых на рынок, иногда намного превышает действительный спрос и иногда намного отстает от него. Поэтому

даже при неизменности этого спроса рыночная цена этих товаров подвержена большим колебаниям, она иногда намного отстает от их естественной цены, а иногда намного превышает ее. В других отраслях производства, где продукция равных количеств труда всегда неизменна или почти неизменна, она может более точно сообразоваться с действительным спросом. И потому, пока этот спрос остается неизменным, рыночная цена товаров тоже не изменяется и совпадает или почти совпадает с естественной ценой. Собственный опыт каждого человека говорит ему, что цена полотна и сукна не подвержена столь частым и столь большим колебаниям, как цена хлеба. Цена одного рода товаров изменяется лишь в зависимости от изменений в спросе; цена другого рода товаров изменяется не только в зависимости от изменений в спросе, но и в зависимости от гораздо больших и гораздо более частых колебаний количества товара, доставляемого на рынок для удовлетворения этого спроса.

Случайные и временные колебания рыночной цены товара приходятся главным образом на те части ее, которые сводятся к заработной плате и прибыли, и меньше отражаются на той части, которая приходится на ренту. Рента, установленная в известной сумме денег, ни в малейшей степени не подвергается влиянию этих колебаний ни в своем размере, ни в своей стоимости. Рента, установленная в известной доле или в известном количестве продукта в натуре, подвергается, без сомнения, в своей годичной стоимости влиянию

всех случайных и временных колебаний рыночной цены этого продукта в натуре, но при этом редко изменяется ее годичный размер. Устанавливая условия аренды, землевладелец и фермер стараются по силе своего разума сообразовать размер ренты не с временной и случайной, а со средней и обычной ценой продукта.

Указанные колебания отражаются как на стоимости, так и на норме заработной платы и прибыли в зависимости от того, переполнен рынок или же испытывает недостаток в товарах или в труде, в работе уже выполненной или подлежащей выполнению. Общественный траур повышает цену черной материи (в которой рынок в таких случаях почти всегда испытывает недостаток) и увеличивает прибыли купцов, обладающих сколько-нибудь значительным количеством ее. Он совсем не отражается на заработной плате ткачей. Рынок испытывает недостаток в товарах, но не в труде, недостаток в уже выполненной работе, но не в работе, подлежащей выполнению. Но этот же траур повышает заработную плату рабочих-портных. В этой области рынок испытывает недостаток в труде. Здесь налицо действительный спрос на большее количество труда или работы, подлежащей выполнению, превышающий предложение. Траур ведет к понижению цены цветных шелковых и шерстяных материй и таким образом сокращает прибыли купцов, имеющих на руках сколько-нибудь значительное количество их. Он понижает также заработную плату рабочих, занятых в изготовлении этих то-

варов, так как всякий спрос на них приостанавливается на шесть месяцев, а может быть, и на целый год. В данном случае рынок оказывается переполненным как товарами, так и трудом.

Но хотя рыночная цена всякого отдельного товара, таким образом, постоянно тяготеет, если можно так выразиться, к естественной цене, однако иногда случайные обстоятельства, иногда естественные причины, а иногда особые распоряжения правительства могут продолжительное время держать рыночную цену многих товаров намного выше их естественной цены.

Когда в результате увеличения действительного спроса рыночная цена какого-нибудь товара поднимется значительно выше его естественной цены, лица, затрачивающие свои капиталы для снабжения рынка этим товаром, обыкновенно стараются скрыть такое изменение. Если бы оно стало общеизвестным, их большая прибыль побудила бы столь многих новых конкурентов вложить в это дело свои капиталы, что действительный спрос оказался бы полностью удовлетворенным и рыночная цена скоро понизилась бы до уровня естественной цены, а, может быть, на некоторое время и ниже ее. Если рынок находится на большом расстоянии от местожительства тех, кто снабжает его, они могут иногда сохранять секрет в течение ряда лет, и все это время пользоваться своими чрезвычайными прибылями, не встречая новых конкурентов. Однако надо признать, что секреты подобного рода

редко можно сохранять в течение продолжительного времени, а чрезвычайная прибыль может держаться лишь немного дольше, чем сохраняется секрет.

Секреты в мануфактурном производстве можно сохранять дольше, чем в торговле. Красильщик, открывший способ окрашивать ткани в какой-нибудь цвет при помощи материалов вдвое более дешевых, чем те, которые обыкновенно применяются для этой цели, может при правильной постановке дела пользоваться выгодами своего изобретения всю свою жизнь и даже передать его в виде наследства своему потомству. Его чрезвычайный доход имеет своим источником высокую цену, уплачиваемую за его специальный труд. Он, в сущности, представляет собой высокую заработную плату за его труд. Но так как этот доход получается с каждой единицы его капитала и так как общая его сумма в соответствии с этим пропорциональна величине капитала, то обычно этот доход рассматривается как чрезвычайная прибыль с капитала.

Такие повышения рыночной цены являются, очевидно, следствием особых обстоятельств, действие которых, однако, может иногда длиться много лет подряд.

Некоторые естественные продукты требуют таких особых свойств почвы и расположения ее, что вся земля какой-нибудь обширной страны, годная для производства их, может оказаться недостаточной для удовлетворения действительного спроса. Поэтому все количество такого продукта, до-

ставляемое на рынок, может быть продано тем лицам, которые готовы дать за него больше, чем необходимо для оплаты ренты за землю, на которой произведен этот продукт, и для оплаты по их естественным нормам заработной платы и прибыли за труд и капитал, затраченные на производство и доставку этого продукта на рынок. Такие товары могут в течение целых столетий продаваться по высокой цене, и в этом случае именно та часть цены, которая сводится к земельной ренте, оплачивается обычно выше своей естественной нормы. Рента с земли, доставляющей такие превосходные и высоко ценимые продукты, подобно ренте с некоторых виноградников во Франции, находящихся на особенно благоприятной и удачно расположенной почве, не стоит в каком-нибудь правильном соотношении с рентой с одинаково плодородных и столь же хорошо обрабатываемых земель в данной местности. Напротив, заработная плата и прибыль за труд и капитал, затрачиваемые для доставки таких товаров на рынок, редко отклоняются от своего нормального соотношения к заработной плате и прибыли, которые существуют в этой местности в других отраслях производства.

Такие повышения рыночной цены представляют собою, очевидно, следствие естественных причин, которые препятствуют полному удовлетворению действительного спроса и поэтому могут действовать вечно.

Монополия, предоставленная отдельному лицу или торговой компании, оказывает то же действие, что и секрет в

торговле или мануфактурном производстве. Монополисты, поддерживая постоянный недостаток продуктов на рынке и умышленно не удовлетворяя полностью действительный спрос, продают свои товары намного дороже естественной цены и поднимают свои доходы – состоят ли они в заработной плате или прибыли – значительно выше их естественной нормы.

Монопольная цена во всех случаях является высшей ценой, какая только может быть получена. Естественная цена, или цена свободной конкуренции, напротив, представляет собою самую низкую цену, на которую можно согласиться, конечно, если речь идет не об отдельном случае, а о продолжительном времени. Первая во всех случаях является высшей ценой, какую только можно вытянуть у покупателей или какую, как предполагается, они согласны дать; вторая представляет собою низшую цену, какую продавцы соглашаются взять, не прекращая в то же время своего дела.

Такую же тенденцию, хотя и в меньшей степени, имеют исключительные привилегии корпораций, законы об ученичестве и все те законы, которые в отдельных отраслях производства сокращают число конкурентов по сравнению с тем, каким оно было бы при других условиях. Они являются своего рода расширенными монополиями и часто могут в течение целых столетий в целом ряде отраслей производства держать рыночную цену отдельных товаров выше естественной цены и удерживать как заработную плату за труд, так и

прибыль на капитал, применяемый в этих производствах, на уровне, несколько превышающем их естественную норму.

Подобные повышения рыночной цены могут держаться до тех пор, пока сохраняют силу правительственные постановления, вызывающие их.

Рыночная цена любого товара редко может продолжительное время держаться ниже естественной цены, хотя и может долгое время оставаться на более высоком уровне. Какая бы часть ее ни оплачивалась ниже своей естественной нормы, лица, интересы которых от этого страдают, немедленно почувствуют ущерб и сейчас же извлекут столько труда или капитала из производства этого товара, что количество последнего, доставляемое на рынок, окажется достаточным только для удовлетворения действительного спроса на него. Его рыночная цена поэтому скоро повысится до его естественной цены. Так будет, по крайней мере, в случае существования полной свободы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.